

Повелитель Тьмы
Милый, милый Повелитель

Чёрный доспех Повелителя Тьмы вселяет страх в сердца врагов его Вечной Империи, меч в латной деснице крошит сопротивление, бронированные плечи несут тяжесть ответственности, но под сплетённой из мрака колдовской сталью скрывается, всё же, человек... И он совсем не похож на «настоящего» Императора.

Может ли милая внешность помешать достигнуть мирового господства, или это — очередное средство исполнения тёмных планов?

Часть 1. Слава Императору I

— Слава Императору! Слава Вечной Империи! Слава Вечному Трону! — радостны возгласы и торжествующий смех волнами раскатывались по Железной Цитадели: от внешних фортов и передовых бастионов, по редюитам, через башни и парапеты, к внутренним укреплениям. К величественной, сжатой железными пальцами контрфорсов императорской базилике, где под ребристым полукуполом апсиды ступени вели вверх — к раскинувшему свои крыла, как летучая мышь, Вечному Трону.

Военачальники с позолоченными наплечниками, гвардейцы в чёрном железе, советники в бархате и простые солдаты — вся ликующая свита — остались позади, когда за ним затворились тяжелые двери.

Он оказался один в пустынном зале.

Победитель. Император. Повелитель Тьмы.

Тяжелая поступь закованных в броню ног эхом разносилась по базилике, проникала в тёмные нефы, скользила вдоль колонн и стрельчатых арок, забиралась к высоким хорам.

Шаг, ещё один...

Всё ближе к трону.

Последняя ступень, и массивная фигура опустилась на своё законное место. Затянутые в броню руки легли на подлокотники, выполненные в виде покорно подставляющих ему свои спины неведомых чудовищ. Острые когти — железные перчатки, под которыми никому и в голову не пришло бы представлять обычные человеческие пальцы, — сжали бронзовые головы тварей.

Из-под шлема с маской — воплощения древнего кошмара — вырвался тихий вздох.

Император устал.

Не от войны — очередной, и, как всегда, выигранной...

Вечная Империя, как живой организм, словно пищи требовала постоянных подношений — больше земель, больше подданных, больше денег. Пока шла война — дышали её лёгкие-кузны, выплёвывая в небеса пар, разнося по венам дорог стальную кровь — оружие победы. Победа нужна солдатам — так не нужно думать: верно ли поступает их Император, на той ли они стороне. И победа нужна его генералам. Его советникам. Народу, в конце концов.

С победой они будут знать, что находятся на той стороне — на правильной. На стороне победителя, где вся правда, вся слава, все богатства этого проклятого мира. Пусть даже те, кто ещё противится железной поступи Вечной Империи, зовут её Императора исчадием Тьмы. Ублюдком. Монстром...

Император устал от тяжести своего Доспеха. Он не просто броня — не соединение пластин колдовского железа и кожаных ремней, не вязь тонко исполненной кольчуги. Он большее. И он очень тяжёл. Не физически, конечно. В этом плане Доспех — словно кожа: неотделимая часть своего владельца, привычная и удобная.

Он тяжёл духовно.

Доспех — часть силы Императора, проводник и узда для неё. Ларец и темница для сокровища Тьмы — для её Повелителя. Он выкован из самого сгустившегося мрака... И защищает Повелителя не только от мечей и стрел, но и от магии. Магии не столько вражеской, сколько его собственной.

Тёмная сила Повелителя столь велика, что разрушает его самого... и Доспех позволяет

сократить этот урон. И он же — усугубляет его.

Это похоже на железное кольцо, сомкнувшееся на шее Императора. Шипы на нём обращены наружу и видны каждому, но есть и другие. Те, что обращены внутрь, и впиваются в его кожу. Они опаснее, потому что смазаны ядом. Ядом зависимости, что страшнее любой наркотической привязанности и который уже разнёсся по венам.

И всё же, он носит его, этот Доспех. В конце концов, сквозь колдовское железо, спрессованное из самого глубокого и самого холодного льдистого мрака, не пробьётся ни один меч, и ни одна стрела.

А ещё: за этим Доспехом оказалось удобно прятаться... от взглядов.

Магия...

Колдовское железо Доспеха пришло в движение — рябь разнеслась по железной поверхности, столь чёрной, что сам свет боялся оставлять на ней свои отблески. И... Повелитель словно разделился. Доспех остался восседать на Вечном Троне, подобно ране в мироздании — концентрированный мрак широких плеч и мощных рук, крепкая грудь, бронированный столпы ног... И шлем с маской — мрачным и пугающим искажением черт человеческого черепа, перенявшего хищные черты жутких тварей, обитающих в первородном мраке...

А рядом — замер юноша. В нём не было величия, и не было ничего пугающего. Здесь, в самом сердце Вечной Империи, святая святых Железной Цитадели, он казался неуместным. И какая ирония, что за этими тонкими плечами стояла Тьма, и руки, больше подходившие невольнику из овечьего сладостными ароматами страстей гарема, сжимали бразды правления Вечной Империей.

Кто мог подумать, что Повелителем окажется такой, как он?

Наверное, только первородный мрак прозревал в зыбкой дымке видений будущего что-то подобное. Иначе зачем вырвал бы из своей беспросветной плоти этот Доспех, оставшийся теперь восседать на Вечном Троне?..

С оглушающим грохотом распахнулись двери, и тронный зал вдруг наполнился шумом: голоса, лязг металла, смех.

Юноша, мгновение назад стоявший в полный рост подле трона, тут же сжался и скользнул в сторону. В тень престола. И только в глазах — льдисто-серых и очень умных, пронизательных, — вспыхнула буря: кто посмел?

Конечно, это мог быть только он.

Его голос был самым громким, его шаг — самым широким, и доспехи лязгали как-то по-особому воинственно...

Генерал Браксар, «Чёрный Клеймор Императора» и предводитель гвардии тёмных рыцарей — смертоносного авангарда военных сил Империи. Верхом на своих боевых «Гаргульях — бронированном сплетении крылатых машин и императорской тёмной магии, эти ангелы смерти появлялись на самых трудных участках фронтов имперских войн, и всюду добывали победу. Буквально вырывали её у окровавленных врагов... В своих руках эти воители сжимали жуткие рунические клинки — оружие, по воле и тёмной силой Императора спаявшее их беспросветно тёмные души в единое воинское братство. Браксар по праву был первым из них. И только он мог позволить себе подобную бестактность — ворваться в тронный зал, когда Император пребывает там в уединении. Да ещё и со своей свитой: рыцари окружали генерала, и в ликовании потрясали поднятыми над головами клинками.

В глазах Императора они походили на детей со столичных улиц, разыгравших великую битву, и теперь гордо шествующих по двору с воздетыми к небу палками — своим победоносным «оружием». Впрочем, многие тёмные рыцари и впрямь были очень молоды, как молода была сама Империя, как молод был Браксар, и как молод был их Император.

О последнем, впрочем, знали немногие...

Но явился доблестный генерал не для того, чтобы Император полюбовался им — этой закованной в колдовское железо горой... Или его знаменитым клеймором — невероятных размером мечом, с которым Браксар управлялся на удивление ловко, и в честь которого получил своё прозвище. А для того, чтобы бросить к ногам Императора добытую в бою добычу.

Неплохую добычу.

К подножию Вечного Трона упало тело... Окровавленное, в обломках доспехов и лохмотьях некогда искусно сшитых дорогих одежд. Вслед за этим Браксар опустил на одно колено, и взглянул на своего Императора...

Нет... конечно же — лишь на восседающий на престоле Доспех. На истинного Повелителя он даже не глянул. Для вассалов Вечного Трона эта его... ипостась... не более, чем комнатный мальчик Императора. Наверное, они принимают его за постельную игрушку, забаву, спрятанную ото всех в самых глубоких покоях Железной Цитадели. А для врагов, пожалуй, это очередной повод увериться в развращённой, гнилой натуре Повелителя Тьмы.

Что же, у него не было причин их переубеждать: этот мир уважает силу, и трудно внушать трепет народам, обращаясь к ним лицом... «живой грелки» на ложе тёмного владыки.

Для Браксара эта настоящая природа Повелителя — ничто, не заслуживающее даже обрывка мысли, даже внимания.

Тем лучше.

— Генерал Браксар... — сидя на голом полу подле трона, уткнув лицо в острые колени так, что остальным видна только лохматая макушка, Повелитель тьмы может говорить «устаами» Доспеха. Это часть доступной ему магии, основанной на связи со своей бронированной второй кожей. Чёрный страшный шлем с маской даже чуть шевельнулся, как бы взглянув на генерала.

Браксар, этот неустрашимый воин, закалённый в тысяче битв, проливший моря крови, рвавший врагов голыми руками, внутренне вздрогнул, услышав голос своего Императора. Голос, звучащий холодным железом, наполненный эхом почти божественного могущества.

В этом голосе ему послышалось неудовольствие.

— Мой Император, ваш слуга вернулся с поля битвы не с пустыми руками, — голос генерала был полон покорности и смирения, но был в нём и лёгкий вызов — желание показать себя перед грозными очами Повелителя, и хотя бы чуточку приблизиться к этому величественному, тревожащему мысли образу.

Брошенное к подножию трона «тело» шевельнулось и захрипело: значит — ещё жив. Император, настоящий Император, а не пустая скорлупа, лишь самую малость поднял лицо от колен — достаточно, что взглянуть сквозь отросшую до безобразия чёлку на пленника.

То, что когда-то было человеческим лицом, чудом сохранило некоторые узнаваемые черты: вот — надменный изгиб брови... одной, поскольку другая рассечена и уже покрылась кровавой коркой... что-то в очертании уцелевшей под ударами бронированных кулаков скулы, и, конечно, полный ярости и праведного гнева взгляд. И ничего, что один глаз

совершенно заплыл и заполнился кровью.

Что же, ещё один враг Вечной Империи, недавно хвалившийся своей силой и поливавший грязью Императора, сметён и низвергнут. Нельзя сказать, что Браксар не баловал своего Повелителя подобными «подарками». Отважный генерал вполне осознанно бросался в гущу схватки, чтобы всеми силами, не взирая на раны и потерю крови добраться до тех, кого Император мог назвать своими личными врагами. И всякий раз старался захватит недруга живым. И вовсе не из милосердия... Тяжело было назвать этого тёмного рыцаря милосердным — это убийца, и убийца отменный. Браксар делал это из жажды внимания и милости Императора, чтобы иметь возможность так ворваться в тронный зал, застать Повелителя одного. И, наверное, предпочёл бы и сам сделать это в одиночестве... Но он был, всё же, командир, и никогда не забывал, что победа достигнута общими усилиями, и его гвардейцы заслуживают почестей и внимания владыки не меньше.

Поэтому Император прощал Браксара, позволяя ему подобные... вольности.

Доспех на Вечном Троне чуть шевельнулся. Как марионетка, подчиняясь чарам Повелителя, он принял чуть более благосклонную позу — пальцы-когти уже не сжимали с такой яростной силой подлокотники. Браксар это заметил, и уже на лице этого вояки отразилось довольство... Которое быстро схлынуло, стоило в тронном зале раздаться новому голосу:

— Не досаждайте Императору своими пустяками, Браксар. У нашего Повелителя есть более важные дела, чем наблюдать за вашим хвастовством, построенным, к тому же, исключительно на его собственном могуществе. Без Императора ваши знаменитые «Гаргульи» не более, чем груда металла.

Из тени бокового нефа к занимаемой тронным возвышением апсиде выступила новая фигура.

— Лорд Истрим, — жёсткий голос Браксара явно показывал, как он относится к этому неожиданному им визитёру.

А вот Повелитель совершенно не удивился появлению Истрима: здесь, в Железной Цитадели, если подле Императора появлялся один из этой парочки, то следом тут же являлся другой. И не нужно было иметь семь пядей во лбу, чтобы понять — эти двое друг друга недолюбливают...

Император обречённо опустил голову на колени: их соперничество за его внимание было даже слишком очевидным. Сперва он ещё думал, что их борьба — обычная для монархических дворов возня, где цель — влияние на государя, а через него — деньги и власть. Ещё больше денег и власти...

Если бы так.

Скрытые за прижатыми ко лбу коленями брови Императора грозно нахмурились: порой ему хотелось схватить этих двоих за шкурки, и как следует проучить. Благо, Доспех позволял ему это сделать — в нём он возвышался над всеми. Даже над великаном Браксаром. А вот без колдовской брони представить подобное уже невозможно: Император был не высок.

Это порой бесило, и он в сердцах клял природу, давшую ему такую великую силу во Тьме, и такое жалкое, по-юношески хрупкое тело.

— Так что, забирайте свой «подарочек», и займитесь чем-нибудь. Император призовет вас, если будет нужна, — лорд Истрим уже занял своё привычное место возле Вечного Трона. Его гибкая, статная фигура, обтянутая по-военному строгим мундиром, в котором необычным был только цвет — кроваво-алый, теперь возвышалась над Браксаром.

— Почему бы тогда и вам не вернуться к своим... склянкам, — генерал сдаваться этому надменному лорду не собирался.

— Моё присутствие здесь, в отличие от вашего, генерал, обусловлено важными делами Империи, — на первый взгляд Истрим просто стоял по правую руку от своего восседающего на престоле Императора, но, вместе с тем, он теперь загораживал собой от взглядов Браксара сидящего в тени трона юношу. Если бы генерал захотел на него взглянуть, конечно... Для всех здесь присутствующих, и для командира чёрных рыцарей в том числе, это ничего не значило. Но...

Он знал. Истрим знал, и поступал так осознанно.

Взглянув сквозь чёлку на полускрытую узким плащом спину лорда, Император остро пожалел, что не находится сейчас в своём Доспехе. Когда рядом был Истрим, в нём он чувствовал себя... лучше. Всё потому, что этот человек, наверное — единственный в целом мире, знал, кто скрывается под чёрной бронёй: видел его собственными глазами. И — больше....

Касался его.

Конечно, в этом не было ничего такого... Это было вынужденно — Доспех терзал тело Императора, иссушая жизненные силы. Их следовало восстанавливать, залечивать раны. Для этого и нужен лорд Истрим — более известный как «Яд Императора» приближенный императорский апофикар. Используя своё жуткое алхимическое искусство, он не только выращивал в подземельях Железной Цитадели ужасных монстров, призванных защитить бастионы в час нужды, но и создавал лекарство для своего Повелителя: мази и зелья, облегчающие мучения слабеющей плоти.

— Вашими делами? — в бою генерал носил жуткого вида шлем с дьявольски-изогнутыми рогами, и, хотя сейчас его голова была обнажена, он всё равно, как баран, упирался рогами в метафорические рога императорского апофикара.

Кто кого пересилит.

— Генерал, — голос из «уст» Доспеха на троне прервал эту бессмысленную борьбу, — мы рассмотрим вашу добычу позднее, а сейчас — оставьте нас.

Никто не осмеливался противиться воле Императора, и Браксар, напоследок сверкнув глазами на апофикара, удалился вместо со свитой и пленником.

— Мой Император, — Истрим смотрел теперь только на настоящего Повелителя. Более того, он хотел помочь ему подняться, но Император этого не допустил.

— Лорд Истрим, — настоящий голос наследника Тьмы был под стать внешности: высокий и звонкий. Ему больше подошло бы веселиться, а не гневаться, петь, а не отдавать приказы.

— Вам стоит приструнить эту дикую гвардию — они тянут из вас силы и...

— Не стоит, — отмахнулся Император: ему не хотелось слушать эти детские жалобы своих советников друг на друга. — Давайте займёмся делом.

Часть 2. В тени Вечного Трона

Едва заметный тёмный ход уводил из тронного зала в скрытые от всех глаз комнаты. Личные покои Императора. Впрочем, такое звучное имя мало подходило тем скромным комнаткам, которые занимал Повелитель Тьмы в собственном железном оплоте. Больше всего они напоминали казарменные комнатки офицеров среднего звена: тесные, со скудной и очень простой мебелировкой. Никаких картин в тяжёлых раззолоченных лепных рамах, никаких статуй фигуристых героев прошлого, никаких россыпей драгоценностей. Только голые стены и низкие, давящие потолки. Здесь даже императорским ложем служила не роскошная кровать с бархатным балдахином, а обычная солдатская койка, жёсткая и узкая. И бельё на ней — под стать: уныло-серое, изрядно потёртое и назойливо-колкое.

Никто и никогда не подумал бы, что здесь проводит свои редкие часы отдыха грозный правитель Вечной Империи, архитектор террора, гений ужаса и просто Повелитель Тьмы, наступивший своей закованной в проклятое железо пятой на шею народов. Враги, напротив, ждали от него утопающей в роскоши безвкусной вульгарности, гаремов с нежными юношами и трепетными девушками, евнухов, и павлинов, лениво бродящих по мраморным плиткам у фонтанов с вином. Чтобы струились тончайшие шелка, не способные прикрыть тающих абрикосовых тел. Чтобы звучали песни. И чтобы он, мрачный и жестокий, грубо насиловал своих пленников, насмехаясь над сорванными плодами драгоценного девства. Словно дикий зверь...

Так рисовали его враги, но ничего этого не было. Зато был солдатский аскетизм, граничащий с полной убогостью быта. Но Император этого уже не замечал.

Он лёг, позволяя нависшему над ним апофикару делать своё дело. Истрим, кое-как разместивший всю массу своих баночек и склянок на маленьком столике, теперь колдовал над ними: что-то смешивал, взбалтывал, проверял на просвет цвет, принимался, и даже кое-что попробовал на вкус. Только после этого его ладони с тонкими ухоженными пальцами легли на грудь Императора, прошли по ней... уверенно забрались под простую рубаху, и потянули её края вверх.

Повелителю Тьмы пришлось покорно приподняться, чтобы его могли раздеть. И снова он предпочёл бы оказаться заключённым в свою броню, и вышагивать в первых рядах на поле боя.

Ладони Истрима легли уже на обнажённую грудь Императора, болезненно бледную, но кое-где покрытую тёмными пятнами недуга... Именно их-то и следовало излечить. Руки апофикара были тёплыми — он растёр их, прежде чем касаться своего Повелителя, и влажными — от нанесённых лекарств.

Вообще-то, Император хотел сам мазать свои болячки, уединённо, но Истрим настоял на собственном праве делать это... Праве лечащего врача. Не доверял, считая, что правитель может и пренебречь этим. Наверное, был прав.

— Ваша задача, мой Император, заботиться об Империи, — говорил апофикар, — моя — заботиться о вас.

И заботился. Некоторые советники не уставали «во имя истины» нащёптывать Императору на ухо, что Истрим: коварная ядовитая змея, что он предаст своего господина, что через него враги проложат к трону путь для цареубийц... Он отмахивался, как от вздора. Можно с сомнением и раздражением относиться к вражде Истрима и Браксара, к их

детскому соперничеству. Можно в тайне порывивать на их... отношение... к нему. Но Император никогда не сомневался в апофикаре, как не сомневался в генерале.

С каждым из этих двоих его связывало прошлое, пусть не такое далёкое, но решительно важное. Определяющее... Он ведь не всегда был Императором. Не всегда был Повелителем Тьмы. Но с рождения являлся каналом для Тьмы. Просто, не всегда умел чувствовать это, и тем более — контролировать.

Доспех всё изменил — в нём он впервые почувствовал себя... кем-то. Понял своё призвание и ощутил силу. И даже, пожалуй, слишком возгордился. Это не удивительно, ведь в юности цель зачастую видится бескомпромиссной. Вот и оказалось, что на пути к ней он столкнулся с жестоким разочарованием. С терпким напитком, который вкушают многие гордецы — поражением. О, какое богатое у этого ироничного угощения послевкусие...

Четыре клинка распяли его на древнем алтаре — вонзились в запястья и щиколотки, намертво пригвоздив к бездушному камню. Их колдовские лезвия странным образом не повредили Доспех, и не задели плоть... Напротив, стали едиными с бронёй из льдистого мрака. Оковы — как часть Доспеха: не шевельнуться, не вырваться из тесных уз.

Можно только кричать, проклиная всех, и прежде всего — себя.

Всё потому, что был слишком самоуверен — утвердил своё «Я» на зыбкой почве мнимой исключительности. Но предвечный мрак не одарил его одного. Были другие. Их Мечи оказались едиными по «плоти» и «крови» с Доспехом. Были ему братьями. И поэтому державшие их смогли сковать Повелителя — предпочли отказаться от своих ключей к власти, чтобы запереть на замок соперника.

Горькая насмешка судьбы.

Зато, лёжа в пустой темноте, он — узник собственного Доспеха — обрёл ясность прозрения.

И тогда же родились первые звенья цепи, накрепко связавшей его с колдовской бронёй. Определившей их особую связь, день ото дня только крепнущую. Доспех не давал умереть своему Повелителю, питал его, и сам питался им. Замкнутый круг нарастающего могущества и идущего с ним рука об руку саморазрушения.

Однажды, это долгое уравнение разрешится... показывая нелепость многих мечтаний, преподнося урок нелепости избранных жестоких забав, задувая пламя всех страстей.

Неизбежная расплата...

Тогда она казалось очень близкой, и, словно грозная туча, — заслоняющим грядущее. К счастью — он ошибался. И всё же, провёл в этом заключении слишком много времени. Больше, чем любой человек смог бы выдержать и не сойти с ума.

Но он — больше, чем любой человек. Он терпел и ждал. Боролся с подкрадывающимся безумным отчаянием. И тогда, на излёте надежды, его и нашёл Браксар. В те годы — просто «громила Бракс», один из головорезов в шайке наёмников-авантюристов, больше похожих на рядовых разбойников-мародёров, всюду ищущих, чем бы поживиться. Шут его знает, что завело их в ставшую темницей для наследника Тьмы гробницу... Может быть — простая жажда наживы, возможность безнаказанно пошарить в истлевших карманах мертвецов. Или — поиск ночлега, а может — места для своего логова-схрона.

Повелителю было плевать, и он никогда не спрашивал об этом у Браксара. Просто не забывал, кто спас его тогда, не позволив остаться распятым в бесконечной одинокой темноте... и кто не дал своим ехидным дружкам глумиться над бессильным узником.

И, опять же, он не интересовался: почему?

В конце концов, для «громилы Бракса» это оказалось хорошим решением. Верным. Он обрёл силу, власть, деньги. Всё, что угодно — к его услугам. Он — значимая фигура в Вечной Империи. Это пространство гораздо, гораздо большее, чем любое существовавшее прежде государство. А воинская слава теперь уже генерала разлетелась и того дальше. Мало найдётся дураков, желавших бы схлестнуться в бою с чёрными рыцарями на «Гаргульях».

С Истримом всё произошло иначе. Будущего лорда и апофикара спас уже сам Император. Император молодой, но быстро набирающей силу Вечной Империи. Спас из темницы, где тот гнил, приговорённый к казни за свои эксперименты «против природы».

Император смеялся над подобными формулировками законов: вся его держава была вызовом этой «природе». Он сам — живой вызов.

Конечно, та экспедиция была устроена вовсе не ради Истрима... Вернее, ради другого. Ради человека, который, как считал Повелитель, сможет повлиять на связь между ним и Доспехом. С этим ничего не удалось. Как оказалось, можно разбить армию, разрушить крепости, взять натиском города, поставить на колени целое королевство, но оказаться бессильным перед одним единственным человеком. Перед упертым стариком, слишком ценящим свои насквозь одряхлевшие убеждения. Перед дураком, предпочитающим жизни «почётную» и «незапятнанную» предательством смерть...

В смерти нет ничего почётно. И она очень грязная, особенно если тебя рассекают на части два меча Повелителя Тьмы. Два Меча из тех четырёх, что прежде сковывали его.

К счастью, у слишком принципиального мастера оказался куда менее принципиальный ученик. Ученик, уже продемонстрировавший интерес к запретному: рискнувший пройти по затенённым путям... Пускай и попавшийся на этом, и теперь томящийся в темнице.

Для Истрима оказалось хорошо, что Вечная Империя отвергает все ничтожные законы и устои покорённых королевств. Вечная Империя не осудила его. Напротив — вытащила, обросшего и вшивого, из тёмных казематов, привела в чувство и дала в руки все инструменты.

Твори, выдумывай, пробуй...

Всё во имя славы и могущества Вечного Трона. Ради Императора, спасшего его от смерти и развязавшего руки. Поэтому Повелитель Тьмы доверял Истриму.

И были другие, конечно, кому он доверял. Вечная Империя не стоит на одном человеке, даже если этот человек — Император, или на двух, пусть даже очень важных. Она стоит на сотнях, тысячах, миллионах верных. На их руках, на штыках, на спинах и плечах, и даже — костях.

Просто, эти двое...

Руки Истрима прошли по юношески-острым ключицам Императора, и скользнули дальше, к тонкой шее... Тут же взгляд холодных серых глаз, брошенный на задумчивое лицо апофикара, заставил их вернуться в границы дозволенного. Истрим, подцепив новую порцию мази, в ответ оставил широкий росчерк этой целебной дряни вокруг одного из нежно-розовеющих императорских сосков.

Император закрыл глаза: было не так-то просто утвердиться в мысли, что апофикар должен ещё немного пожить. Приходилось титаническим усилием воли напоминать себе, что со смертью Истрима... с очень страшной и кровавой смертью... больше некому будет готовить эти проклятые лекарства.

Часть 3. Будни Императора I

Самая незавидная должность при дворе Вечной Империи — оруженосец Императора...

Во-первых, у Императора зоркий глаз, не самый простой характер и тяжелая рука. Это значит, что он замечает всё вокруг, реагирует неожиданно и жёстко, и... прилететь за любой пустяк может запросто. А если ты, по должности, к особе этого самого Императора приставлен почти вплотную, то, значит, и прилетает тебе чаще других. То мундир недостаточно выглажен, то броня плохо блестит, то ножны закреплены на миллиметр в сторону, то недостаточно сконцентрирован, то... ещё миллион возможных вещей.

Во-вторых, ты считаешься не просто оруженосцем, но учеником самого Императора, и должен быть на высоте своего положения. Это не просто.

В-третьих, что вытекает из второго пункта, ты должен спарринговать с самим Императором. На мечях. С Императором. С тем, который Повелитель Тьмы, сражающийся парой колдовских клинков, и который считается величайшим воином последней тысячи лет... Его удары сыплются градом, и после тренировки выходишь, как и после настоящего дождя, весь сырой. Только не из-за проливающейся с небо воды, а от льющегося с тебя самого же пота.

И, наконец, в-четвёртых... Где-то поблизости постоянно рыщут генерал Браксар и императорский апофикар лорд Истрим: смотрят на тебя волками, клацают зубами, сверкают клыками... От них придинок, «дельных» замечаний, советов, намёков и всего такого прочего сыплется едва ли не больше, чем от Императора. Император больно бьёт, но чаще молчит, а эти — разговорчивые. И по чину — старше, а значит, надо стоять, вытянувшись, и молча слушать, запоминать, учиться у, мать их итить, лучших.

— Слава Вечной Империи! — и вперёд, постигать науку.

Так что, зачисленный в придворный штат императорским оруженосцем лейтенант Доэр радовался своему невероятному успеху (и считал это достижение успехом) ровно до момента знакомства с этими двумя. И это при том, что к тому моменту уже состоялась его первая (пробная!) тренировка с Императором, и теперь процедура принятия горизонтального положения для сна занимала от тридцати минут до часа — ровно столько требовалось, чтобы найти положение, в котором не задеваешь все свои ссадины и шишки, и ещё — смириться с тем, что завтра болеть будет сильнее.

А он, дурак, считал, что это на первом курсе Военной Академии было сложно.

С другой стороны, конечно, у положения императорского оруженосца были и свои плюсы. Так, Доэр мог немного покрасоваться и разыграть важную птицу перед стажировавшимися в Цитадели кадетами и новобранцами гарнизона.

— Эй, — окликнул Доэр как раз одну из таких целей — парнишку в пепельно-сером мундире пажеского корпуса, несшемся куда-то по коридору беглым шагом. И когда он уже хотел всласть отыгаться на младшем... его самого прошиб внезапной стрелой до боли знакомый бархатисто-ядовитый голос:

— Лейтенант Доэр, — лорд Истрим нарисовался, как обычно, совершенно из ниоткуда, — разве у вас по графику сейчас не тренировка с Императором?

И чего апофикару не сиделось в его подземельях? Доэру оставалось лишь оправдываться, и уныло смотреть, как резво утекает за ближайший угол намеченная цель — только и успел заметить, как мелькнула лохматая макушка пажа, да сверкнули его серые

глаза, напоследок окатившие лейтенанта не по-уставному грозным взглядом.

К счастью, сам императорский апофикар куда-то спешил, и не стал долго мучить Доэра. Зато на тренировке лейтенанту влетело по полной: похоже, кто-то успел испортить Императору настроение, и тот атаковал яростно, превращая и без того невероятный танец своих парных мечей в настоящий смертоносный вихрь. Всякий раз, пробив оборону Доэра, холодное колдовское железо замирало в миллиметре от его груди.

Это было хорошо...

В конце концов, Доэру не хотелось стать первым человеком, погибшим на императорской тренировке. К тому же, лейтенант всё же надеялся — и это грело его душу — отыскать того проворного, но не в меру непочтительного пажа, и показать, кто тут главный, и как работает иерархия в Вечной Империи.

Помимо лорда Истрима только один человек знал, кто скрывается под Доспехом Императора. И была это, что не удивительно, женщина. Удивительнее была та связь, что соединяла её с Императором.

Она была вовсе не той, какую хотелось бы рисовать в своих агитках доморощенным пропагандистам на содержании у врагов Вечной Империи.

Этой женщиной была леди Нейт, всем известная как сестра Императора. Сестра, впрочем, не родная, и даже не сводная. Кровных уз между ними не было, только давняя общая история. История, опять же, без секса, без чувственной влюблённости, и даже без той смутной симпатии, из которой что-то подобное могло бы проклюнуться. Это хорошо выяснили через собственные каналы разведки, независимо друг от друга, лорд Истрим и генерал Браксар. А также те другие, кого эта тема, по какой-то причине, крайне интересовала.

Впрочем, врагам всё это не помешало приписать к «личному делу» Императора ещё и метку «инцест». И кто-то в это даже поверил, а кого-то этого, разумеется, погубило. Повелитель Тьмы не любил, когда трепали имя леди Нейт, а заодно и его имя. Последнее ему, впрочем, давно заменял титул. Тот, или другой. Оба хороши.

Так или иначе, ничего интимного Повелителя Тьмы с леди Нейт не связывало. Только понимание и взаимовыручка. А сейчас, по прошествии лет, она вполне обоснованно занимала в Железной Цитадели и всей Вечной Империи своё заслуженно-видное место. Была тем человеком, который тащил на себе все гражданские дела. Целую гору гражданских дел, неуклонно растущую по мере того, как росло само государство, каждодневно расширяемое трудами Императора. Императора, который и обрушил всё это безобразие на свою сестрицу. Сам-то он предпочитал дела военные.

Она, в общем-то, тоже. Но тут уж, как говорится...

Поэтому, каждой возможностью полковник имперской армии Нейт пользовалась на полную, и нещадно гоняла брата по тренировочной площадке. Выступавший без Доспеха и знаменитых Мечей Император вынужденно отступал и уклонялся. В общем-то, уступая сестре как в росте, так и в физической силе, он больше ничего и не мог. Нейт, к тому же, мастерски владела мечом.

И всё же, их тренировки были очень важны для Повелителя Тьмы: он всё ещё надеялся развить своё хлипкое тело... А, ладно, не развить, но хотя бы чуточку укрепить, сбавив зависимость от Доспеха. Конечно, у него всегда тузом в рукаве прятались тёмные силы —

вся неопишная мощь колдовства, но и от этого страшного оружия он зависеть не собирался.

Сила в комплексном подходе — в это он верил.

Цель этих тренировок с леди Нейт в корне отличалась от цели его занятий с лейтенантом Доэром. Там Император выступал строгим учителем, здесь — сам являлся учеником. И страстно хотел добиться успеха, повысив готовность к любым неожиданным поворотам. В конце концов, враги могли раскрыть его секрет, могли застать без Доспеха, без Мечей... Могли даже, пусть и только в теории, подавить его тёмные силы!

Он должен быть готов ко всему.

Нейт провела очередную атаку, целясь ему в руки. Повелитель, поднырнув под меч противницы, попытался контратаковать. Целился в ноги — из-за разницы в росте, как он надеялся, сестре отразить это должно быть затруднительно. Увы, звание полковника даётся не просто так, и Нейт с лёгкостью превратила этот выпад в ничто, и собственным ударом свалила брата в песок, которым было засыпано тренировочное поле.

Что же, не в первый раз — он уже изрядно наглотался этой пыли.

— Не теряете хватки, леди Нейт, — свидетелем тренировочной схватки оказался неведомо как забравшийся в эту часть цитадели генерал Браксар. Впрочем, «как» стало понятно почти сразу — он притащился сюда следом за лордом Истримом, а уж присутствие здесь этого господина было вполне объяснимо...

— Ваш ученик явно делает успехи, — осведомлённым о происходящем куда больше генерала, апофикар не упустил возможности польстить Императору, хотя формально обращался к леди Нейт.

Браксар только насмешливо хмыкнул, выражая сомнение по поводу сделанной Истримом оценки. И тем самым только увеличил торжество апофикара, наслаждавшегося тем, какой яростью засверкали серые глаза юноши в мундире пажеского корпуса. Генерал, впрочем, этого не замечал, как не замечал самого пажа — слишком незначительная персона, чтобы уделять ему внимание.

Леди Нейт, молча наблюдавшая всю эту детскую возню подчинённых брата, устало покачала головой, и приняла боевую стойку, призывая к тому же своего спарринг-партнёра — их тренировка только начиналась.

Вечная Империя не всегда наступала, случалось ей и обороняться. Но Императору такое «дело» не нравилось. Его натура требовала завоеваний, и он, бросая всё, спешил на тот участок фронта, где завязли под чужими атаками его солдаты. И уже одним своим появлением обращал самую глухую оборону в яростное наступление.

И всё же, обороняться, время от времени, приходилось. Например, как сейчас, когда враги создали альянс, наивно полагая, что их жалкие потуги смогут остановить и даже обратить вспять тяжёлую поступь Империи. А здесь ещё и магическая атака была. Повелитель Тьмы чувствовал, как объединённое могущество круга магов обрушивается на имперские позиции, словно невидимый, но губительный град.

Подавление воли...

Враг всеми силами пытался сломить решимость имперцев, внушая им пораженческие настроения, но пока что упирался в возведённый усилием Императора ментальный щит. Его тёмная воля, слово ветер, носилась над полем битвы, отменяя в сторону каждую «градинку»,

которая могла бы опуститься на воинов Вечной Империи.

Неизвестные маги могли поцеловать друг друга в зад.

Но враг ещё и подстёгивал настроения собственных солдат — с этим ничего сделать было нельзя, и враг агрессивно напирал на имперские позиции. Тут Император уже полагался на своих бойцов и их командиров, и на свои Мечи. Он никогда не отсиживался в штабе, так что и здесь его всюду видели только на передовой.

Колдовское оружие крушило врагов: раз — и чьи-то полчерепа снесены. Не помог ни шлем, ни магическое клеймо на нём. Подобное колдовство вообще мало кому помогало, разве что, от скользнувшего по касательной удара. Если противник целится как следует, или удачлив, ничто не спасёт. Тем более, если твой противник — сам Император. И даже если здоровая доля его внутренних тёмных сил уходит на магическую оборону позиций. Потрать он и все их на ментальный щит — ничего не изменится. И он всё так же с лёгкостью врубится в ряды наступающей армии, круша врагов направо и налево. Чужая кровь будет заливать его, горы трупов будут расти вокруг, и даже если кто-то сможет подобраться достаточно близко, сможет нанести удар... Доспех сведёт все старания на нет.

Ну, разве что, враг окажется вооружён особым оружием... но на этом боле битвы подобное едва ли случится.

С небес обрушился жуткий гул и победный клич — это явились на помощь своему Императору тёмные рыцари верхом на крылатых «Гаргульях». На поддержание этих бронированных махин в воздухе тоже шла часть сил Императора — время от времени он вливал её в сложные кристаллические механизмы-сердечники. Но это совсем не было так обременительно для его здоровья, как иногда ворчал лорд Истрим. К тому же, от появления гвардии генерала Браксара эффект был не только психологический. Тёмные рыцари с руническими клинками наперевес способны переломить в свою сторону ход любой битвы. А здесь, в присутствии Императора, и без маячившего поблизости конкурента-апофизара, Браксар чувствовал себя как никогда мотивированно. И уверенно. А ещё — он немного наглел, позволяя себе красоваться.

Знал, что Император видит.

Зависая на мехо-магическом «звере» над позициями противника, генерал принимал картинные позы, запросто подбрасывая в воздух и снова ловя одной рукой знаменитый огромный клеймор. А затем — устремлялся в самоубийственную на первый взгляд атаку, обрушиваясь вниз почти вкрутую, и выравнивая «Гаргулью» лишь в последний момент. Те, кто не успевал укрыться от падающей с небес смерти, погибал в пламени выхлопов, или от запросто переламывающего кости генеральского меча.

Император, глядя на это, мог лишь качать головой. Разумеется — мысленно. Внешне он на подобные фокусы подчинённого никак не реагировал, опасаясь, что это может сподвигнуть того на что-то ещё более безрассудное.

И этого — хватит с лихвой.

Меж тем, враг не переставал лезть на Императора. Да, находились и такие очевидно «замотивированные» магическим способом самоубийцы. Мечи Повелителя Тьмы освобождали этих несчастных от проклятых пуг... Через смерть.

— За Императора! За Вечную Империю! — разносились вокруг имперские кличи. Солдаты, воодушевлённые своим повелителем, поддержанные с неба гвардией тёмных рыцарей, шли в атаку.

Часть 4. Будни Императора II

Боевой маго-мех «Гаргулья» — это идеальный сплав технологий и тёмного колдовства. А ещё, это несколько тонн багрово-чёрной брони, пара манёвровых крыльев и четыре когтистых лапы: передняя пара — для атаки, а задняя — вывода избыточного колдовского огня. Он в избытке генерируется напитанным силой самого Императора кристаллическим сердечником. А ещё, этими жаркими выхлопами тёмные рыцари-всадники со свойственной им сметливостью придумали сжигать врагов — такого Тёмный Повелитель, создавая эти машины войны, не задумывал.

Но инициативу оценил по достоинству.

Иными словами, «Гаргульи» — важный козырь в рукаве Вечной Империи, хотя мало кто мог понять всю сложность задумки: для большинства они оставались некими жуткими тварями, призванными из первородного мрака проклятым Повелителем Тьмы.

Наверное, с точки зрения психологического воздействия на противника так только лучше.

Что уж там, даже тёмные рыцари относились к своим «скакунам», как к почти живым, разумным существам: не просто следили за их состоянием, ухаживали, но давали имена, и даже подмечали у них какие-то черты «характера». Одна «Гаргулья», если послушать всадников, могла быть поновистее, в бою то и дело пробуя руку седока на крепость, другая — смирной, тонко реагирующей на малейшее воздействие на рычаги управления. Третья и вовсе якобы сама чувствовала и брала верное направление.

Конечно, подобное нельзя было предполагать даже при том, что в сложной структуре «Гаргулий» огромную роль играла магия. Поэтому Император смотрел на подобные измышления доблестной гвардии скептически. В конце концов, он и приступил к разработке этих «зверей» по той причине, что они-то как раз не имеют своей воли, в отличие от зверей реальных. К этим последним Повелитель Тьмы относился с недоверием — с ними у него всегда случались какие-то «недопонимания».

Маго-мех, что бы там ни говорили рыцари, не может, в отличие от той же лошади, выбросить тебя из седла, да потом ещё лягнуть задними копытами так, что не встанешь. Нет, конечно, если ты не умеешь управлять «Гаргульей», долго ты на ней не пролетаешь, и сам сгоришь в её выхлопном огне, но всё же...

Главное, что рыцари ценили преподнесённых им монстров.

Иногда — даже с перебором.

В общем-то, именно такую картину и наблюдал сейчас Император. Хотя, быть может, здесь «перебор» был в другом...

Хаос любой битвы — это всегда грязь и кровь. Он знал это по себе — после иных сражений Доспех приходилось вычищать порой часами. Особенно досаждало выскребать ошметки чужой плоти, забившие тончайшие сочленения и гравировку брони... А уж с маской сколько было проблем! Даже возникал вопрос, почему Доспех, при всей своей огромной мощи, не способен пустить часть колдовского ресурса на защиту от загрязнения.

Видимо, первородная природа льдистого мрака такого не предполагала.

Конечно, чиститься приходилось не только Императору. Эта судьба ждала всех переживших бойню солдат Империи: вот вам песок, моча... и вперёд — полировать кирасы, шлемы, мечи. Чтобы блестело — слава Вечной Империи как! А кто отлынивает — нарядь

вне очереди. Или, если офицер не в духе, карцер.

Империя ценит порядок. Враги ещё называют это «имперским деспотизмом». Впрочем, собственные порядки, весьма похожие, у них именуются «добрыми обычаями». Впрочем, это уже диалектика, в которой Император не силен — он предпочитает побеждать в спорах «агрессивным методом».

Но, если вернуться к наведению порядка... Когда бой выигран, и армия возвращается в лагерь, рано или поздно, скорее всего — уже на следующее утро, наступает время приводить себя в надлежащий, уставной вид.

В том числе — для тёмных рыцарей.

В этот раз неподалёку от места отшумевшей битвы протекала река, довольно широкая и чистая, и до одури холодная. Император купаться не собирался, но для обязательной утренней пробежки её берег подходил самым лучшим образом.

Именно там и поджидал своего Повелителя хорошо знакомый с его привычками генерал Браксар. Впрочем, сейчас на генерала он походил меньше всего. Вероятно, потому, что на нём не было ни воронёной брони, ни даже мундира. На нём вообще ничего не было. Благо, стоял он по пояс в той самой холодной воде, которая ни капли не манила своими весёлым блеском Императора. А занимался он там вещами совершенно невинными — мыл свою «Гаргулью», носящую грозное имя Возмездие.

В руках Браксара имелась губка, и вокруг, стекая с багрово-чёрной брони, весело разлетались и растекались мыльные пузыри. Были они и на широкой генеральской груди, которую тот охотно демонстрировал всем желающим. Другое дело, что желающих не имелось, а были только присутствующие — в лице пробежавшего мимо Императора в его Доспехе.

Руки Браксара, выставляя напоказ напряжённые мощные мышцы, смывали с бронированного бока Возмездия покрывавшие его ошмётки чьих-то внутренностей... Это как-то странно контрастировало с весело сверкавшими в генеральских коротких волосах капли влаги.

Заметив Императора, а вернее — дождавшись его, Браксар поспешил принять уставную позу — навтыжку. И вот тут-то остановившийся для приветствия подчинённого Повелитель Тьмы забеспокоился. Всё больше и больше тех частей генеральского тела, которые обычно были скрыты мундиром и бронёй, обнажалось из-под поверхности воды...

Под жуткой маской закрылись льдисто-серые глаза.

Миг, второй...

Император рискнул взглянуть, и... выдохнул. Браксар был в штанах. Тонких, насквозь промокших, и потому внаглую облепивших его ноги, но всё же штанах. Другое дело, что всё, что было под ними, вполне явственно проступало наружу, позволяя контурно оценить габариты.

Но Император, конечно, ничего оценивать не собирался! Зачем бы?

Ха...

И почему же, спрашивается, всё так? Вода ведь холодная! Разве это не должно... ну... сказываться? Повелителю Тьмы всегда казалось, что холод действует... сжимающе.

Он мотнул головой, прогоняя эти бессмысленные мысли. К счастью, Браксар принял это за приветствие, и вернулся к своему занятию. Только вот, теперь принял такую позу, которая вполне, **ВПОЛНЕ** позволяла оценить его уже с другой стороны: пока мощной грудью он навалился на бронированный бок «Гаргульи», спина его прогнулась... очень, надо

сказать, конкретно, для фигуры столь массивно-мускулистой... и теперь Императору открылось пара крепких, упругих... кхм.

Ягодиц, что уж тут скрывать. Тем более, что те же самые генеральские штаны ничего скрывать даже не собирались, а напротив — демонстративно подчёркивали каждый изгиб.

Император побежал. Очень быстро побежал — бег всегда позволял очистить мысли. А Браксар остался домыывать свою «Гаргулью», и остался — вполне собой довольный, и даже направил сидящему в далёкой Железной Цитадели апофикару мысленное направление на одно известное место.

Сон Императора — достояние Вечной Империи. Вокруг места, где он в походе прикладывает голову к подушке, всегда выставляется удвоенная стража: солдаты, гвардейцы, тайные наблюдатели. Но это вовсе не значит, что можно расслабиться и получать удовольствие.

Всегда, всегда найдутся те, кто решит побеспокоить сон Повелителя Тьмы.

Иногда это свои, иногда — как сейчас...

— Эй, эй, — кто-то ощутимо тряс его за плечо, и как ни хотелось отмахнуться от назойливого вредителя, пришлось разлепить слипшиеся веки, — ты как?

Кое-как проморгавшись, Император с любопытством взгляделся лицо незваного ночного визитёра.

Понятно.

— Вставай, — не унимался тот, — мы пришли освободить тебя, и все народы Империи от тирана.

— Что? — он никогда не переставал удивляться таким громким заявлениям.

— Тебе нужно уходить, — заботливо пояснил визитёр, — когда мы убьём Императора, здесь начнётся хаос.

Теперь — действительно понятно.

Император послушно поднялся со своего ложа — простецкого походного «матраса», раскатанного прямо на полу. Хотя в экспропрированном имперской армией под императорский штаб поместье было полно комнат, и весь второй этаж отвели под личные покои, он всё равно остался верен своей традиции солидарности с рядовыми бойцами. А вот Доспех действительно по-барски развалился в бывшей хозяйской спальне — на широком ложе. Не абы каком, а с шарами — верх роскоши по меркам провинциальных толстосумов.

— Торопись, — подтолкнул его в спину всё тот же «доброжелатель».

Император поморщился — он не любил лишние, не согласованные с ним физические контакты. Но всё равно — подчинился, и направился к выходу из комнаты. Там, как оказалось, паслось в ожидании «великого момента» ещё несколько «тираноборцев».

— Ещё один освобождённый, — прошептал им тот, который разбудил Императора.

— Дело Огненной Зари! — поддержали товарища эти сомнительные личности.

Ага!

Император хорошо знал солдат этой «организации». Фанатики. На поднятом ими знамени веры ясно читался громкий лозунг: «выжигай Зло!» И он уже не первый раз становился жертвой их «покушений». Надо полагать, где-то в верхних эшелонах власти Вечной Империи имелся предатель, снабжавший этих идиотов информацией, и так или иначе, скорее всего — взятками, смазывавший для них лазейки, ведущие к Императору.

Иначе бы не пролезли.

— Давай, давай, — поторопили его, и Император с полным гнева сердцем ощутил, как чья-то широкая лапа беспардонно хлопнула его по заднице.

Раздался тихий смешок наглеца.

В пору было рычать... Или, выпустив на волю губительные миазмы тёмных сил, на месте прикончить «убийц»... Но он не стал — сдержался. В конце концов, ему ничего не угрожало: эти фанатики свято верят, будто обычные люди не могут искренне служить тому злу, коим без сомнения является Вечная Империи. Они провозглашают — только страх держит порабощённые народы в подчинении тирану. Убей Повелителя Тьмы, и его царство рухнет в тот же миг.

— Где Император? — шепнул ему всё тот же разбудивший его «зарянец».

Император указал направление.

— Молодец, — по императорским ягодицам пришёлся уже второй, «похвальный» шлепок.

«Убийцы» двинулись к императорской спальне. Там, за незапертыми дверями, их ждала возлежачая на продавленных ею матрасах грудиа беспросветно-чёрной брони.

— Именем Огненной Зари, — убийцы окружили «ложе Императора», — ты проговариваешься к...

Вспыхнувшие фиолетовые молнии прервали заранее заготовленную напыщенную речь. Вырвавшись из грудины Доспеха, они по цепочке прошли через каждого, превращая тела несостоявшихся убийц в пережаренную, разваливающуюся на части мясную массу. Воздух наполнился запахом озона и вонью горячей плоти. То, что было раньше солдатами Огненной Зари, теперь растекалось по полу. Позади, в дверях, неподвижно стоял «освобождённый» ими паренёк с холодными серыми глазами.

Как не эстетично.

А через минуту в комнату уже ворвались гвардейцы и офицеры. Оттеснив в сторону никому не нужного, только мешающегося под ногами лохматого пацана, вошёл генерал Браксар.

«Император» — его пустой Доспех — встретил подчинённых спиной. Поднятый волей Повелителя Тьмы, он стоял теперь у окна, «задумчиво разглядывая» тёмную даль.

— Ещё одно покушение, — произнесли «уста» чёрной маски.

— Это... — хотел задать вопрос один из штабных офицеров.

— Лучи Огненной Зари, — пояснил Император. Спихнутый в самый дальний угол комнаты, он запросто мог вещать через Доспех — никто на него даже не смотрел, и не мог заметить лёгкого движения губ.

— Проклятые фанатики! — прорычал Браксар, бесящийся от одной только мысли, что кто-то смог пробраться к Императору, когда рядом находились его тёмные рыцари, и он сам. — У них наверняка были сообщники. Мой Император, мы найдём их!

— Надеюсь, генерал. Это в ваших интересах.

Часть 5. Воля Вечной Империи

Дипломатия Вечной Империи существует. И — нет, она не занимается исключительно составлением нот с объявлением войны и требованием дани девственницами и золотом. Но, что более странно, её слабым звеном является сам Император. Главным образом, потому что важной составляющей дипломатической игры являются официальные обеды...

А как может обедать человек, с ног до головы закованный в непроницаемый доспех? Вот и получалось, что присутствие Императора на подобных мероприятиях вносит заметную напряжённость в действия окружающих, вынужденных смущённо и неловко ковыряться вилочками в подаваемых блюдах, тогда как занимающий место во главе стола Повелитель... просто сидит. И очевидно, разглядывает присутствующих. Но кого — из-под маски не видно.

Сплошные волнения.

А церемониймейстеры головы сломали, размышляя: стоит ли сервировать приборы на персону Императора, и если да, то наполнять ли бокал вином, или оставить пустым? А как быть с подачей блюд?

Непростая задача.

Но! Если с ней удаётся разобраться, появляется другая: Император совершенно не выглядит как человек, способный вести светскую беседу. В его устах самое обычное «как ваше здоровье, посол?», звучит как — «Ты сейчас умрёшь, и мучительно. Приготовься».

Только злодейского хохота не хватает...

С этим решительно трудно что-то поделать, поэтому дипломатический корпус тактично старается работать отдельно от персоны Императора.

Увы, не всегда выходит.

Случается, некоторые из всё ещё суверенных по какой-то причине соседей Вечной Империи желают вести переговоры непременно с Повелителем Тьмы, и тут уж... Получается, как получается.

В этот раз, правда, повезло: герцогиня Аскарилская оказалась женщиной невероятно активной. Сидя по правую руку от Императора, она неустанно атаковала его своими восторженными комментариями, восхищаясь силой, могуществом и прозорливостью архитектора и правителя Вечной Империи. При этом ловкие пальцы герцогини то и делс касались то закованного в колдовской металл плеча, то бронированного локтя... Или даже, о ужас, игриво скользили по когтям императорских перчаток.

И подобные наглые «вылазки» рук герцогини не оставались незамеченными. На местах по другую сторону стола они неизменно вызывали улавливаемое всеми тонкими натурами всплески бессильной ярости в двух парах зорких глаз.

Не трудно догадаться, что места эти занимали генерал Браксар и лорд Истрим. Парочку непримиримых соперников неиронично гениальные аскарилские церемониймейстеры ухитрились усадить плечом к плечу. Тем самым расположившиеся вокруг них гости оказались обречены чувствовать себя трапезничающими посреди битвы на минном поле.

А герцогиня всё не унималась.

— Мой Император, — сладко мурлыкала она, плеская длинными ресницами, и робко, будто смущённо, отводила взор янтарных глаз.

Как банально. Даже наблюдать за Браксаром и Истримом — интереснее.

Очевидно, недавний прорыв и победа Вечной Империи над войсками Священного

Союза сделала своё дело. Обещанного унижения Вечного Престола не произошло, а это значит — на мечтах о сохранении независимости стоит жирный крест. Теперь придётся договариваться, чтобы сохранить хотя бы видимость суверенитета. Для тех, кто подобно Аскарилу не вступил напрямую в Союз, а только в тихую делал на него свою ставку, эта лазейка ещё оставалась. Невдалеке сигнализировал об этом Императору своей отчаянной мимикой имперский посол полковник Эргейн: помните, Повелитель, что крепости Аскарила под нашим контролем позволят как можно скорее оттянуть часть войск с западных фронтов, и перебросить их в южном направлении, где давно пора воспользоваться кризисом правления в тамошних княжествах.

Император кивнул. Его реакция предназначалась несчастному, страдающему душой за дело Вечной Империи полковнику, но её приняла на свой счёт и герцогиня. Её ладонь хищно сцапала запястье Императора (вернее — попыталась... обхватить его полностью, разумеется, не вышло бы, пусти она в дело даже обе ладони):

— Мой Император! — на щеках Её Светлости заалел мастерски напущенный румянец, и как-то по-особому мелодично зазвенели сложной конструкции золотые серьги в её ушах.

Где-то на той стороне стола с жалобным звоном лопнул хрустальный бокал в лапище генерала Браксара, и оказался искорёжен серебряный нож в руке лорда Истрима. Зато: от неожиданности всё-таки проскочил в пищевод застрявший было в горле сидящего рядом с этой парочкой барона первый и единственный поглощённый им за этот вечер кусочек пищи.

Герцогиня Аскарилская уже не была так весела, как на недавнем дипломатическом обеде. Наблюдая марш солдат Вечной Империи по улицам Аскарил-Кип, видя имперские шпандарты на башнях и стенах своей столицы, она думала о той маленькой церемониальной роли, которую ей, как видно, оставляют.

Это если Император не решит пересмотреть условия соглашения... в сторону урезания и без того куцых пределов отписанной Аскарилу самостоятельности.

— Слава Императору! Слава Вечной Империи! Слава Вечному Трону! — скандировали бойцы Империи. Подданные герцогини встречали своих новых «защитников» с куда меньшим энтузиазмом, с недоверием, и, больше того, со страхом. Никто не бросал цветов, не одаривал воинов улыбками и ласковыми взглядами.

А по улицам маршировали не только бесконечный солдатские и гвардейские полки. Двигались, паря над самой землёй, жуткие «Гаргульи» со своими всадниками в чёрной броне. Барабаны и горны выдавали имперский гимн — он тяжело повисал над Аскарил-Кипом, заслоняя прочие звуки, и подавляя даже сами мысли собравшихся отовсюду обывателей.

Это зрелище все запомнят надолго.

Добравшись до центральной площади столицы, имперские войска продолжали свой торжественный марш под самыми стенами огромного и роскошного Герцогского дворца. Там, из высоких стрельчатых окон, за происходящим следила сникшая аскарилская знать и довольная императорская свита. Сам Император принимал парад, стоя на широком открытом балконе, с которого так удобно было обозревать покорившийся его воле город.

— Слава Императору! Слава Вечной Империи! Слава Вечному Трону! — кричали солдаты, проходя мимо своего Повелителя — чёрной грозной фигуры, заслонившей солнце. Рядом с ним, мелко вздрагивая от оглушающих речовок, стояла совсем потерявшаяся в тени

чужого страшного величия герцогиня. Казалось, сами драгоценные украшения на ней померкли в этот час, и бриллианты не смели сверкать вблизи Повелителя Тьмы, простёршего железную длань над новой страной, добровольно склонившей свою выю под его тяжкую власть.

— Долой Империю! Долой тирана!.. — одиноко-жалкий выкрик потонул в громе солдатского марша и славословий, но был услышан. Отмечен.

Император чуть заметно повернулся к герцогине:

— Как видно, ваши подданные не столь рады нашему визиту, как вы пытались это представить, — голос Императора таил в себе страшную внушающую силу. Герцогиня против воли склонилась в неуклюжем реверансе, желая оправдаться:

— Это ничто, мой Император. Случайность. Уверю, я...

Повелитель Тьмы не позволил ей договорить:

— Быть может, военный губернатор вернее убедит местных жителей в наших добрых намерениях?

— Губернатор? — на этот раз герцогиня не смогла сохранить лицо — оно выдало её страх. Страх лишиться власти окончательно, — Но вы обещали, что вмешательство в наши дела ограничится созданием совета...

— Но теперь я вижу, что ситуация в Аскариле хуже, чем мне докладывали.

— Прошу вас! — ещё чуть-чуть, и герцогиня, теряя достоинство, готова была на коленях умолять императора смилостивиться.

— Империя не может потворствовать мятежным настроениям. Даже самые чахлые ростки недовольства должны быть вырваны. С корнем. Если вы не способны справиться с этим, справится мой военный губернатор.

— Я всё сделаю! Мой Император, прошу...

Закованная в чёрную броню рука поднялась вверх, простираясь над марширующими внизу войсками, над площадью, над народом и целым государством.

— Радуйтесь, герцогиня, что Империя внимательна к чужим мольбам. Я дам вам шанс.

— Мой Император! — лицо герцогини просияло. Сейчас она и впрямь была готова валяться в ногах Повелителя Тьмы. — Благодарю, благодарю. И уверю, ничего подобного не повторится. Никогда!

— Хорошо, — чуть кивнул Император, — теперь, касаясь пограничных крепостей...

Герцогиня, обретшая было надежду, снова сникла.

К утру канцелярия Герцогства Аскарилского подготовила указ о лояльности. Теперь каждый, приватно или публично высказавшийся против утверждения Имперского протектората автоматически объявлялся вне закона, и мог быть безнаказанно казнён любым гражданином, или имперскими «силами защиты». Укрывательство и замалчивание преступления приравнилось к самому преступлению, и каралось той же мерой. А чтобы это решение властей работало как можно лучше, канцелярия приступила к приёму от граждан сведений государственной важности, выделив под их обработку и отслеживание отдельное ведомство.

Им стала Специальная комиссия по сохранению внутреннего порядка и законности. Во главе её поставили аскарилца, но в качестве постоянного консультанта ему выделили офицера имперского штаба. Так будет надёжнее.

И так решил Император.

К счастью для герцогини, пока что обошлось без назначения военного губернатора. Зато начал действовать особый совет, к чьим рекомендациям имперское правительство настоятельно рекомендовало Её Светлости внимательно прислушиваться. Главой совета Император назначил полковника Эргейна, до этого исполнявшего обязанности имперского посла в Аскариле.

— Да здравствует Император, — отсалютовал бравый полковник Повелителю Тьмы, выслушав указ о своём новом назначении.

Теперь вопрос с контролем над Аскарилом был завершён. Западный фронт окрепнет, и война со Священным Союзом пойдёт веселее.

Вышагивавший по одному из бесчисленных коридоров Герцогского дворца Император на мгновение задержался, чтобы глянуть в окно. На площади люди герцогини строили длинный ряд эшафотов — на них отправятся первые «плоды» трудов специальной комиссии. Закон только обнародовали, а некоторые рьяные граждане уже поспешили завалить ведомство своими «верноподданническими записками». Доносами.

Что же, среди них большая часть — клевета на соседей, но Империя не может рассчитывать на случай: нужно судить решительно и строго, только тогда императорский Трон окажется действительно Вечным.

Повелитель Тьмы двинулся дальше, и его пурпурный длинный плащ реял за его спиной, точно крылья... Пока за ближайшим поворотом не столкнулись, внезапно, две горы чёрного металла. Раздался дикий лязг и скрежет.

Сбить с ног Императора не просто, но и генерал Браксар являлся отнюдь не пушинкой. Поэтому один долгий миг две крепости, одна — воздвигнутая из тёмного колдовства, а другая — из закалённых в битвах мышц, пыжились пересилить друг друга. Наконец, Браксар, разобравшись, что заставшая ему взор темнота вовсе не наведённый врагами морок, а бронированная грудь Императора, попытался отступить.

Манёвр не удался.

Изобилующие совершенно бессмысленными с точки зрения практичности, но весьма внушающими со стороны зрелищности украшениями доспехи накрепко сцепились чем-то из своих шипов, крючков и цепочек. Отступить было нельзя.

Возникла неловкость, в течение которой Браксар, будучи без шлема, напряжённо сопел в грудь Императора, не решаясь поднять взгляда вверх. Впрочем, императорская маска всё равно не выражала никаких эмоций. А Император, будучи в шлеме, в то же время практиковал дыхательные практики успокоения: вдох-выдох, вдох-выдох. Чтобы одним точным ударом кулака не отправить ценный военный кадр в дальний полёт. Быть может, на одну из двух лун этого мира.

Внезапные «тисканья» в полутёмном коридорчике следовало решительно прекращать, когда...

— Генерал!

В дополнение к дыхательной практике пришлось закрыть и глаза: Император знал этот голос: только его обладателя здесь и не хватало. К тому же, в его тоне слышалось какое-то особое, ревниво-нервное напряжение. Возмущение, будто его обладателя страшно обсчитали в одной из лавок имперской столицы.

— Мне кажется, вам следует заниматься своими делами, а не... — уже спешащий на «праздник жизни» лорд Истрим замялся, пытаясь подобрать верное слово, — глупостями.

Решение апофикара, на взгляд Императора, нельзя было назвать изящным. Но они с Браксаром, наконец-то расцепились, и теперь уже это не имело значения.

— Полагаю, вам обоим есть чем заняться, — пробасил Повелитель Тьмы, намереваясь, как ни в чём небывало, продолжить идти, куда шёл.

Коварный план практически удался. Раскрасневшийся и сбивчиво дышащий Браксар, «взяв под козырёк», поспешил исчезнуть. При чём исполнен манёвр был с потрясающей для фигуры столь внушительной проворством. А вот Истрим никуда не торопился:

— Мой Император, — ладонь апофикара легонько похлопала по хорошо знакомой Повелителю кожаной сумке, висевшей у лорда на плече.

Конечно — лекарства.

Император совершенно позабыл о них за делами последних долгих дней. А сейчас, вспомнив, резко ощутил давно сжигающую грудь боль, и придавливающую к земле тяжесть на плечах. В Аскариле он совсем не снимал свой Доспех...

— Покончим с этим, — решил Император, и обречённо зашагал в отведённые ему в Герцогском дворце апартаменты.

Часть 6. Железная кровь Империи

Здесь всюду дым и жар, копоть и огонь — горько пахнущее железом дыхание Вечной Империи. Здесь добывается и выплавляется сырьё для имперской военной машины. Здесь закладывается фундамент грядущих побед. Это — общеимперская великая кузница: главная производственная база Имперской горнодобывающей компании. Бесчисленные штольни разветвлённых шахт, провалы выработок, ряды барачков, плавильни и кузниц.

И массивное, похожее на крепость здание Управления.

Здесь, меж двух круглых башен, Императора ожидало мнущееся с ноги на ногу руководство. Возглавлял делегацию Фуран Фигг — толстый коротышка с крупной головой, на которой несколько уцелевших локонов золотистых волос были аккуратно завиты в кокетливые кольца. Под мясистым носом чиновника красовались приведённые в горизонтальное положение длинные и тонкие «тараканьи» усы.

— Сопредседатель, — голос Императора, как всегда, звучал внушительно.

— Мой Император, — Фуран Фигг поклонился настолько низко, насколько позволял огромный живот. Из-за его роста смотрелось это комично. — Такая честь...

— Оставьте любезности для акционеров и кредиторов, — прервал возможные дифирамбы Повелитель, — я здесь не для этого.

— Конечно, конечно, — засуетился Фигг, а вместе с ним — его советники: разношёрстная стайка природных рвачей-дельцов, которым Вечная Империя, по недостатку собственных промышленных средств и сил, доверила ведение дел в горнодобывающей отрасли своей экономики.

— Прежде всего, сопредседатель, меня тревожат сбои в последних поставках, — Императору не терпелось скорее покончить с этими важными, но далеко не самыми интересными для него делами. Даже не подумав остановиться, чтобы выслушать заготовленные для него речи, он промаршировал мимо подобострастно согнувших спины чиновников Компании, и двинулся дальше, чтобы лично проинспектировать снабжающее его арсеналы сырьём предприятие.

— Это всё провокаторы из числа рабов! — попытался оправдаться Фигг. На своих коротких ножках он едва поспевал за широким шагом Повелителя Тьмы. — Они... Их становится больше с каждым днём, и они всё влиятельнее. Нам приходится вести... тонкую политику, чтобы продавить свою линию.

— Ваша «политика» ничего не стоит, если вы не в состоянии выполнить план. Мне пришлось оставить фронт, только чтобы напомнить вам о графике!

— Но, Повелитель... — один из секретарей подсунул Фиггу записку — подготовленный вариант ответа на один из самых ожидаемых вопросов, — это производство имеет небывалый масштаб, и мы возводим его практически с нуля, в сжатые сроки... — зачитал он, — нужно время, чтобы всё наладить.

— Возможно, вам нужно не время, а имперский гарнизон, способный поддерживать порядок? Не вынуждайте меня из-за вашей некомпетентности снимать солдат с реального фронта, и перебрасывать сюда — на фронт, выдуманной вам. Неужели вы не способны совладать с кучкой рабов?

— Мой Император!

Как Повелитель Тьмы и думал, сопредседателя озвученная перспектива привела в ужас.

Появление под боком Компании военного гарнизона значило бы только одно: ужесточение режима имперского надзора. Как же тогда обстрипывать свои тёмные делишки? Как набивать карманы, пока Империя «не видит»?

Видит. Империя всё видит. И отлично осведомлена о тех ресурсах и средствах, что уходят в стороны через подставные фонды... ниточки от них тянулись всё к тому же руководству Имперской горнодобывающей компании. Но пока что Вечный Трон великодушно позволяет этим маленьким махинациям существовать: урон не велик, зато в руках оказывается рычаг влияния на завязавших в этом болоте с головой толстосумов из имперской столицы.

Кроме того, был у Фигга со товарищи и другой, заранее заготовленный для них Повелителем Тьмы страх: за повышенным имперским контролем могла маячить куда большая проблема. Национализация. И тогда: прощайте, барыши от жирных имперских контрактов. А в кресло правления, тем временем, пристроит зад кто-то из вояк. Из имперских полковников выходят не лучшие предприниматели, но они умеют наводить порядок (единственный им известный).

Как в казармах.

Иными словами, будет как в Безнадёге — эта образцовая имперская тюрьма была, по совместительству, крупнейшим местом выработки угля, где заключённые тысячами маршируют шаг в шаг на буквально удушающую их работу. Туман из угольной пыли там не проходит никогда...

— Кроме того, ваши показатели неудовлетворительны, сопредседатель. Нормы добычи следует увеличить в соответствии с запросами Империи.

— Мой Император, — Фигг обречённо развёл руками, — вы требуете невозможного. Рабочие и рабы трудятся в полную силу...

— Найдите способ подстегнуть их, или его найду я.

Какое-то время толстяк-управляющий молча пыхтел, пытаясь поспевать за не сбавляющим шага Императором. Наконец, в его обильно потеющей голове что-то родилось:

— Начнётся падёж... Нам понадобится больше рук!

— Это не проблема, — Император остановился так резко, что Фигг и вся свита едва не влетела ему в спину: от свитских офицеров и чиновников потребовалось немало ловкости и проворства, чтобы избежать общей свалки, и сохранить при этом достоинство. Повелитель Тьмы не обратил на эту возню внимания. Обернувшись к сопредседателю, он пояснил:

— Я найду их для вас. Столько, сколько потребуется.

— Об этом я и пытался сказать! — обливаясь потом стонал Фигг. — Среди шахтных рабов и рабочих в плавильнях полно засланных провокаторов!

За окнами Управления полыхали дальние склады, расцветившая пейзаж демоническими оттенками рыжего.

— Это всё мятежники, сопротивленцы! Они что-то задумали! — закончил свою нервную мысль сопредседатель, вжимаясь в мягкие глубины своего безвкусно-вычурного кресла.

— Возможно, вам следовало вернее расставлять акценты в своих отчётах, уделяя внимание вопросам безопасности, а не жалобам на квоты и налоги. Тогда подобного бы не произошло. По крайней мере, не когда здесь находится сам Император! —

присутствовавший офицер-аналитик имперского штаба был мрачен. Поглядывая на застывшую напротив окна грозную фигуру Повелителя Тьмы, он пытался прикинуть: чьи головы полетят, когда всё закончится?

Взрыв прогремел несколько минут назад, и пламя теперь неумолимо охватывало всё большую площадь. Гибли недавно возведённые здания передовых мастерских. Каждая секунда пожара отдаляла Империю от побед на фронтах войны.

— Вероятно, устроившие эту «акцию» специально подвели исполнение своего плана под визит Императора, — высказал догадку второй офицер. — Нам следует укрепить охранный периметр Управления.

— Нонсенс. Это означало бы предательство в самых верхах — визит Императора не разглашался! — возразил третий, в мундире офицера имперской безопасности.

— Возможно, Огненная Заря...

— Им подобное не свойственно...

Спор продолжался бы и дальше, но вмешался Император:

— Это не имеет значения. Мятежники здесь, и они пришли не просто так. Прикажете солдатам замкнуть внешний периметр в кольцо — никто не должен ускользнуть.

Разум и воля Императора напряглись до предела. С головой погрузившись в саморазрушение, он буквально истончал себя, непрерывно вытягивая из своей сущности длинные тонкие нити силы — незримые длани Тьмы, постепенно объявшие всё вокруг... Через них он осязал горнодобывающий комплекс чётче, чем могли бы любые, даже самые острые глаза. И чувствовал, как всё глубже увязают в мелких стычках солдаты его караула. Не знакомые с местностью, больше привыкшие к хаосу поля битвы, а не ловле разбегающихся по тёмным углам крыс, они вынужденно шли на поводу у мятежников. А те заводили теряющих инициативу противников в запутанные лабиринты литейных залов, складов и мастерских, вынуждали разделяться... и постепенно, но неуклонно оттягивали условный фронт дальше от барачков.

Под чёрной маской Император нахмурил брови.

Сопредседатель Фигг оказался прав, и у мятежников имелась некая цель. Но не та, что плавала на поверхности. Конечно, остановить выплавку металла для имперской армии было приятно, но что-то стояло за этим. Оно смутно читалось в рисунке взрывов и линиях пожаров, уводящих солдат Императора в строго переделённых направлениях.

Как видно, за ширмой творящегося хаоса мятежники планировали спасательную операцию. Хотели вытащить отсюда кого-то. Кого-то важного.

Император не собирался им этого позволять. Тем более, кто-то должен ответить за будущие перебои в поставках. А значит, Повелителю надлежало соединиться с солдатами, и направить их мечи в нужном направлении. Сперва он одним своим видом ввергнет в необоримый ужас вздумавших поднять мятеж рабов, а затем — наведается в бараки, и не позволит мятежникам осуществить задуманное.

Спустя миг Император уже проносился через коридоры Управления.

— Остановись! — чей-то чистый голос достиг ушей Повелителя Тьмы, когда он почти преодолел занимавшую добрую половину первого этаж зону контроля безопасности.

И он остановился — не было причин поступать иначе. К тому же, так можно было разобраться в допущенной ошибке. Отвлечённый наблюдением за происходящим вдали,

Император позволил себе потерять из виду ближайшее окружение. Теперь исправляться было поздно, но он всё же обратил внутренний тёмный взор на охранный периметр Управления...

Что же, этого и следовало ожидать: стражи не было — ловко увлечённая услужливо подброшенной приманкой, она удалялась, преследуя одинокую шайку мятежников. И оставляя Управление открытым для проникновения. И вот — результат.

Обернувшись, Император увидел человека, посмеявшего приказывать Тёмному Повелителю и владыке Вечной Империи. Как и полагается герою, тот был весьма молод. И к тому же, хорош собой: с чуть бронзовеющей кожей, коротко остриженными тёмно-русыми волосам, волевым подбородком и, конечно же, предельно ясными голубыми глазами, в которых сейчас пылало пламя священной ярости. И вызов.

В руках неизвестного, но очевидно отважного крепко сложенного юноши был лук. И уже в следующий миг заряженная некой мистической силой стрела вонзилась в плечевой «сустав» императорского Доспеха.

— Твоё правление закончится, — провозгласил герой. — Сегодня!

Рука в тяжёлой когтистой перчатке, перехватив застрявшую в броне стрелу за древко, вырвала её, и отбросила в сторону:

— Какая экспрессия... И какая наивность.

Следующие выстрелы не заставили себя ждать. Три стрелы почти одновременно ударили в сотканый из мрака металл. Две из них даже смогли заклинить сочленения Доспеха — таинственный лучник бил точно в цель. Только вот Император этого даже не заметил: какая бы мистическая сила не подкрепляла ударную мощь этих стрел, они не в силах были действительно повредить ему. Только подзадоривали. И было даже жаль, что всё кончится быстро.

— Если ты так отважен, зачем убегать? — Император почти наслаждался, гоня своего лучника по всему Управлению. Там, где они проносились, воцарялось разрушения. Что не разбивали прошедшие мимо цели стрелы, то добивали Мечи Повелителя Тьмы. Осколки, обломки, щепки — всё это, бывшее когда-то полезными вещами, красиво разлеталось в разные стороны.

Острие очередного снаряда чиркнуло по чёрному шлему.

Ха.

— Неплохо, — оценил Император, — но недостаточно.

Не глядя метнув один из Мечей в сторону, он в дребезги разнёс стену, но лучник снова успел увернуться, хотя и получил в широкую спину заряд каменной дроби. Она ему, впрочем, не повредила.

— Ты сражаешься бесчестно!

— А ты ждал иного, отправляясь на бой с Повелителем Тьмы? Ты, ко всему прочему, ещё и глупец.

Подобные взаимные обвинения, на вкус Императора, только прибавляли схватке пикантности. Конечно, он в любой момент мог прихлопнуть эту «букашку» своей тёмной мощью, но сейчас предпочитал об этом даже не вспоминать. Его истинная сила была похожа на чересчур насыщенную приправу — к любому блюду её следовало добавлять осторожно, в невероятно малых дозах, иначе неизбежно всё испортишь, и не сможешь насладиться

«обедом».

«Обед», тем временем, сделал очередную серию выстрелов. На этот раз Император отбил стрелы вторым, всё ещё зажатым в руке Мечом.

— Неужели под этой грозной бронёй скрывается трус?

— Поверь, мальчик, ты не захочешь узнать, что скрывается под ней!

Прозвучало грозно — Император предпочитал не думать о том, что за словами стояла, в общем-то, наглая ложь и сплошная бравада.

— Я далеко не мальчик! — новая порция стрел была выпущена, кажется, с ещё большей яростью.

— Кто знает, — философски заметил Император, — Мы ведь не были друг другу представлены.

Ответа не последовало — только стрелы, стрелы, стрелы. Так было не интересно.

— Неужели мне придётся хоронить тебя в безымянной могиле? Хотя бы назови себя, чтобы я знал, что выбить на твоём могильном камне.

— Винд Райвол! — парень ловко перемахнул через груды разбитой мебели, крутанулся, и сделал следующий выстрел, — И это имя будет запомнено, как имя твоего убийцы!

— Очаровательно, — оценил стремления парня Император, — но маловероятно.

В следующий миг расстояние между ними вдруг резко сократилось — это Повелитель Тьмы, совершив непостижимый для столь массивной фигуры прыжок, налетел на Райвола, сшибая его с ног. К счастью для себя, парень оказался не только крепок, но ещё и гибок. Изогнувшись, словно кошка, он проскользил вокруг противника по его собственной броне, так что, в сухом итоге и вопреки задуманному, Император поломил вставшую на пути их парочки стену не телом оппонента, а собственным плечом.

Вместе, очень картинно — в облаке пыли и каменной крошки, они влетели в новый интерьер. Райвол, удачно примостившийся в этом полёте на груди Императора, защищённый телом собственного врага, моментально оказался на ногах. Невредимый. А вот Тёмный Повелитель неуклюже повалился на пол, преданный гравитацией и инерцией собственной немалой массы. Дополнительной наградой ему стали ещё несколько стрел, начисто изодравших пурпурный плащ.

— Чем выше задерёшь нос, тем больше упадёшь, — прокомментировал ситуацию лучник, и, пользуясь заминкой противника, бросился на поиски удобной позиции для стрельбы. Благо, вновь открытая зона боя это позволяла. Вокруг был безвкусно-роскошный и непозволительно просторный, снабжённый даже вторым ярусом кабинет сопредседателя Имперской горнодобывающей компании Фурана Фигга. Правда, блеск вездесущей здесь позолоты оказался уже немного припорошен оседающей пылью. Проламывая стену, Император и Райвол успели порядком намусорить.

Наконец-то поднявшись, Повелитель Тьмы огляделся в поисках своего лучника.

— Я здесь, — вместе с «приветом» прилетела ещё пара стрел, отскочивших от бронированной спины.

Императору это начинало надоедать.

— Ты мне нравишься, Винд Райвол. Ради тебя, я восстановлю здесь всё за собственный счёт...

— Зачем же?

— Чтобы бы ты мог насладиться всеми прелестями работы в шахтах! — с последним словом Император наотмашь метнул оставшийся у него Меч.

Колдовское лезвие сверкнуло. Раздался грохот.

Оружие Императора запросто рассекло подпиравшую балкон второго яруса колонну, и вся конструкция тяжело повалилась вниз, увлекая за собой взобравшегося повыше лучника. Он упал, больно ударившись спиной о камни. От этого пальцы его разжались, и лук выпал из ослабевшей руки.

— Теперь, Винд Райвол, — мрачно возвестил приближающийся к своей тихо шевелящейся жертве Император, — ты узнаешь, чем я заслужил титул Повелителя Тьмы.

По рукам закованного в непроницаемо-чёрный Доспех гиганта зазмеились, гудя и потрескивая, фиолетовые молнии.

— Ты познаешь глубины боли...

Но прежде, чем выпущенная на волю тёмная ярость успела со всей силы ударить в тело поверженного лучника, раздался взрыв.

Здание Управления грузно содрогнулось от самого основания. Зазвенели вылетающие из рам стёкла. Массивные стены заколыхались, но устояли — только посыпалась с потолка декоративная штукатурка, покрывая толстым слоем то, что прежде было роскошной обстановкой кабинета сопредседателя Фигга, а теперь представляло собой мусор и щепки. Где-то за дверями, в приёмной, с громким треском обвалилась часть тяжёлой лепнины.

Когда отвлёкшийся на миг Император вернулся взглядом к Райволу, тот снова был на ногах, и в руках у него — верный лук! Но продолжение боя не случилось. Грянул ещё один взрыв, и с оглушающим грохотом обвалившаяся стена непреодолимо разделила противников. Император только и мог заметить, как лучник скользнул в разверзшуюся в полу под его ногами дыру...

И исчез.

А затем всё пространство разгромленного кабинета заполонила паутина фиолетовых молний: вырвавшаяся наружу чистая ярость упустившего жертву хищника...

Когда Император успокоился, его неудержимая мощь уже успела разнести в щепки ту скудную меблировку, которая чудом ухитрилась чудом пережить отгремевшую битву и два взрыва. Даже стены и пол кое-где почернели.

Где-то в стороне раздался шорох. Под тяжёлым взглядом Императора из-под обломков некогда грандиозного директорского стола выбрался... сопредседатель Фигг — белый от пыли, с обвисшими усами и совершенно бессмысленным выражением на пухлом лице. Казалось, ещё немного, и он бросится к Повелителю Тьмы, умоляя не оставлять его одного.

Император допускать подобного не собирался.

— Надеюсь, вы приняли к сведению наш разговор, сопредседатель, — мрачно произнёс он, перешагивая возникшие на пути к дверям горы хлама, — и не станете полагаться исключительно на мою доброту. Мне совсем не хочется наносить вам повторный визит.

Комментарий к Часть 6: Железная кровь Империи

Экшен подвезли. И героя. Какой же Повелитель Тьмы без героя?

Часть 7. Одна ночь Императора

Официально столица Вечной Империи именовалась Императорским тронным городом, в военных документах значилась как Имперский руководящий сектор, но большинству жителей больше нравилось старое название — Васка.

Ещё совсем недавно, до времён Империи, Васка наслаждалась комфортным спокойствием застоя. Это был тихий уголок: уютные домишки, расписные вазоны с геранями, пёстрые клумбы, петляющие улочки. Местный народец неспеша прогуливался по тенистым аллеям, бродил по садам, и выходил на тесные площади, где подставлял щекастые лица брызгам, летящим из зацветших фонтанов. С приходом императорской власти этому сонному миру пришёл конец. На Васку будто силой натянули железный доспех, такой же тёмный и тяжеловесный, как Доспех самого Повелителя Тьмы, и всучили в руки оружие. На смену многоцветной широте стилей, где каждый украшал отчий кров в угоду собственному провинциальному вкусу, пришла утверждённая сверху по-военному единообразно-безобразная строгость. Исчезли фонтаны и колодцы — их заменили подземные коллекторы и каналы. Узкие петли улочек выпрямились в широкие проспекты, а расчищенные под парады площади раздвинули свои границы. Исчезли сады и аллеи. Бронированные громады имперских арсеналов и оборонительных казарм протянулись на целые кварталы. И в небеса пронзили дворцы-шпили новой имперской знати.

Город стал воплощённым в железе и бетоне монументом непроходящих величия и могущества Вечной Империи.

Только Императору до этого было мало дела. Когда он добирался до своей столицы, его всё ещё отделяли от неё толстые стены Железной Цитадели. Проглоченный мрачной громадой этого воплощения идеи имперской незыблемости, он жил своей жизнью, а Тронный город — своей.

Но не сегодня.

Сегодня, выбравшись за железные барьеры бастионов, Император устремился в горящую столичными огнями ночь.

Для этого всего-то и требовалось, что преодолеть зону повышенной имперской безопасности — широкое кольцо передовых укреплений: фортов, блокпостов и брустверов. Очередной рубеж обороны Железной Цитадели, в дополнение к её собственным твердыням. Предполагалось, что он остановит возможный гражданский бунт, тогда как непосредственно бастионы возводились против настоящего врага — на случай тяжёлой осады.

В этом охранном периметре можно было наткнуться не только на усиленные солдатские патрули, но и на «Манतिकор» — ещё одно жуткое воплощение гения Императора. Чем-то напоминающие «Гаргулий», они так же являлись маго-мехами, но меньших размеров, и обходились, к тому же, без наездника. Человеческую правящую руку им заменяли собственные голем-мозги — запитанные тёмной силой и чётко запрограммированные контроль-заклинаниями структуры. Сплав неживой материи, закованный в жуткую крылатую броню... Интеллект «Манतिकор» оставлял желать лучшего (составлять управляющие заклинания, а тем более записывать их в ограниченном пространстве примитивных мозгов было не так-то легко), но его хватало, чтобы патрулировать пространство, распознавая своих и чужих. Впрочем, «чужие» здесь не ходили.

Император, даже без своего Доспеха, также запросто определялся охранными маго-

мехами, как «свой». Более того — как создатель. Солдатские патрули подобной прозорливостью похвастаться не могли, но и они не были препятствием. Как это ни прискорбно, проскользнуть мимо них оказывалось совсем не сложно. По крайней мере — одному единственному человеку, отличавшемуся, к тому же, минимально скромными габаритами, а значит — запросто сливавшемуся с ландшафтом.

Конечно, другой причиной подобной неуловимости могло быть то, что «нарушителем имперской безопасности» был сам Повелитель Тьмы. Всё же, нельзя сбрасывать со счетов могущество преисполнивших его тёмных сил.

Иными словами, до города Император добрался без затруднений. В Доспехе, конечно, могло выйти быстрее, и куда эффективней, но зато — пришлось бы распрощаться с конспирацией. А на парнишку в чёрной форме пажеского корпуса никто не обращал внимания — у Тронного города были иные интересы.

Бар в тесном подвальчике оказался на удивление полон. Но, что ещё удивительнее, публика и обстановка были совсем не теми, на которые рассчитываешь, глядя на висящую снаружи потертую вывеску:

«Ловкач».

У заведения имелся стиль, немного устарелый, совсем не имперский, но приятный. Он отдавал провинциальным духом старой Васки. Наверное, поэтому и нравился представителям околорыбного света Империи — предпринимателям, чиновникам и военным, чьё положение малость не дотягивало до самого верха. Это была главная масса молодой имперской элиты.

А ещё, в «Ловкаче» наливали на любой вкус и цвет. В бесчисленных рюмках, бокалах и стаканах плескались напитки со всех краёв Вечной Империи, и даже из-за границы. А кое-что — явно контрабандное, но старательно перелитое и подаваемое в бутылках с неясными этикетками.

В общем, место было то самое, чтобы выпить, а выпить Повелителю Тьмы сегодня требовалось. Конечно, он мог сделать это и в Железной Цитадели... Уединившись в своих куцых комнатках, спрятанных за тронным залом, молча и в унылом одиночестве опустошать бутылку... Одно время он так и делал. Но потом — задумался: как это выглядит?

Выглядело не очень.

Поэтому и стал изредка устраивать подобные вылазки. Даже исследовал несколько разных баров, пока не определился с кругом приемлемых заведений. Пил он там, конечно, всё в том же гордом одиночестве, но так появлялась хотя бы иллюзия некоторой «нормальности» происходящего. Процесс больше не отдавал горьким душком уныния.

— Какой зайчик, — прошествовавшая навстречу Повелителю Тьмы женщина в весьма откровенном наряде игриво толкнула его жарким бедром. Инстинкты воина позволяли легко уйти от этой «атаки» в сторону, но выглядело бы это глупо. Пришлось встретить приятно-округлый «снаряд» грудью. Вернее, боком — «нападавшая» отличалась завидным ростом, так что её чуть прикрытые ляжки располагались хоть и не на уровне императорской груди, но и не сильно ниже.

Молча проигнорировав произошедшее, Повелитель Тьмы двинулся к барной стойке, где заметил пустующее местечко. Через минуту бармен уже поставил перед ним маленькую гранёную стопку. В мутном стекле весело плескался ярко-голубой ароматный напиток: Император махнул не глядя — ликёр был приятно-сладок.

Наверное, по чину Повелителю Тьмы больше подходило что покрепче, ядрёнее, но так

уж вышло, что в выпивке он предпочитал именно сладкое. Может, потому что горького в своё время хватанул с избытком, а вот сладкого, как раз, не добрал. Леди Нейт, будь она здесь, не дала бы соврать. Увы, у сестры императора слишком много забот. Да и с выпивкой она давно завязала, хотя когда-то давала фору любому матросу в их родном городе: уже употребив три-четыре бутылки крепкого, могла броском ножа срезать летящей мухе крылья. А муха ещё и оставалась жива.

Примерно.

Повелителю Тьмы в деле освоения пьянящих жидкостей всегда оставалось до сестрицы далёко. Но он очень стремился сократить разрыв, поэтому употребил сначала вторую, а затем и третью стопку. И уже хотел сделать знак, чтобы ему выдали четвертую, когда рядом кто-то неприятно промурлыкал:

— За мой счёт.

Новая порция алкоголя появилась перед Императором, и одновременно чья-то лапища легла ему на бедро... Пара льдисто-серых глаз, оторвавшись от созерцания разохшейся стойки, глянула на нежданного «благодетеля».

— Скучаем? — подмигнул Императору рассеявшийся на соседнем стуле лысый мужик с огромным животом, кое-как затянутым в костюмчик с модной нынче стилизацией под военный мундир. Судя по раскрасневшемуся лицу и расстёгнутому воротнику — он успел провести в баре некоторое время, и совсем не постился.

Повелитель Тьмы вместо ответа молча дал знак бармену: повтори. К предложенному «угощению» он притрагиваться не стал.

— Ну чего ты, — хохотнул толстяк, — какой недотрога.

Лапища, вместо того, чтобы убраться с императорского бедра, начала мять его через тонкую ткань форменных брюк.

— Убери, — в голосе Повелителя Тьмы было столько льда, что хватило бы разом охладить все напитки в баре.

— Что? — не понял толстяк.

— Руку убери.

— Да ладно, — ладонь всё же убралась, но не сразу, а сперва пройдясь вниз, то тонкого колена, — Какой ты худенький. Ты же в увольнении, верно? Небось, в Корпусе не расслабиться, да? Давай я тебя угощу.

Толстяк придвинул ближе к Императору стопку с ликёром, но тот выбрал ту, которую очень вовремя поставил перед ним бармен.

— С норовом, да? — усмехнулся толстяк. — Мне такие нравятся.

Император, покрутив в руках опустевшую стопку, сделал очередной жест бармену. Предложенное ему «угощение» он по-прежнему игнорировал. Толстяку это не понравилось.

— Тебя что, не учили отвечать старшим, когда они к тебе обращаются? Никакого уважения, — назойливая лапа сделала заход с другой стороны, пытаясь приобнять Повелителя Тьмы за плечи.

Избежать этого было уже нельзя — Император ощутил тяжесть и жар навалившейся на него туши. При иных обстоятельства пара Мечей давно порубили бы наглеца в капусту.

— Знаешь, я знаю кое-кого в Академии, — не унимался толстяк, — из начальства. Придётся поинтересоваться: как в корпусе воспитывают будущих офицеров нашего Императора? Неужели, больше не лупят розгами? Или выехал на члене кого-то из командиров?

Под длинной чёлкой сверкнули гневом льдисто-серые глаза. Нежеланный сосед это заметил.

— Что? Что стреляешь глазками? Скажешь, не так? Да быть такого не может. Такой мальчик-зайчик, и не присел на чей-то член? — вторая рука этого назойливого идиота полезла к Императору. Он попытался перехватить его тонкое запястье и прижать ладонь к своему паху. — Если тебя не поймали ещё дружки-пажи, то это сделают твои же солдатики, когда тебя бросят к ним офицером. Какой из тебя командир? Развлечение бойцам. Повезёт, если старшие оставят себе, а так — под каждым пройдёшь. До самого последнего. Ещё и дружков из других рот позовут. Они-то уж...

Толстяк хотел сказать ещё что-то унижительное, но не успел. В его жирную пасть прилетел точной наводкой имперский сокрушающий удар. Согласно установленной военной доктрине, Повелитель Тьмы не стал недооценивать врага и переоценивать собственные (физические) силы. На последние, как раз, надежды было мало... Он мог, конечно, пустить в ход тёмную мощь, и тогда мерзавец уже растёкся бы по полу лужей дымящейся мясной каши, но... сдержался — не захотел мараться об это. Зато, в соответствии с присущим Мраку злокозненным коварством, прибег к запрещённому оружию.

В зубы толстяка врезалась зажатая в тонких пальцах крепкая гранёная стопка. Прямо утолщённым доньшком. Глупо было хватать одну руку Императора, но оставлять свободной другую — он «обошёл противника с фланга».

Звякнуло мутное стекло. Захрустели ломающиеся зубы, и на живот «благодетеля» упали первые капли крови.

Император ухмыльнулся — широко и злорадно.

— Ах ты тварь! — завопил с присвистом толстяк, выплёвывая осколки зубов и стекла. Ответное «угощение» от неудавшейся пассивности ему пришлось не по вкусу.

Огромные кулачищи нацелились теперь выбить из «наглого пажа» всю спесь. Первый удар был нацелен в висок, но Император ускользнул от него. И всё же, теперь нужно было что-то делать... Визжащий как недорезанная свинья толстяк ухитрился схватить противника за отросшие волосы, и с силой тряхнул, прикладывая головой о стойку. Ответом ему был удар форменных сапог прямо в живот. Толстяк, охая, начал оседать на пол. Сидевшие вокруг люди шарахнулись в стороны, очищая пространство.

Наверное, для Императора было бы разумнее скрыться...

Только привычный к разного рода «событиям» бармен оказался проворнее. Ничего толком не успело ещё произойти, а посланный им на улицу слуга уже вернулся, ведя за собой имперский патруль... Они явно выжидали неподалёку.

Началось разбирательство...

...Которое мигом показало, что посетители в баре «Ловкач» и правда не из последних граждан. Толстяк, предъявив свои бумаги, теперь посматривал на Императора, и надменно скалил прорезанные зубы. Предвкушал своё мелочное возмездие...

Ублюдок.

— Он же явно пьян, а может — под наркотиками, — наговаривал толстяк имперскому сержанту, — и я бы проверил документы. Может, он и не в увольнительной вовсе...

Чуть в стороне пара патрульных крепко держали Повелителя Тьмы, не слишком-то с ним церемонясь.

— Что, не сошлись в цене? — хохотнул один.

— Теперь-то ночка у тебя будет не та, на которую рассчитывал, — поддержал другой.

Толстяк активно шептал сержанту на ухо, и совал что-то в руки, но смотрел только на Императора. Смотрел торжествующе.

Из бара повели его, вопреки ожиданиям, совсем не к Корпусу. Тот располагался на самой окраине, неподалёку от Военной академии и, как и она, был частью укреплений столицы. Они двигались в обратном направлении.

Император устало вздохнул.

— Что, братец, не весело? — конвоир явно получал удовольствие от своей работы. К тому же, сейчас он надеялся найти на лице попавшего в переплёт пажа признаки страха — если его ведут не в Корпус, чтобы сдать на руки учителям, то, значит...

В имперскую тюрьму.

Вернее, в мелкую каталажку при одной из охранных башен. Для заточения в настоящую мрачную твердыню требовалось что-то посерьёзнее, чем выбитые в баре зубы.

Что же: видно толстяк и правда был не из рядовых гражданских, раз не просто грозил поквитаться с обидчиком, но смог устроить попадание ученика Пажеского корпуса в камеру со всяким сбродом. Он надеялся помучить свою неудавшуюся жертву заключением в тесной, вонючей камере с кучей отбросов, которые наверняка будут не прочь позабавиться с таким «сладким мальчиком».

Император мог только посочувствовать этим несчастным.

Когда по истечению нескольких часов дверь камеры отворилась, и прозвучала команда — на выход, — Император поднялся с широкой скамьи, которую занимал в гордом одиночестве, и медленно двинулся на встречу свободе. Из подмоченных тёмных углов его провожали затравленные, испуганные взгляды сокамерников.

Пройдёт ещё несколько часов, прежде чем липкие следы незримых лап страха наконец-то сотрутся с их потрясённых мозгов... Некоторые даже смогут вернуться к своей «нормальной» жизни.

На выходе «заключённого» поджидал его спаситель. Император отметил, что чёрный цвет обычного офицерского мундира ему совсем не шёл. Определённо, его цветом был красный. Да и волосы слишком длинны — до самых плеч, совсем не по уставу. Но патрульные видели только майорские знаки отличия, и больше — ничего.

Только пытающийся натужно выслужиться лейтенант подобострастно предложил:

— Надеемся, вы примерно накажете своего подопечного, господин майор.

— Конечно, — ответ прозвучал сухо, так что лейтенант больше ничего не решился сказать.

А через минуту Император и его Яд были на улице. Уже рассветало, так что Повелитель Тьмы нарочно выбирал самые сумрачные переулки — не хотел видеть по-учительски строгое выражение лица апофикара. Лорд Истрим не одобрял подобных «приключений». Зато мастерски «брал след» своего Императора, и всегда ухитрялся отыскать его, и вернуть в Железную Цитадель.

Во имя Империи, разумеется.

Часть 8. Мысли трёх

— Ваши извинения бессмысленны, управляющий, — закованная в чёрную броню ладонь сжалась в угощающий кулак, — меня беспокоит глубина вашей некомпетентности. Слишком дорого она обошлась Империи.

Следующий жест Повелителя Тьмы предназначался уже стоящим неподалёку солдатам — подскочив, они подхватили обмякшее тело управляющего, всё ещё пытающегося шепелявить какие-то никчёмные объяснения, и уволокли прочь.

С ним было кончено.

— Разумно, — леди Нейт никогда не оспаривала решения брата, по крайней мере — не открыто. Сейчас был как раз тот случай, когда Повелитель Тьмы услышал в голосе сестры подразумевающееся, глубоко завуалированное сомнение.

«Уверен?»

И он миг задумался.

Действительно, управляющий едва ли способен был предотвратить случившееся. Мало кто смог бы. Бунтовщики, ухитрившиеся не просто просочиться в Тронный город Императора, но успешно сунувшиеся в один из самых охраняемых имперских арсеналов, должны были иметь поистине уникальные таланты.

Или невероятную удачу.

Император в удачу не верил. Значит, дело всё же в способностях. Или им кто-то помог. Не управляющий, конечно. С ним было... иное.

Повелитель Тьмы совершенно не собирался разыскивать и мстить подонку, решившему «снять» в баре молоденького кадета на ночь — у правителя Вечной Империи слишком много дел и обязанностей, чтобы не просто думать, но даже помнить о подобных никчёмностях. Но так уж сложилось, что получивший рюмкой по зубам толстяк оказался управляющим как раз того арсенала, что подвергся вторжению сопротивленцев.

А ведь могли бы никогда не встретиться.

К этому всё располагало. В конце концов, никто, кроме Императора, не знал о случившемся. Даже выручивший его из каталажки апофикар. Тем более апофикар... Истрим и так замучил его байками о вреде алкоголя, а тут... Вероятно, совершившего «святотатство» любителя мальчиков нашли бы внезапно скончавшимся от, к примеру, внутреннего кровотечения. Или страшного поноса. В зависимости от настроений Яда Императора.

Странны переплетения судеб — всё это было немного иронично.

Увидев изрядно шепелявящего управляющего, ещё не успевшего заменить всё потерянные зубы на золотые аналоги, Император, разумеется, вспомнил случившееся. И поддался гневу, хоть не мог понять, что сподвигло его подписать этому чахлому слизняку смертный приговор: простая жажда мести, или забота об Империи.

Так или иначе, его суждение было полно уверенности, и Нейт не поколеблет его — управляющего не спасти.

Император покосился на сестру — та сидела за столом, внимательно изучая отчёты о случившемся. Это после целого дня и ночи постоянных государственных дел, где на сон, порой, удавалось урвать пару-тройку часов. Действительно, «Железная Нейт». Наверное, память о казнённом (воспринимать управляющего иначе было теперь глупо) уже стёрлась из её головы. Головы, на которой за последнее время заметно прибавилось седых волос. А ведь

она была всего на семь лет старше названного брата.

— Мой Император, — к Тёмному Повелителю подскочил лейтенант Доэр, — учётные книги арсенала частью похищены, частью — уничтожены. Потребуется время, чтобы определить, какие именно сведения оказались у бунтовщиков.

Император мрачно кивнул, не столько оруженосцу, сколько своим мыслям.

Возможно, идея разместить части важнейших имперских военных заказов в столичных арсеналах была не такой уж блестящей. Но именно в Тронном городе осознанно концентрировались властями лучшие мастера — центр Империи нуждался в них постоянно, и здесь они были под постоянным бдительным надзором имперского правительства. Держать этих людей вдали, в какой-нибудь тайной крепости-тюрьме, было бы расточительно — слишком много проблем: с контролем, логистикой, безопасностью...

Или — нет. Император ведь не застрахован от ошибок. Здесь, как оказалось, с безопасностью тоже всё было не на высоте.

Увы, однажды сделанного уже не переправить. Сопротивленцы пробрались в арсеналы и завладели книгами учёта — глупо полагать, что они не знали, что делали. Теперь необходимо смотреть на проблему здраво: враг получил в руки часть тайных сведений о секретном имперском проекте. Всего лишь крупицу, но... от них тянулась нить дальше. В столичных арсеналах изготавливались требующие наиболее тонкой работы и калибровки детали. В книгах учёта, разумеется, они значились как рядовая мелочёвка, расходящаяся по всей Империи, но не за такими же пустяками нагрянули мятежники под нос Императору? После — детали переправляли в Тайный архив имперского военного превосходства, а оттуда — через сеть имперских крепостей в секретные мастерские. Путь был тщательно зашифрован, следы заматались, но...

Если враг хоть немного осведомлён, рано или поздно он пройдёт всю цепочку. А значит, под ударом сам проект «Копьё Тьмы»...

— Мой Император, — рядом возник офицер имперских тёмных рыцарей, — всё готово.

— В этом нет смысла, — проворчал генерал Браксар, обращаясь к одному подчинённых, — мы сами можем выполнить любой приказ нашего Императора.

Особое ударение предводитель тёмных рыцарей сделал на слове «любой», но вкладывал он в это слово куда больше, чем могла бы пояснить любая, даже самая тонкая интонация. Тем более, что Браксар в интонациях был не силён.

«Наш Император» означал, разумеется, «мой».

— Да, генерал, — капитан Тавис хорошо понимал своего командира: он и сам с недовольством косился на выстроившихся неподалёку «субъектов».

— Наёмники... — в это просто слово Браксар вложил всё глубину своей неприязни к тем, перед чьим длинным рядом медленно вышагивала теперь грозная и мрачная фигура владыки. Впрочем, в генерале говорила исключительно ревность: его тёмным рыцарям, ему самому... предпочли обычных охотников за головами! Браксар не смел критиковать императорские решения, но считал, что настоящие воины справятся лучше. Что Империя справится лучше. И без помощи всяческих отбросов.

Вообще — не следовало выносить сор из казарм.

— Никакого устранения, — голос Повелителя разносился эхом тёмного могущества. Наёмники слушали внимательно: каждый из них имел громкое имя и репутацию, но мрачная

слава Император затмевала всё. К тому же, перед ними маячил жирный куш, а кое-кому, успевшему впасть в имперскую немилость, обещали ещё и «отпущение грехов» — полную амнистию на территории Империи. А эта территория сейчас стремительно расширялась почти во всех направлениях, опасно грозя охватить весь известный мир.

— Он нужен мне живым, — закончил Император, остановившись, почему-то, напротив одного из охотников. Браксар поспешил внимательнее рассмотреть этого наёмника.

— Гарвда Лус, — пояснил капитан Тавис. В его голосе к презрению примешивалось что-то сродни уважению или даже восхищению.

Браксар слышал об этом наёмнике. Слухи упорно именовали его если не лучшим, то одним из лучших охотников за головами во всём мире. Честь, несомненно, большая, но, судя по внешнему виду, Гардва Лус мог претендовать на неё по праву. С ног до головы его тело было заковано в чёрные доспехи. Не такие, как поглощающий солнечный свет чёрный Доспех Императора, но глянцевые, отливающий зелёным. Как с неприязнью отметил Браксар, это в чём-то роднило Императора с охотником. Даже рост у и ширина плеч них были почти одинаковыми — Лус уступал самую малость. Может, именно поэтому Повелитель Тьмы остановился как раз напротив него...

Те же самые слухи называли броню Гарвды «носфератическим доспехом». Если верить легендам, эти доспехи требовали от своего владельца поить их чужой кровью, взамен одаривая силой и вечной жизнью. Когда-то такие носили лучшие воины Легиона Тагра — племени, ставшего армией. Они присягнули Суверену, пытавшемуся захватить мир тысячу лет назад, и сгинули вместе с ним.

Некоторые считали, что Гарвда был последним представителем того «неумирающего» Легиона.

Браксар считал, что это чушь, и что Лус — преступник, заслуживший отправиться на эшафот, а не стоять лицом к лицу с Императором. Но беспокоиться стоило не только об охотнике за головами. Тот, о ком шла речь, тоже заслужил пристальное внимания Браксара. Император почему-то решил, что это непременно был Винд Райвол, тот молодой бунтовщик, кто покушался на его жизнь в промышленной зоне Имперской горнодобывающей компании. Указывавшие на это следы были слабыми, но... Кто осмелится перечить Императору? К тому же, в этом могла быть замешана поддерживающая Повелителя Тьмы таинственная магическая мощь. Мощь, которая пугала даже Оккультный Синод, а ведь сильнейшие из его магов, по слухам, обладали способностями переломить ход самой безнадежной битвы. Браксар поёжился — его пугала и восхищала сила Императора. Именно такой человек заслуживал сидеть на Вечном Троне, править Вечной Империей, и целым миром! Хотя, если говорить честно, генерал не был уверен, что именно человек скрывается за темной нерушимой бронёй. Иногда казалась, что под чёрным металлом скрывается ещё более непроглядный, концентрированный мрак, холодный и пустой. Но, всё же, Браксар надеялся, что это не так, и Императора можно коснуться, и почувствовать под ладонью кипящую, жаркую силу...

— Генерал Браксар!

Командир тёмных рыцарей, погружившись в несвойственные для него слишком глубокие мысли (хотя предмет этих мыслей обитал в голове бравого вояки безвылазно), от неожиданности вздрогнул, но никто из подчинённых не позволил себе даже маленькой усмешки. Во-первых — большинство из них сами едва сдерживали дрожь, слыша голос своего Императора, во-вторых — генерал в бою заслужил их уважение, и не раз, и они

стояли за него горой, и испытывали к нему искреннее уважение младших братьев к многоопытному старшему.

Браксар поспешил на зов — Император ждал его.

Хотя в выборе между живыми существами и своими маго-мехами Император явно отдавал предпочтение последним, он всё же признавал некоторые преимущества первых. Особенно, если выращены они были алхимическими талантами лорда Истрима.

В подземельях Железной Цитадели обитал целый выводок жутких тварей, способных прокусывать самую крепкую броню, жрать и переваривать мечи и копья, крушить ряды солдат... Это были воплощения разрушающей мощи. Хотя и тупые, управляемые исключительно накачиваемыми им прямиком в кровь алхимическими растворами. Но были и существа небольшие, проворные, с тонким чутьём и куда большим интеллектом.

Имперские гончие.

Выведенные специально для выслеживания добычи, они ловко брали след, быстро гнали и, настигнув, способны были подавить любое сопротивление. В этом им помогали длинные мощные лапы, мускулистые тела и клыкастые, роняющие желтоватую слюну пасти. В глазах гончих пламенела кровь.

Именно их привёл лорд Истрим на подвергшийся проникновению сопротивленцев имперский арсенал, чтобы по воле Императора выследить и захватить Винда Райвола — человека, которого Повелитель Тьмы по какой-то причине назначил виновным в случившемся. Чтобы гончие взяли след, Император снабдил Апофикара принадлежавшими цели предметами.

Это были извлечённые Императором из собственной брони наконечники стрел.

Истрим искренне надеялся, что сохранены они были именно ради подобного случая, а не из каких-то сентиментальных чувств к наметившемуся условно-достойному противнику. В конце концов, это же Император! Однако, с другой стороны... В своём Доспехе Повелитель Тьмы действительно казался больше, чем человеком — полубогом, лишённым всех слабостей. Но! Апофикар видел его лишённым этой колдовской брони, ощущал под ладонями измученное магией тело, видел взгляд льдисто-серых глаз, пробивающийся из-под вечно-длинной чёлки, и тогда за железным образом Властелина вставал уже совсем иной образ.

В нём можно было разглядеть куда больше, и лорд Истрим считал себя именно тем человеком, который на это способен.

И пусть Винд Райвол отправится в Бездну.

— След, — скомандовал апофикар, и гончие бросились куда-то в лабиринты тёмных улиц Тронного города. Если цель ещё здесь — они найдёт её, и притащат к своему создателю. А он уж позаботится о том, чтобы сопротивленец предстал перед Императором в должном виде...

Часть 9. Визиты Императора

— Мой Император, такая честь! Но прошу простить меня за этот неподобающе скромный приём, — в медово-бархатном голосе не было ни капли искренности, — если бы только Империя могла уведомить нас заранее о вашем визите...

Последовал картинный вздох сожаления. Под напускным, насквозь фальшивым подобострастием и извращённой льстивостью скрывались язвительные шипы дерзости. Только один человек мог позволить себе общаться с Императором в таком духе.

Виконт Вердлем Сераф.

Вообще-то, своим титулом этот скользкий тип владел от королей старой Васки. Васки больше не было. Был Императорский Тронный город и была Вечная Империя. Но Вердлем Сераф оставался виконтом.

Ему позволило имперское правительство... под давлением определённых факторов.

Этот напыщенный мерзавец был богат. Непозволительно богат. Настолько, что запросто смог позволить себе выкупить у Империи в Тронном городе те земли, которые раньше занимало его фамильное поместье, и выстроил на его месте невероятно-роскошный дворец-шпиль в имперском военном стиле... В архитектуру которого, однако, сумели как-то проскользнуть совершенно чужеродные утверждённому направлению решения.

— Не стоит изображать удивление, виконт, — Император был не склонен участвовать в этой театральной постановке: она исключительно для одного актёра, — вы наверняка знаете, зачем я здесь.

Вердлем Сераф только непонимающе округлил глаза — у него это легко получалось: он был весьма артистичен, а помимо этого — молод и красив. Большинство людей поддавались его чарам. Но не Император. Повелителя Тьмы нельзя запутать плесканием длинных ресниц, мерцающими нежностью чёрными глазами, лицом картинного героя и сладким голосом.

— Агенты сопротивления, — пояснил Император, — их след ведёт сюда.

— В мой дворец? — изобразил удивление Сераф. — Это нонсенс, мой Император.

— Довольно, виконт, — прервал это глупое кривляние Повелитель, — ваши связи с Синодом защищают вас. Сейчас. Но нам известно также о связях Синода со Священным Союзом — однажды оккультные титулы могут утратить свою защитную ауру.

На миг этот «удар» сбил с Вердлема Серафа маску верноподданнического идиота: из-под неё блеснули клыки и взгляд опасного хищника. Соперника, которого не следовало недооценивать. Это был не просто великосветский красавец с огромным состоянием, любящий на светских раутах поигрывать перед дамами впечатляющими мышцами и не менее впечатляющей магией. Все его игры в прикрытое липко-сладкими словечками нагло-детское противостояние с Императором — показуха. Да, в противопоставление Повелителю Тьмы он носил сверкающие белизной и расшитые серебряными нитями роскошные одежды. Да, окружил себя собственной гвардией, в пику тёмным рыцарям названной Белой Стражей и носящей соответствующего цвета доспехи. Да, интерьеры его дворца, в противоположность Железной Цитадели, походил на цветущий гарем древнего деспота-гедониста. Но это была ширма. За напускной якобы-дерзостью скрывался враг не игрушечный, а самый настоящий. Опасный. Враг лично Императора. И Император это знал. Сама Тьма шептала ему об этом.

Только ничего нельзя было сделать.

За Серафом стоял Оккультный Синод: виконт являлся правой рукой, советником, а по слухам и тайным руководителем своего формального лидера — высшего магистра Трелимина.

— Уверяю вас, мой Император, ни Синод, ни я не замыслием против Империи. Вас вводят в заблуждение.

Повелитель Тьмы никак не отреагировал на это жалкое якобы-оправдание. Вместо этого, благо — шлем позволял делать это незаметно, — он рассматривал стоящих позади виконта слуг. Шеи этих идеально-красивых мужчин и женщин элегантно облегали поблескивающие золотом колдовские ожерелья — вещь невероятно полезная, и ещё более затратная. Не только в плане стоимости, но и потребляемых ею магических сил. Огромного количества сил. Но благодаря этим грамотно закодированным сложными заклинаниями вещцам можно было заставить служить себе практически кого угодно. Носящий такое ожерелье не способен ослушаться приказа господина... Конечно, в меру своих сил.

Это решение проблемы покорности было вполне в стиле Оккультного Синода. Для нужд Вечной Империи такой штучный товар как ошейники-подаватели не подходил, а Император использовал нечто близкое к этому только в создании маго-мехов — кодируя сердечники «Гаргулий» или голем-мозги «Манतिकор».

А что касалось слов виконта... Империи было хорошо известно о сражающихся на стороне Священного Союза магах. Магистры могли сколько угодно объявлять их отщепенцами и изгнанниками, с которыми никто из уважаемых заклинателей дел не ведёт, но таковыми они не являлись. Это была ложь, и ложь далеко не изящная. Она зиждилась исключительно на магической силе Синода. Они лгали, потому что могли.

И до поры, как и с Вердлем Серафом, поделаться с этим ничего нельзя...

Пускай гончие лорда Истрима, промчав по окраинам столицы и запутанным лабиринтам канализаций, привели имперцев к подземным уровням дворца виконта, этот визит, даже ограничься он простым обменом «любезностями», неизбежно выльется в высказанное Синодом «фи».

— Здесь нет и не может быть никаких сопротивленцев, — убеждённо заявил продолжающий свой спектакль Вердлем Сераф.

А в следующий миг дворец-шпиль сотряс мощный взрыв. Магический взрыв. Эхо высвободившегося колдовского могущества пронеслось по этажам огромного здания, словно волна. Император и виконт оба ощутили его.

— Тогда что это? — Повелитель Тьмы спрашивал, но знал ответ: его цель была здесь.

— Нападение, — не моргнув глазом ответил виконт.

К чести виконта, это действительно было похоже на нападение: покорёженные стены, разбитая мебель и трупы стражников в белой броне. Вердлем Сераф разглядывал устроенный в его доме беспорядок без какого-то видимого сожаления. Как его не трогала потеря выполненной на заказ дорогой мебели, так его не трогали и смерти его людей. И даже превратившиеся в мусор драгоценные предметы искусства, некогда украшавшие ставшую полем боя часть дворца, были лишь незначительной утратой. С его богатствами всё это будет восстановлено в прежнем величии и блеске ментально.

А вот Императору вспомнились голые коридоры Железной Цитадели. Во всей императорской твердыне едва ли нашлось бы столько всякого драгоценного хлама, сколько

сгинуло во дворце Серафа в одном небольшом, в общем-то, взрыве. Обстановка в императорском доме была предельно аскетичной. Отчасти, потому что самому Императору не было до роскоши дела, отчасти — потому что Империи больше требовались ресурсы на войну, чем праздные украшения. Пуская с молотка все захваченные ценности, которые не были деньгами, или не могли быть переплавлены в деньги, Вечный Трон направлял полученные от продаж доходы на нужды своих многочисленных фронтов.

— Мой Император, только взгляните, — указал Вердлем на «обновлённую обстановку» своего дворца, — мой дом подвергся нападению. Я жертва, а не преступник! Империи следовало бы озаботиться, и схватить виновных, а не предъявлять невинным гражданам такие страшные обвинения.

— Вас ни в чём не обвиняют, виконт, — устало выдохнул Император: он предчувствовал, что всё сведётся к чему-то подобному, когда подчинённые прибежали к нему, беспомощно пождав хвосты, и сообщили, что их победоносное шествие по следам Винда Райвола сотоварищи застопорилось перед дверями виконта Серафа. Для визита к этому субъекту Империи требовался целый Повелитель Тьмы.

Видимо, пока не начнёт действовать «Копьё Тьмы», Императору так и придётся терпеть этого субъекта.

Через мгновение появился один из слуг виконта — тоже в ошейнике-подавителе, но одетый куда лучше всех остальных лакеев. Это оказался личный канцлер виконта. Очевидно, даже верность подобного типа людей Сераф считал необходимым подтверждать с помощью колдовства.

— Нарушители ещё здесь, господин, — слуга обращался только к виконту, и старался говорить как можно тише, но Император всё равно услышал его.

— Найдите их, — дал жест своей немногочисленной свите Повелитель Тьмы. Сейчас он страшно жалел, что в дом Серафа нельзя было нагрянуть с целой армией — тех гвардейцев, что были с ним, могло не хватить для захвата цели. Остальные ждали снаружи и, стоило надеяться, озаботились оцеплением дворца.

— Мой Император, в этом нет необходимости, — попытался остановить имперцев Сераф, — моя стража со всем справится сама. Навести порядок — моя обязанность, как хозяина дома.

Но имперские бойцы слушались только приказов своего владыки, и уже выдвинулись на поиск цели. Император же обратился в себя, намереваясь ощупать дворец с помощью тёмных дланей. Увы, прежде всего он ощущал страшно «фонящего» собственной силой виконта — могущество Серафа было велико. Его следы были везде, затрудняя восприятие мира. К тому же, Император не исключал, что Вердлем может пытаться сбивать его чувства.

И всё же, сопротивление и правда были где-то во дворце, ведя отчаянный бой за право выбраться наружу и спастись.

Грянул новый магический взрыв — несколькими этажами ниже.

Повелитель Тьмы знал, что офицеры тянут жребий, решая, кто будет докладывать ему о дурных вестях. Разумеется, он не устраивал показательных казней за подобное, но отмечаться в памяти у Императора как гонец беды никто не хотел. На этот раз офицерам повезло — у них под рукой оказался лейтенант Доэр. Уж личному-то оруженосцу Императора ничего не будет, решили они, доблестно вытолкнув юнца вперёд.

— Мой Император, они ушли... — честно доложил лейтенант, и уже с куда меньшей уверенностью добавил, — на одной из «Гаргулий»...

Прежде, чем ответить, Император выждал десять секунд. Для оруженосца это время показалось мучительной бесконечностью.

— Благодарю вас, лейтенант Доэр, — звук собственного имени заставил оруженосца вздрогнуть, как и эта подчёркнуто вежливая форма обращения, — передайте генералу Браксару, что я буду с нетерпением ждать нашей с ним встречи в Железной Цитадели.

— Он был здесь, — отрапортовал Гарвда Лус Императору. Как выяснилось, наёмник также смог проследить путь сопротивленцев до дворца Серафа, где и вступил с ними в бой. Голос охотника за головами странным образом искажался, проходя через полностью закрытый шлем.

Император, кивнув, повернулся к Вердлему:

— Как вы это объясните, виконт?

Тот был предельно спокоен и уверен в себе:

— Мой Император, не только у Империи есть враги. Синод куда более древняя организация, за эти годы у нас их накопилось предостаточно.

— Это были сопротивленцы!

— Возможно, ваши сопротивленцы хотели завладеть одним из наших секретов, или чем-то из моей коллекции альдарийских артефактов, чтобы направить их на борьбу против Империи. Откуда мне знать? Я не имею дел с бунтующим сбродом.

— Это так? — теперь Император обращался уже к Лусу. Ещё оставалась надежда, что Белая Стража помогала Винду Райволу сбежать. Если это так, можно прижать Серафа.

Увы, наёмник пожал плечами:

— Возможно.

Император был раздосадован. Если Райвол сражался не только с наёмником, но и солдатами виконта, значит по крайней мере прямой связи между ними нет. Хотя это не отменяет связей Синода со священным Союзом, а Союза — с сопротивлением в самой Империи. Слишком много общих нитей и узлов. Не мог же быть случайностью визит сопротивленцев во дворец именно виконта, которого можно смело называть официальным шпионом Синода в Империи.

— Он был один?

— Нет, — ответил Императору наёмник, — несколько человек. Одного я узнал: Дэш Райдер.

— Мне это имя ни о чём не говорит, — мрачно откликнулся Император.

Зато, услышав его, оживился Вердлем Сераф:

— О, этого я знаю, — голос виконта был почти торжествующий, — ещё одно доказательство моей невиновности перед лицом Империи: Райдер давно точит зуб на Синод...

Император не сомневался: под Синодом следовало подразумевать лично Серафа.

— ...Ничего не значащий персонаж с окраин, — продолжал виконт, — ввязался не в своё дело, и посчитал виноватым Синод. Он уже несколько раз пытался навредить мне, и вот — наконец-то сумел. Очевидно, он вступил в сговор с сопротивлением ради этого.

— Райдер присоединился к заварушке позднее, — вклинился в монолог Гарвда Лус, —

он пришёл на выручку моим целям.

— Это ничего не меняет, — отмахнулся виконт: по всему было видно, как неприятно ему, представителю благородной крови, общаться с такой личностью, как охотник за головами, — и по-прежнему доказывает, что я здесь жертва, а не преступник. Бунтовщики вломились в мой дом, а когда столкнулись с отборной Белой Стражей — поняли, что не справятся, вот Райдер и пришёл им на помощь.

— Это домыслы, виконт, — никакие слова не могли разубедить Императора в замешанности во всём происходящем Вердлем Серафа. Он просто пока ещё не знал, как именно он замешан.

— Мой дом разгромлен! — картинно возмутился виконт, хватаясь за сердце. — Я понёс колоссальные убытки: бесценные артефакты, предметы старины, тренированные бойцы! Потребуются миллионы, чтобы восстановить утраченное. Империя должна была бы выплатить мне компенсацию, поскольку всё это случилось в ходе развёрнутого ею преследования членов сопротивления...

Вместо ответа ему было предложено лицезреть укрытую плащом широкую спину Императора?

— Наша беседа ещё не окончена, виконт, — напоследок бросил Вердлему Серафу Повелитель Тьмы, и уже не видел, как тот отвесил ему намеренно преувеличенный поклон. Следом поспешала свита, а рядом шёл, с лёгкостью подстроившись под широченный шаг своего нанимателя, закованный в доспехи Гарвда Лус.

— Продолжайте поиски, — обратился Император к наёмнику, — Империя компенсирует все затраты.

— Будет сделано, Повелитель.

Часть 10. Дела, дела!

— Вы платите за свой провал, генерал, — голос Императора тяжким эхом повисал под высокими сводами тронного зала. Вместе с ним Тьма разливалась по твердыням и бастионам Железной Цитадели. Даже те, кто не знал магии, ощущали холодное касание, пробирающее до самых костей. В центре этого бушующего незримого шторма мрачных сил высился колосс во всепоглощающе-чёрном Доспехе, и по его закованным в колдовскую броню когтистым рукам змеились, потрескивая и мерцая, ярко-фиолетовые молнии.

Время от времени они срывались с ладоней Императора и, устремляясь вниз, поражали лежащее у подножия Вечного Трона тело.

— Ваша слабость — это моя слабость. Слабость всей Вечной Империи! И вы продемонстрировали её нашим врагам.

Браксар ничего не мог ответить. И не хотел — понимал, что слова ничего не изменят. Позволив Винду Райволу и сопротивленцам уйти, да ещё и прихватив бесценную «Гаргулью», он сам подписал свой приговор.

Гнев Императора, обрушившийся на него, был заслуженным.

Снова ударили молнии, жаля тело генерала, словно змеи. Их тёмный яд уже растекался по венам Браксара, сковывая ледяной слабостью обычно невероятно выносливые, развитые мышцы. Он не выстоял против этой жуткой силы и минуты, упав с колен на холодный пол цитадели. Но сознание оставалось с ним — Император не собирался убивать его.

Только истязал.

— За некомпетентность нужно платить, — мрачно подтвердил раскрашенные яркими вспышками боли мысли генерала Повелитель Тьмы. И новый снаряд чистого гнева сорвался с железных когтей.

Вот они — касания Императора.

Прочая свита стояла в стороне, не смея ни вмешиваться, ни даже приблизиться к своему сюзерену. Среди гвардейских и штабных офицеров стоял и лорд Истрим в своём алом мундире. Апофикар не испытывал приязни к «громиле Браксу», но не был и его врагом: личные отношения, как ни крути, не должны мешать их общему служению Императору.

Поэтому Истрим всё же шагнул вперёд.

— Мой Император, — произнёс он, как можно более осторожно приблизившись к Повелителю, но так и не решившись полностью подняться по ведущим к трону ступеням, остановившись на середине, — бунтовщики ушли, прежде всего, благодаря виконту Серафу. Вольно или невольно, он помог им ускользнуть от нашего преследования. Генерал Браксар...

— Меня не волнует Вердлем Сераф, лорд Истрим! — голос Императора звенел сталью, но молнии, всё же, на миг перестали сверкать. — Придёт время, и мы расправимся с ним, и всем Синодом. Но меня волнует ваша неспособность исполнять приказы. Это ваша общая неудача.

— Мой Император, — апофикар почтительно склонил голову, признавая вину.

— Это не извинение, апофикар! Мне нужны не слова, а дела, — нового разряда тёмных сил так и не последовало, вместо этого Император опустил на Вечный Трон, — вам следует прилагать больше усилий, а не празднично полагаться на моё милосердие.

— Да, Повелитель, — Истрим склонился в поклоне.

— Теперь, оставьте меня, — отмахнулся Император от пустых жестов и слов, — и позаботьтесь о генерале Браксаре. Ему ещё предстоит отдать свой долг Вечной Империи.

Тёмный прилив завершился. Магические волны, омывавшие железные стены цитадели схлынули, оставляя после себя пустоту. Именно на обнажённый отливом берег походил сейчас в видимой только избранным грани мироздания Император.

При такой степени истощения внутренних сил даже вырваться из объятий Доспеха оказалось не просто: вдруг возникший подле Повелителя Тьмы молодой паж качнулся, и, чтобы не упасть, опёрся на подлокотник Вечного Трона.

Он снова слишком долго носил свой колдовской панцирь, и вот — расплата: в глазах темнело, сердце билось часто и неровно, а руки с ногами то наливались свинцом, то становились будто невесомы и неощутимы сознанием. Тогда всё тело норовило упасть, и только боль от закушенной до крови нижней губы заставляла взбодриться.

Конечно, можно было призвать своего апофикара. Лекарства запросто привели бы Повелителя Тьмы в подобие нормы, но видеть Истрима совершенно не хотелось, а тем более без преграды в виде разделяющего их Доспеха.

Поэтому, Император собирался справиться с проблемой своими силами. Оставив Доспех восседать на Вечном Троне в гордом одиночестве, он приляжет в своей комнатке. Тем более, что там у него была припрятана початая бутылка крепко-сладкого ликёра — как раз на подобный случай.

А Браксару взбучка пойдёт только на пользу — перестанет витать в облаках, и займётся делом. Не первый раз.

Император был воистину изобретательно-жесток! Браксар предпочёл бы ещё сотню раз испытать на себе его тёмное могущество, вытерпеть любую пытку от его мощных рук, бросить всего себя к его крепким ногам! Но только не это...

Лорд Истрим придерживался такого же мнения: лучше бы Император отхлестал его своими молниями, лишил титула, бросил обнажённым в темницу, чтобы, сходя в неё в сумраке мрачных сил, пытать своего верного апофикара... Нежели это.

Так они хотя бы обладали его вниманием. Занимали его мысли. Чувствовали его прикосновения, пускай жалящие, жестокие, но принадлежащие только им...

Вместо этого ледяной Повелитель обрёк их, своих верных слуг, на тяжкое бремя. Принудил их к невыносимому. Обрёк на самое страшное проклятие...

Видеть друг друга каждый день. День за днём!

Взгляды генерала Браксара и лорда Истрима встретились, и жуткое напряжение между ними, казалось, готово было заискриться с большей яростью, чем колдовские молнии Императора. Люди вокруг проклинали тот день, когда гнев Повелителя, обрушившись на этих двоих, словно цунами, по инерции накрыл и их — ни в чём не повинных служак. Вынужденные болтаться в шторме соперничества двух высших командиров, многоопытные, закалённые в боях имперские офицеры чувствовали желание оказаться где угодно. Даже на охране самого убогого захолустья.

Лишь бы подальше от «сладкой парочки».

Вполне ожидаемо, после «встречи в цитадели» отношения Браксара и Истрима не стали

лучше. Первый считал, что апофикар вмешательством в «воспитательный процесс» пытался блеснуть перед Императором своим мнимым благородством, выставив себя защитником всего и вся. Второй полагал, что именно генерал виновен в бегстве Райвола и последующем гневе Императора, и вообще — Браксар должен быть благодарен Истриму за попытку обелить его перед Повелителем, а не вести себя, как разбойник-дикарь, которым он, впрочем, и является.

Споры двух приближенных к Вечному Трону не прекратились, даже когда мимо их высокой позиции пронёсся, или, вернее, спикировал тот самый Винд Райвол, «оседлавший» один из рушащихся шпилей особого охраняемой имперской литейной мануфактуры. Следом за бунтовщиком неслись хвосты дыма и пыли, каменная крошка, искры, пламя. При этом, Райвол умудрялся сохранять равновесие, крепко стоя на ногах, и за краткую, длившуюся всего несколько секунд встречу с имперской элитой ухитрился выпустить три стрелы, которые аккуратно уложили три мишени. Упавших имперских солдат было уже не спасти. Но была и четвёртая стрела, выпущенная в последний миг. Однако, к большому сожалению Истрима, его конкурент ухитрился отбить её своим огромным клеймором.

— Райвол! — взревел генерал, но его кулаки грозили только пустоте и поднимающимся столбам пыли от рушащихся башен.

Зато, пикировавший напрямик за приятелем Дэш Райдер успел одарить Истрима и Браксара ослепительной улыбкой:

— Наше почтение Императору, — прокричал мятежник, и тоже скрылся в заслоняющей обзор пыльной завесе. В отличие от гарцующего на падающем шпиле Райвола, он совершал свой не менее опасный манёвр на работающей на последних парах магической энергии трофейной «Гаргулье». Этот вопиющий факт заставил лицо Браксара побагроветь от бессильной ярости.

Где-то внизу, через мгновение, раздался страшный удар, скрежет металла и взрыв — это погиб, встретившись с землёй, бесценный имперский маго-мех... Вот только Райдер едва ли разделит его судьбу.

— Сделайте же что-нибудь, генерал! — Истрим силился перекричать царящий всюду шум. Увы, мануфактура активно разрушалась, и всюду из появляющихся в стенах брешей начинало бить багровое, напитанное колдовством пламя.

— Можете прыгнуть в огонь, лорд Истрим, — огрызнулся Браксар, — здесь сейчас всё развалится. Нужно отступать. Скорее.

Они и впрямь поспешили с площадки, где размещался их условный штаб управления провалившейся обороной сверхсекретного объекта имперской военной машины, но жуткий грохот заставил их остановиться, и снова вернуться к парапету...

В куполе главного цеха образовалась огромная дыра, и оттуда, из агонизирующих недр рушащейся мануфактуры, во всполохах искр коллапсирующего горнила, способного своим жаром плавить самые стойкие металлы, вырвался жуткий чешуйчатый зверь с огромными перепончатыми крыльями. Верхом на нём, в хитром седле, восседал Гарвда Лус. Легендарная носфератическая броня на нём была изрядно потрёпана, но цела. Издав жуткий рёв, тварь с оседлавшим её охотником кинулись следом за сопротивленцами, и тоже скрылась в столбах дыма.

— Идёмте, — крикнул генералу Истрим.

Внутри царил хаос. Запитанный и закодированный магией Императора кристаллический ключ управления был уничтожен, и печи вышли из-под контроля.

Заключённая в них невероятная мощь колдовского пламени, прежде сдерживаемая заклинаниями, теперь росла и колебалась бесконтрольно. Это привело к росту давления в трубах и взрывам — пламя расползлось по цехам. В нём гибли ценные руды и заготовки, а главное — невероятно дорогостоящие механизмы литья и штамповки элементов брони для маго-мехов Императора.

Они же использовались для изготовления важнейших элементов конструкции «Копья Тьмы»...

— Ваш план пошёл прахом, генерал, — посетовал Истрим, перепрыгивая через образовавшийся в полу разлом.

— Мой план? — удивился бегущий рядом Браксар. При своём росте он просто-напросто перешагнул через разлом, даже не заметив его.

— Разве не вы предложили идею заманить Райвола в ловушку?

— Но это вы решили использовать для этого особо ценную имперскую мануфактуру!

Откуда-то из охваченного пламенем бокового коридора, наперерез отступающему командованию, вылетел изрядно подпалённый и подкопчённый капитан Тавис с остатком своих людей:

— Генерал, лорд Истрим, коллапс печей неизбежен, — доложил офицер.

— Понятно, — Браксар был мрачен, — выводите людей. Где Унн Фэкк?

— Я здесь, — из-за широкой спины капитана Тависа высунулся человек с нервным лицом, на котором сейчас от страха не было ни кровинки.

— Отлично, — подхватив Фэкка под мышку, Браксар бросился к выходу. Остальные последовали за ним.

— Нужно эвакуировать машины! — слабенький голос Унн Фэкка едва пробивался сквозь окружающий шум. К тому же, его невероятно трясло в руках генерала, и он постоянно сбивался и заикался.

— Некогда, — рявкнул Браксар, в руках которого сейчас находилась последняя надежда на милосердие Императора: мануфактура погибла, но уцелел хотя бы экс-магистр Унн Фэкк — главный маг-инженер имперских оружейных исследований. Человек, без которого Император потратил бы куда больше времени и сил на создание «Гаргулий» и «Мантикор», и без которого тем более немыслимым казалось завершение проекта «Копьё Тьмы»...

Когда всё было кончено, и имперцы могли, выдохнув, наблюдать последний миг существования уже не тайной бывшей мануфактуры с безопасного расстояния, за спинами Браксара и Истрима снова возник капитан Тавис:

— Генерал, лорд Истрим, здесь вестник из столицы — Император требует ваш отчёт о ситуации.

Часть 11. Особенности поимки мятежников I

Не существовало в этом мире города, способного сравниться с императорской столицей в её мрачном величии, в железной мощи бастионов, в несокрушимости крепостей и протяжённости редюитов. Но что касается иных, не военных сторон жизни, здесь она часто уступала даже самым захолустным поселениям.

А Роркорсейт не был захолустьем.

Огромный, шумный, многоцветный, он совсем не походил на приученный к казарменным порядкам Императорский тронный город. Это был живой нерв мировой торговли: сюда слетались отовсюду деловитые купцы, по рынкам расхаживали зоркоглазые скупщики и рыскали ловкачи-перекупщики, здесь гнездились по богатым лавкам ростовщики, пускали в рост или по ветру свои состояния скучающие аристократы, выискивали золотиносный шанс быстроногие искатели удачи, и за всем этим внимательно поглядывали из теней питейных заведений пронырливые авантюристы и наёмники всех мастей.

Отличное место, чтобы затеряться в пёстрой толпе...

Даже внезапное появление императорских эмиссаров оказалось не способным потревожить кипение этого огромного котла жизни. Возможно, потому что главный ингредиент, непременно меняющий вкусовые качества любого «блюда», остался за стенами города. Имперские войска расположились ввиду Роркорсейта, терпеливо ожидая, пока их командование «наиграется в дипломатию», и, наконец-то, прикажем бравым бойцам экспедиционного корпуса заняться настоящим делом.

Но чтобы надежды солдат на хорошую битву исполнились, требовался подходящий противник. Человек с железным хребтом и стальными плечами. Другой просто не способен был выдержать уготованный для него Вечной Империей тяжкий груз ответственности — решиться на противостояние с закалённой в боях армией Императора...

— Я протестую! — Надрывался барон Редо, оказавшийся застигнутым врасплох, когда в его роскошный кабинет в правительственном дворце Роркорсейта внезапно нагрянули грозные перемены в лице двух императорских эмиссаров. Осознанию этих перемен ещё только предстояло уложиться в кудрявой голове градоправителя. — Это вольный город — грамоты старинных королей подтвердят это. Подтвердят нашу исконную свободу. У Империи нет здесь полномочий.

Плечи барона Редо были узки и покаты. Можно сказать, отсутствовали вовсе — их заменяли набитые ватой подкладки вычурных одежд. Не наблюдалось черт железной воли и в лице благородного градоправителя: изумительно круглом, чисто выбритом, с красующимся на упругих щеках нежным румянцем. И только в честнейших глазах потомственного взяточника нежно мерцала надежда на лучшее будущее.

Иными словами, воинственные мечтания имперских солдат потонули в густых ароматах розовой воды, витающих вокруг достопочтенного барона. Высокий тон речей этого человечка не был удивителен — это был истеричный надрыв форменного ничтожества, совсем не впечатливший грозных гостей правительственного дворца.

— Лучше подумайте ещё раз, — искренне предложил барону Браксар: его отношение к предъявленным артефактам древних монарших канцелярий было очевидным. Брони на командующем не было, но распирающие чёрную форму имперского офицера мышцы

выглядели даже выразительнее — казалось, одно неосторожное движение, и ткань, затрепав по швам, покажет всем, как должен выглядеть настоящий мужчина (разумеется — по меркам Императорской Армии, где у Браксара были легионы восторженных почитателей).

— Генерал прав, барон, — лорд Истрим проявлял больше такта, но его позиция была не менее жёсткой, — можете пустить свои пожелтевшие грамоты на растопку каминов. Империя не играет по старым правилам давно мёртвых королевств. Нам это не интересно. Вместо этого — мы пишем новые законы, и сейчас вы ещё можете решать: принять их, или подписать свой приговор.

— Это угроза? — барон Редо даже привстал со своего огромного кресла. Роста почтенный градоправитель оказался совсем не великого, чем в очередной раз подчеркнул свою незначительность перед лицом высокого, статного лорда Истрима, и тем более — возвышающегося над всеми гиганта-генерала.

— Да, — в ответе Браксара звучало явное удовольствие, — она самая.

Генерал на миг заслонил своей огромной фигурой сжавшегося от страха градоправителя, и лорд Истрим позволил себе совсем не дипломатичную ухмылку: со взмокшим от страха бароном было покончено. Этого чахлого бюрократа хватило только на краткое, жалкое трепыхание. Для настоящего противостояния императорским эмиссарам у него не было ни сил, ни духа. Единственной опорой, и опорой шаткой, ему служили жалкие бумажки, тогда как за Империей стояли хорошо обученные и вооружённые солдаты. И, что самое страшное, сейчас этих солдат можно было наблюдать из окон правительственного дворца... К тому же, едва заметив приближение имперцев, наёмные защитники города предпочли отступить за городские стены, позволив Империи занять все внешние форты.

Конечно, это ещё не оккупация, даже не осада, но — грозная весть: «Вечная Империя здесь».

Кулаки Браксара угрожающе сжимались и разжимались. Он нависал над нещадно потеющим бароном, и «маленькие деловые переговоры» обещали вот-вот перейти в мордобитие. Вернее, избивание. А значит — настало время выступить Истриму. Разыгрывая «хорошую» роль, апофикар успокаивающе положил ладонь на плечо генерала, и обратился к барону тем тоном, который лучше всего можно охарактеризовать, как «сталь под бархатом»:

— Мятежники в городе, барон. Их можете найти вы. Их можем найти мы. А может... — неприкрытая угроза в словах лорда Истрима достигла наивысшей точки, — найти Император.

— Император? — слова произвели нужный эффект: градоправитель побледнел, и, неосознанно ища опоры, тяжело упёрся ладонями в стол. — Здесь?..

— Именно, барон. Император скоро прибудет, и вы сможете лично выразить ему свою точку зрения на имперское присутствие.

— Конечно... — голос градоначальника был едва слышен.

— Конечно, что? — почти откровенно издеваясь уточнил Истрим.

— Конечно, мы окажем полное содействие Вечной Империи, — с каждым словом из барона будто выходил воздух: он осунулся, поблек, и как-то разом постарел, — мы не можем допустить, чтобы враги Императора находили убежище в стенах нашего города.

Лорд Истрим обворожительно улыбнулся. Впрочем, для Редо это больше походило на звериный оскал хищника, готового перегрызть горло затравленной жертве.

— Я знал, что вы нас поймаёте, барон. Уверен, Император учтёт это.

— Учтёт, — с мрачной уверенностью подтвердил Браксар.

Огромная лапища генерала «дружески» хлопнула барона по плечу: по счастью, позади стояло кресло, и градоправитель приземлился в него, а не на пол.

— Готовьте людей, капитан, — двери кабинета барона Редо ещё не закрылись за ним, а генерал уже отдал приказ ожидавшему его в приёмной офицеру, — этот слизняк ничего не сможет — мы сами найдём наш подарок Императору.

— Подарок? — идущий следом Истрим вопросительно вскинул бровь: по-юношески незрелый романтический дух сурового имперского генерала не переставал удивлять апофикара. О слове «наш» он и говорить не стал — под ним совершенно очевидно скрывалось многозначительное «мой». Это явственно читалось в голосе знаменитого командира тёмных рыцарей: когда дело касалось фигуры Императора, в нём всегда появлялись трогательно звенящие нотки.

Апофикару захотелось рассмеяться от подобной наивности: мало того, что «громила Бракс» считал, будто Императора может впечатлить рядовое исполнение предписанных чином обязанностей, так ещё и забывал о том, с кем эти обязанности разделял.

— Что не так? — генерал поморщился: присутствие рядом самоуверенного апофикара доставляло ему почти физическую боль — словно от уныло-ноющего гнилого зуба. Выдрать бы и выбросить... Вот только Император, к сожалению, не оценил бы такую инициативу своего полководца.

— О, ничего, генерал, — помахал рукой Истрим: догадываясь о причиняемых Браксару муках, он испытывал приятно-сладкое удовольствие, — просто, этот «подарок» ещё следует, как минимум, изловить, прежде чем вы сможете повязать на него миленький бантик и преподнести нашему Императору.

— Это не трудно.

— Громкое заявление... Учитывая прошлый опыт.

— Здесь всё будет иначе, — сквозь зубы процедил Браксар, — лучше скажите, почему я не знал о прибытии Императора?

Среди заготовленных Истримом на подобный случай фраз было несколько особенно подходящих. Например: издевательски-жёсткая «возможно, вам не вполне доверяют», и суховато-надменная «эта информация только для доверенных лиц нашего Повелителя». Но, глянув в полное сомнений и тревог лицо генерала, на котором все эмоции читались на раз-два, передумал мучить этого увальня. Даже Яду Императора было свойственно милосердие.

— Ах, генерал, — с покровительственной улыбкой обратился к своему вынужденному напарнику Истрим, — всё потому, что наш Император совершенно не спешит сюда: он поглощён делами Синода, которые обрушил на него в отместку за наш маленький визит дружбы виконт Вердлем Сераф. Но барону Редо знать об этом совершенно не обязательно. И даже вредно.

Лицо генерала, хотя он и пытался скрыть эмоции, просияло. С точки зрения апофикара, он был совсем как ребёнок — разве можно считать такого за настоящего соперника?

Появление на улицах Роркорсейта имперских патрулей мало кому пришлось по вкусу, но ещё меньше нашлось храбрецов, рискнувших выступить против этого «нарушения древних

свобод». Даже те, кого объявленный Империей карантин неожиданно запер в городе, не осмеливались открыто роптать, и покорно ждали, пока их проверят и позволят отправиться куда подальше.

Все предпочитали молча терпеть.

— Это может затянуться, — выразил озабоченность сложившейся ситуацией лорд Истрим, наблюдая новые городские порядки из окна правительственного дворца.

К счастью, барон Редо настолько преисполнился радушием, что упросил имперских гостей расположиться штабом прямо в его резиденции — в окружении всех удобств. Сам благородный градоправитель постоянно находился неподалёку.

— Вы кажетесь нездоровым, барон, — посетовал Истрим, обернувшись к хозяину дома. — У вас всё хорошо?

— Да-да! — выглядел барон и правда плохо: никакого румянца на нём теперь не было и в помине, щёки обвисли, а сам он постоянно вздрагивал от малейшего шума, будто ожидая, что поджидаемый им Император появится вдруг из-за ближайшего угла.

— Воля ваша, барон, — ухмыльнулся Истрим, возвращаясь к разглядыванию города за окном. — Иначе я мог бы... подлечить вас. У меня есть в этом некоторый опыт.

— Нет-нет! — Пospешил успокоить апофикара барон: цвет его лица стремительно менялся от светло-серого к зеленовато-жёлтому.

— Знаете, — задумчиво протянул апофикар, — ваш город кажется мне действительно очаровательным. Я даже рад, что мы оказались здесь.

— Да? — Барон едва ли заметил расцветшую на лице лорда Истрима коварную ухмылку.

— Разумеется, барон! Теперь мне кажется, Империи стоило бы обратить куда больше внимания на Роркорсейт.

Градоправитель не сдержал дрожи, когда перед его глазами встала жуткая картина имперской оккупации: гарнизон, суды, военный наместник... Подобные образы били сильнее плетей и мечей. И барон даже обрадовался, когда в залу вошёл генерал Браксар: больше не нужно было находиться наедине с пугающим имперским лордом в кроваво-алом мундире. Истрим, казалось, тоже обрадовался появлению напарника:

— Генерал, — приветствовал его апофикар, — вы весьма кстати. Мы с бароном как раз обсуждали город. Как вам Роркорсейт?

— Дурацкое имя, — отмахнулся Браксар, больше занятый мыслями о скрывающихся где-то неподалёку сопротивленцах, нежели творящимся рядом издевательствам над ничтожествами.

А барон уже представил, как Императорский эдикт отменит многовековое славное имя Роркорсейта, заменив его на обезличенное «Имперский подконтрольный сектор номер такой-то»... Градоправителя снова пробила крупная дрожь, но эмиссары Императора уже не обращали на него внимания. Их занимали дела Вечной Империи.

— Долго, — подошедший к окну Браксар был мрачен: операция шла медленнее, чем он ожидал. Истрим согласно кинул — его, как и генерала, вовсе не прельщала перспектива надолго задерживаться в Роркорсейте. Чем дальше имперские войска будут находиться здесь, тем больше это будет походить на оккупацию. А оккупация этого города слишком сильно скажется на торговых маршрутах — это вызовет волнение. В том числе — в тех странах, что пока ещё не втянуты в имперские войны...

Не стоит необдуманно ширить ряды своих врагов. Поставленная Императором цель не

оправдает подобных средств. В конце концов, рано или поздно Винд Райвол покинет Роркорсейт, Империя выследит его и настигнет. Воля Повелителя исполнится, но... Желание как можно скорее расправиться с этим делом было велико. Истрим сощурил полные коварства глаза:

— Если мятежники совсем не спешат бросаться нам в руки, не стоит ли нам самую малость подтолкнуть их?

— Что вы предлагаете? — Оживился Браксар.

— Помочь им, разумеется.

Часть 12. Особенности поимки мятежников II

— Мой дорогой барон, я восхищён вашей прозорливостью. Кто мог ожидать, что наше маленькое сотрудничество окажется столь... неравноправным. Пока Империя только ожидает свой приз, вы уже одним махом избавились от всех соперников. И даже не замарали рук.

Лорд Истрим, а это был именно он, с мрачно-торжественным злорадством наблюдал в окно правительственного дворца Роркорсейта, как зависают над центральной площадью города багрово-чёрные бронированные туши имперских «Гаргулий». Со своими хищно-когтистыми лапами и огромными крыльями они походили на кружащих над добычей зверей.

На падальщиков.

Внизу, в тени «Гаргулий», на нововозведённых виселицах качались мертвецы.

Стоявший позади Истрима барон Редо был смертельно бледен: он всё ещё переживал те муки, через которые его заставил пройти этот императорский палач в кроваво-алом мундире. Империи было мало ворваться в Роркорсейт, внести сумятицу в обычный образ жизни, унижить и притеснить градоправителя. Она решила сломать его. Чтобы поймать единственного мятежника, Истрим заставил барона Редо собственноручно составить список приговорённых к казни горожан. В него вошли все, кто был хоть сколь-то явными противниками действующего градоправителя на политической арене Роркорсейта... Но от этого барону Редо не становилось легче. Да, он никогда не ладил с этими людьми, спорил с ними, интриговал против них. Но убийство!.. На это градоправитель никогда бы не пошёл. И никто из казнённых — тоже. Все они были политиками и купцами, а не палачами.

В отличие от эмиссаров Императора.

— Ах, барон, — не унимался лорд Истрим, — вам несказанно повезло: если бы не благородство Империи, стоило бы пересмотреть наше сотрудничество. Найти баланс.

Барон Редо не нашёлся, что ответить, и даже не вздрогнул от уже привычно сокрытой между строк угрозы оккупации. Горло его пересохло, глаза слезились, и в затылке тупой болью отдавался каждый частый удар сердца. Даже обычно пышные одежды градоправителя выглядели удивительно жалкими, почти траурными.

Лорд Истрим глянул на барона с презрением:

— И всё же, теперь, когда с вашими врагами практически покончено, стоит задуматься о поиске верных друзей. Это добрый совет: требуется закрепить достигнутый успех новым союзом. Скажем, с Вечной Империей. Только наш Император обеспечит вам настоящий покой, ведь у казнённых могут быть и собственные друзья, — последнее слово имперец произнёс со злой насмешкой.

Барон Редо обречённо склонил голову, и так и не поднял её, даже когда в кабинет вошёл генерал Браксар. На этот раз гигант был облачён в свои чёрные рыцарские доспехи, со знаменитым огромным клеймором на поясе.

— Можно выводить следующих, — с порога объявил командующий. Тон у Браксара был такой, словно речь шла о чём-то совершенно обыденном, а не о казни мирных граждан.

— Думаю, они могут пока посидеть в своих камерах, — задумчиво откликнулся Истрим. — Оставим запас на тот случай, если дело затянется.

— А оно затянется?

— Не думаю, — успокоил напарника Истрим. Он действительно считал, что Винд

Райвол не станет мириться с развязанным в Роркорсейте террором. Особенно учитывая, что цель всего происходящего никто не утаивал.

— Пусть Винд Райвол сдастся Вечной Империи, — вот что слышали люди, наблюдая, как имперские солдаты тащат по улицам известных и уважаемых горожан. А затем часть арестованных просто вывели на площадь, и повесили. Без суда, без приговора, без лишних угроз. И на тот случай, если искомый бунтовщик вдруг оказался бы не столь эмоционален, и смог смириться с ответственностью за уже принесённые в жертву чужие жизни, в темницах правительственного дворца ещё оставались обречённые на заклание.

Во славу Вечной Империи, конечно.

— А если... Если его нет в Роркорсейте? — от барона изрядно несло выпивкой, но только в дворцовых винных кладовых он смог отыскать необходимые для сопротивления силы.

В глазах лорда Истрима проскользнуло мимолётное удивление. Но куда больше в них было раздражённой злости: как раз сейчас он раздумывал — не переоценил ли отвагу и решительность Райвола, и как можно оправдаться перед Императором, если вся эта рискованная операция по вторжению в нейтральный вольный город окажется бессмысленной. Так что: играть в добродушие с ничтожеством-бароном настроения у апофикара не наблюдалось. Больше того, этот неожиданный всплеск свободной воли у простой «игрушки» был ему ненавистен.

— Не злите меня, барон, — голос Истрима гремел жестокой сталью. — След привёл сюда, и мы отыщем бунтовщика, куда бы он ни зарылся. Тогда, и только тогда мы покинем Роркорсейт, но... Но. Если вы будете ставить под сомнение действия Вечной Империи, то прежде, чем это случится, мне придётся забыть, что я считал вас нашим другом.

— Я... — заикнулся барон, но не смог ничего сказать.

— Градоправителей меняют. Запомните это раз и навсегда.

— Конечно, конечно, — отвага барона истаяла. Остались только винные пары.

— Этот бунтовщик сдался нам, — произнесённая имперским солдатам фраза прозвучала, словно музыка для ушей двух императорских эмиссаров.

— Ну привет, — Винд Райвол, даже в наручниках, в сопровождении стражи, выглядел так, словно погулять вышел, а не оказался в имперском плену: в ясной синеве глаз плескались искорки веселья.

— А, наш неуловимый мятежник. Рад встрече, — лорд Истрим был не в силах сдерживать распиравшее его торжество: наконец-то, воля Повелителя Тьмы оказалась как никогда близка к исполнению. — Император давно желает встретиться с тобой.

Райдер в ответ с сомнением пожал плечами:

— Видимо, не так уж и сильно, раз послал вместо себя вашу парочку.

— О, поверь, никто не желал обидеть тебя невниманием, — издёвкой на дерзость ответил апофикар. — Мы всего лишь посчитали, что так будет лучше: мы сможем преподать тебе пару уроков хороших манер, и ты не ударишь в грязь лицом перед нашим Повелителем. Впрочем, теперь он и твой Повелитель.

— Никогда!

— Посмотрим, — с готовностью заявил Истрим, и переключил внимание на солдат патруля, задержавших Райвола. — Он был вооружён?

— Только этим, — боец вложил в раскрытую ладонь апофикара небольшой усиленный лук, и за внешней простотой мастер тёмной алхимии чётко уловил отголоски чужого колдовства. Не слишком могущественного, но весомого. И всё же, это было не то оружие, с которым можно рассчитывать сокрушить Повелителя Тьмы.

— А ты отважен. И глуп, — вынес вердикт Истрим. — Бросать вызов Императору с этим...

— Это же самое могу сказать о тебе, раз ты служишь тирану.

— Ублюдох! — вступил в «беседу» до того молчавший Браксар, которому слово «тиран» применительно к Императору показалось невероятным оскорблением последнего. Бронированные кулаки генерала сжались, и он шагнул вперёд, нависая над Райволом, который был всего лишь среднего роста, и, не смотря на приличную фигуру, разумеется, не мог соперничать в весе с командиром чёрных рыцарей.

— Смотрю, у тебя есть комнатная собачка? — с усмешкой обратился совершенно не впечатлённый сопротивленец к Истриму, и мотнул головой в сторону генерала, чем привёл того в полнейшую ярость.

— Я — генерал Браксар, «Чёрный Клеймор Императора», командующий чёрных рыцарей и имперских военных сил!

— Не признал, — снова пожал плечами Райвол, при этом выражение лица у него было скучающее. Сопротивленец неприкрыто издевался над генералом, и получал от этого искреннее удовольствие. Этим он даже заслужил некоторые очки в глазах наблюдавшего эту картину апофикара.

А вот командующий явно воспринял всё слишком близко к своему пламенному сердцу. Стоило всерьёз опасаться за сохранность правительственного дворца — в гневе кулаки закованного в чёрную броню гиганта способны были крошить камень и сталь. Даже скромно приютившийся в дальнем углу, за спинами имперских солдат барон Редо почувствовал эту растекающуюся по кабинету угрозу. И сжался ещё сильнее.

— Признаешь, — мрачно пообещал Райволу Браксар, всё ещё кипящий внутри, но сдерживающийся, чтобы ненароком не повредить «подарок Императору». — Мы с тобой потолкуем об этом. В дороге.

Расставались почти со слезами: барон Редо, прошедший через все стадии осмысления случившегося, теперь уже не радовался, а боялся отъезда имперцев... Его, как пособника пусть и временной, но оставившей по себе кровавые следы оккупации едва ли ждала завидная судьба. В темницах дворца всё ещё томились схваченные Империей горожане — когда они выйдут на свободу, у них наверняка возникнут вопросы к градоправителю. Как и у прочих жителей Роркорсейта.

Но Истриму и Браксару было наплевать. Воля Императора исполнилась: Винд Райвол скованный по рукам и ногам, готовился отправиться на встречу с судьбой. В Железной Цитадели его встретят холодные объятия тёмных сил, перед которыми никто не мог устоять.

И всё же, апофикар и генерал, независимо друг от друга, испытывали сомнение: для чего нужен этот человек их Повелителю? Да, он попытался бросить ему вызов. И нанёс ужасный вред имперской военной машине. Поставил под удар тайный проект «Копьё Тьмы»,

но... Был пусть и видным, но более или менее рядовым бунтовщиком.

Оставалось надеяться, что Император всего лишь рассчитывает выйти через него на лидеров Сопротивления. На эту мысль делал ставку лорд Истрим. А вот генерал Браксар склонялся к идее, что Повелителя Тьмы заинтересовала отвага Райвола — смелость бросить вызов самому архитектору величия и славы Вечной Империи. Это чего-то да стоило. И вероятно, Император мог рассчитывать склонить сопротивленца на свою сторону — заставить служить Вечному Трону. В конце концов, Империи нужны свои герои. Но тут возникала проблема... ревности. Обдумывая подобный вариант, генерал видел шанс на появление «конкурента», способного бросить Браксару вызов за внимание Повелителя. Для полководца это была болезненная тема — ему хватало и апофикара, постоянно вьющегося вокруг Императора, и сующего свой нос куда не надо.

Эти мысли омрачали ликование двух эмиссаров, когда они покидали Роркорсейт. Впереди их ждал Императорский тронный город.

Часть 13. В стенах Железной Цитадели

— Добро пожаловать в мой замок, — голос Императора звучал отовсюду: грозным эхом отражаясь от стен, он ниспадал на сердца слышащих тяжкими оковами льда. — Я ждал тебя...

Рождённый в железной груди великана из Тьмы и Хлада, поток губительной силы выплеснулся наружу, объял Вечный Трон, прокатился по ступеням вниз, захлестнул базилику. Под напором этой почти физически ощутимой волны Винд Райвол замер. По телу, без труда проникнув сквозь одежду, скользнули незримые руки: их ледяные когти царапали кожу, кололи грудь, вонзались в нервные узлы...

На шее своей мятежник ощутил морозное дыхание, и голос, что звучал из-за грани мироздания, из непреодолимого мрака, шепнул:

— ...Винд Райвол...

Это было касание тёмного могущества Императора, почти интимное, но неудержимое, самовластное. Повелитель Тьмы искал в Райволе те силы, что могли оказаться опасными для него. Чужое потаённое колдовство.

Другие руки, уже вполне реальные, толкнули Винда в спину — это Истрим и Браксар выражали недовольство. Они не почувствовали прикосновений Императора, и не видели причин задерживаться в дверях. Тронный зал встречал их, заполненный тяжкой, густой темнотой. Как и вся Железная Цитадель: пустовали внешние укрепления и бастионы, чертоги и защищённые галереи. Ни стражи, ни слуг. Только тени и тишина. Сам Император пребывал в полном одиночестве, восседая на Вечном Троне. Неподвижный, словно статуя древнего божества.

Если бы Райвол не видел это собственными глазами, то никогда не поверил. Он ожидал, что город Императора, сердце Империи, будет биться отзвуками военных маршей, и бесконечные колонны солдат в одинаково-мрачной броне встанут вдоль его пути к подножию Вечного Трона.

И — ничего.

Больше того, даже Истрим и Браксар были удивлены поджидавшим их запустением. Но они знали, что Императору не нужна стража, не нужны защитники. Ничто в целом мире не в силах угрожать ему — истинному Повелителю Тьмы.

Но пустота Железной Цитадели давила и на них.

Наконец, все трое замерли у первой из тех ступеней, что вели к Вечному Трону. Здесь куда явственнее ощущалась давящая атмосфера: словно море Тьмы стремилось объять и поглотить их. И снова Райвол ощутил касание Императора — незримая длань скользнула от локтя к кисти и...

Оковы на руках Винда сами собой пали на пол, хотя ещё мгновение назад были надёжно сомкнуты. Но Тьма не остановилась, она заструилась обратно, поднялась выше, к плечу, на миг сжала своей холодной хваткой шею и тут, к удивлению Райвола, невидимые пальцы стали впиваться ему в лицо, лезть под кожу и череп. Прямо в мозг. Почти безболезненно, лишь сея вокруг себя холод, но настойчиво.

Неумолимо.

Император желал заглянуть в мысли своего пленника, но прежде — смутить волю, утопить её в мутном океане хаотической Тьмы. В этом тягучем мареве Райвол, словно наяву,

увидел грозный силуэт, вставший перед ним.

Сам Повелитель Тьмы. Его бессердечный дух с парой ледяных глаз-кристаллов, пронзающих всевидящим взором чужую память.

Райвол бросился на эту тень. У него не было оружия, но оставались кулаки. Не физические, но те, что зовутся силой воли. Ими он ударил в грудь Повелителя Тьмы... Снова. И снова. Казалось, он сам увязает в этом страшном силуэте, втягивается в него, как в прореху в мироздании. Но Райвол не отступал.

Отступила Тьма.

Винд освободился, вынырнул из холодного океана мрака и смог сделать глоток желанного воздуха. Свободная мысль вновь заструилась в его сознании.

Император отпустил его.

И всё же, потребовалась почти целая минута, чтобы Винд смог прийти в себя, вернуть уверенность и самообладание:

— Я слышал, у тебя есть ко мне какое-то дело? — но в голосе остался надлом. Словно маленький шрам, оставленный когтями чужой злой воли.

— Обращайся к Императору с почтением, — рявкнул у него за спиной Браксар. Подтвердить слова действиями он, однако, не решился, хотя очень хотел приласкать наглеца кулаком по макушке.

— Не стоит, генерал, — успокоил заступника Император. Он, как и прежде, неподвижно восседал на своём троне, но голос его теперь доносился не отовсюду, а только из-под маски. Так он стал больше походить на живое существо, а не порождение Предвечного Мрака. — У нас с Райволом весьма... близкие отношения...

Истрим и Браксар вздрогнули. Они и без того чувствовали себя незаслуженно позабытыми и обделёнными вниманием, а от последних слов Императора вовсе зашатались, словно пьяные.

— ...ведь он мечтает убить меня, — закончил Император, чем, однако, совсем не облегчил участь своих верных. Теперь они хотели разорвать Райвола на месте — мятежник буквально чувствовал спиной их испепеляющие, полные жестокой ненависти взгляды.

Под таким давлением Винд был сам не свой, и даже не сразу нашёлся, что ответить:

— Что же, должен сказать, для дружеского приёма — так себе, — наконец-то выдавил он из себя, и мог поклясться, что услышал лёгкий смешок Императора. И ощутил очередную волну ненависти за плечами.

— Что же, — передразнил Император, — раз уж мы приятели, я откроюсь: в этот самый момент мой дом атакован. Оккультный Синод направил незримые силы, чтобы связать и, если повезёт, сокрушить мой разум. Наша схватка в самом разгаре...

Райвол краем глаза уловил движение: это дёрнулись Истрим и Браксар, готовые броситься на помощь своему Повелителю, но не способные увидеть и понять развернувшуюся в Железной Цитадели ментальную битву.

— ...Только двум моим верным и тебе я позволил нарушить моё уединение, — продолжал Император. — Так что, прости, что не встретил, как подобает — в блеске славы и могущества моей Империи...

Райвол понимающе качнул головой: мол — прощаю.

— ...И прости, что не могу сам проводить тебя к твоим апартаментам. Мои верные покажут, что к твоим услугам весь тюремный комплекс Железной Цитадели...

Объявленная Императором Тишина завершилась — снова можно было покидать свои комнаты, вести дела, нести службу... Но Железная Цитадель медленно возвращалась к привычному существованию, и всё так же оставалась тиха. Близилась ночь, и солдаты в казармах тихо шептались, гадая, что вызвало необычный приказ Повелителя.

Прошел ещё как минимум час, прежде чем все действительно смогли выдохнуть, убедившись, что ничего не произошло. Что Вечная Империя стоит, как прежде.

Что Вечный Трон остался нерушим.

И лишь немногие избранные знали, что Император выдержал ментальную схватку с Окультным Синодом.

Виконт Вердлем Сераф — действительно опасный противник. Опасный как сам по себе, так и по мощи стоящего за ним Окультного Синода. Магистры изрядно постарались, чтобы сокрушить дух Императора. Пожалуй, их сил могло хватить на это... действуй они заодно. Но даже объединившись в единый хор колдовской силы, эти интриганы не забывали о шкурных интересах. Слишком многим из них была выгодна идущая между Вечной Империей и Священным Союзом война. Деньги текли в их карманы...

Голоса этих бесчестных магистров вплетали в общую мелодию чуждые ей ноты, разрушительный тон расстраивался, и сокрушающая мощь чародейство теряла градус.

Благодаря этому, и благодаря своему Доспеху, Император сумел выстоять. Хотя его порядком потрепало. Глядя на броню со стороны, он видел, что её обычно непроглядно-чёрный цвет изменился на угольно-чёрный. И даже солнечный луч осмелел настолько, что прыгнул радостным бликом на могучий нагрудник.

Это истончились нити льдистого мрака, и ослабло их плетение. Нужно время, чтобы Доспех пришёл в норму.

Выглядело подобное странно, но Император всё же погладил ладонью когтистую лапу перчатки. Металл был холоден, но отозвался на касание хозяина странным пением...

Тёмной мелодией — зовом извне.

Ответом ему было биение сердца в груди юного пажа с льдисто-серыми глазами.

Истрим поджидал практически за первым же углом. Один прыжок — и оказался рядом, оттеснил в сторону, туда, где никто не мог подслушать. В итоге: между ними оказался только комплект свежего постельного белья, которое паж нёс в комнаты Императора, чтобы застелить скромную постель своего Повелителя.

— Я отсутствовал так долго, — апофикар алой тенью нависал над беззащитной «жертвой», и что-то странное горело в его глазах. — А вы, я знаю, совсем не покидали Доспех. И пренебрегали лекарствами... Я плохой слуга, раз не сумел...

— Лорд Истрим, — голос Императора, его настоящий голос, совсем не походил на то, что обычно доносилось из-под чёрной маски. В нём не было повелевающей силы, склоняющей к рабскому повиновению народы. К тому же, Император смертельно устал. Противостояние с Синодом измотало его, и он мечтал, хватив пару румок ликёра, упасть на кровать и заснуть крепким сном. Дня на два, или на три...

Он очень давно не спал. Так же давно, как не снимал Доспех.

— Лорд Истрим, — повторил он, надеясь вернуть своему апофикару ясность мыслей. — Сейчас не время и не место для подобных разговоров.

— Однако же... — дыхание Истрима щекотало уши Императора. В нём чувствовались нотки...

Алкоголя!

Крепкий бренди из императорских кладовых... Сам Повелитель Тьмы не любил подобные напитки, но держал небольшой запас. На случай внезапной необходимости. Похоже, необходимость наступила. Для лорда Истрима.

— Мой Император!.. — проведя ладонью по волосам, он отбросил упавшие на лицо длинные локоны. Он был красив, этот Яд Императора.

— Лорд Истрим! — стопка постельного белья была, конечно, хорошим бастионом, но апофикар слишком возвышался над Императором, и мог запросто преодолеть этот барьер, если пожелал бы... — Охота за Райволом, очевидно, измотала вас. Вам следует отдохнуть, и тогда мы обсудим с вами моё исцеление. Я...

— Мой Император, — Истрим был настроен решительно: ещё чуть-чуть, и мог предложить провести сеанс прямо в коридоре, где, вообще-то, в любое время можно было встретить идущих по своим делам солдат и офицеров!

— Лорд Истрим! — на этот раз апофикара звал не Император. Голос принадлежал одному из служащих обороны Цитадели. Он отвлёк Истрима всего на мгновение, но этого хватило, чтобы Император ускользнул.

В присутствии младшего по званию, апофикар, конечно, не мог броситься в погоню за юрким пажом — пришлось выслушивать, что от него хотели, хотя несчастный офицер имперской безопасности быстро почувствовал на себе неожиданный и малоприятный гнев начальства...

Чья-то огромная и крепкая лапа тяжело легла ему на плечо.

— Погоди-ка, парень... — грянул позади командный бас.

И тут же эта самая рука, а вдобавок — вторая, точно такая же, подхватили добычу под мышки, с лёгкостью оторвали пола, повернули. И вот — они уже стоят лицом к лицу: генерал Браксар, знаменитый имперский военачальник, «Чёрный Клеймор Императора»... и юный паж с льдисто-серыми глазами.

— Вольно, — со всей возможной деликатностью распорядился Браксар, глядя в ошеломлённое лицо пажа. Для этого рослому генералу пришлось изрядно изогнуться — попавший в его железную хватку парень был совсем не велик. — Ты как? Потолкуем? Не как командир и подчинённый, не бойся. Как сослуживцы. А? — Браксар попытался изобразить на лице предельное дружелюбие.

Вышло, на взгляд Повелителя Тьмы, глупо. А вот Браксар истолковал молчание пажа как согласие, хотя всё ещё сомневался: не слишком ли напугал его?

— Вот и отлично, парень. Пройдёмся малёк.

И они «прошлись». Вернее, Браксар, бахнув свою лапу на хрупкое пажеское плечо, поволок свою жертву в неизвестном направлении: прочь от внутренних укреплений, тронной базилики, и, соответственно, так манящей Императора родной и милой сердцу кровати.

— Только, — Браксар резко остановился, развернул пажа к себе лицом и полным

серьёзности голосом заявил, — ты помни, я всё же старше по званию, а старшим по званию отвечать нужно честно. Лады? Это тебе и на службе пригодится. Должен знать.

И они снова продолжили «прогулку». Император воодушевлён был не слишком, а вот Браксар — чрезвычайно доволен собой. Его план был прост, изящен, и, кажется, идеально исполнялся.

В конце концов, кто попало не становился генералом Вечной Империи.

А заключался план в следующем: изловить и допросить императорского пажа обо всём. Обо всём важном. Но сперва — нужно добраться до места проведения операции. Место было уже совсем рядом.

Несмотря на то, что Железная Цитадель представляла собой монументальное воплощение мрачного и величественного духа Вечной Империи, в ней, всё же, постоянно проживало огромное количество людей: чиновников, солдат и офицеров. И всем этим людям требовалось как-то отдыхать от каждодневного тяжкого труда во славу Вечного Трона. Так что, в тех дальних частях Цитадели, куда никогда не ступала бронированная нога Императора, верные служители Повелителя Тьмы создали для себя уголок уюта, где можно было перевести дух и расслабиться. Разумеется, мало кто за пределами гарнизона знал, что в Железной Цитадели имелся бар. Пускай небольшой, без изысков, и с не слишком широким выбором напитков... Но! Там наливали. И, при должных навыках общения, или просто по дружбе с барменом, можно было получить в своём бокале что-то из особых запасов.

Император был осведомлён, но никогда не бывал в этом заведении. Подобное казалось ему неуместным. И, опять же, в городских барах больше выбор, и меньше любопытных глаз. Там все привычны ко всему. А здесь кадеты пажеского корпуса, да ещё настолько милые, — очевидная новинка. Да ещё и в сопровождении целого генерала! И Браксар притащил Повелителя Тьмы сюда. Больше того, усадил за самый дальний столик, чем заслужил любопытные взгляды присутствовавших: мужчин и женщин без брони, без мундиров и ранговых знаков отличия — просто отдыхающих и расслабляющихся за стаканчиком крепкого. Один только оказавшийся здесь же капитан Тавис, хоть и оценил совершенно неожиданные для него вкусы своего командира, тактично сделал вид, что ничего не заметил, и спрятал ухмылочку в кружке.

Генерал, проигнорировав оказанное его персоне внимание, уселся напротив. Только сейчас он, наконец-то, внимательнее рассмотрел захваченного «языка». Хотя некоторые злословили, будто мундиром пажеского корпуса Император стыдливо прикрыл свои развращённые страсти — тающе-нежное тельце, которым утолял тёмные желания, Браксар в это не верил. Не верил, что его Повелитель мог обратить внимание на эту пускай нежную, но фиалку, у которой ничего, кроме симпатичного личика, больше не было. Перед генералом был просто паренёк, слуга, нужный для рядовых поручений. В конце концов, даже Император должен когда-то снимать свой доспех... Правда, мысль, что помогает Повелителю этот паж, а не кто-то куда более достойный, тоже не радовала.

Браксар мотнул головой — не только прогоняя лишние мысли, но и делая знак бармену. Через минуту на столике оказались два бокала. Император успел даже порадоваться этому факту, но, сунув нос в свой — тут же поднял полные негодования глаза на генерала.

В бокале плескался сок.

Между тем, Браксар потягивал очевидно пенное и вполне себе алкогольное тёмное пиво. И ему несказанно повезло, что Повелитель Тьмы не испепеляет одним только взглядом.

— Так, — выдохнул Браксар, приговорив первый бокал, и уже поджидая следующий, — Ты ведь не глупый парень, да? По глазам вижу. Расскажи, зачем Императору этот бунтовщик? Он говорил что-то о нём? А об Истриме? Обо мне говорил? Что Император думает? Мы ведь доставили ему Райвола. А?..

Повелитель Тьмы печально вздохнул, глядя в свой всё ещё полный бокал. Вот они, важные вопросы Браксара. Ему бы такие заботы.

Часть 14. Сопротивление I

В темницах Железной Цитадели не было сырости, или плесени. Здесь не пищали крысы, и пауки не плели по углам свои сети. Отсутствовала даже кривая каменная кладка, выбоины и выщербины которой создавали бы хоть какой-то потенциально-интересный для глаз узор. Только унылый серый монолит. Только давящий минимализм железного ящика, в который тебя заперли, быть может, до конца твоих дней.

Словно гроб, что самую малость больше стандартного

Не удивительно, что мало находилось желающих задержаться «в гостях у Императора».

— Вижу, ты устроился, — явившийся, чтобы навестить своего пленника Повелитель Тьмы заполнил своей грузной фигурой большую часть камеры. За его бронированными плечами кое-как уместились Истрим и Браксар.

— Кормёжка неплохая, — ответил Райвол, пытающийся как можно вольготнее расположиться на узкой койке. Он, конечно, мог бы и встать, чтобы приветствовать своего пленителя, но тогда ему пришлось бы буквально стоять на ногах Императора, упираясь лбом в мощную железную грудь, и дыша в непроницаемое железо. Винд посчитал, что в подобной позе едва ли удастся сохранить даже видимость непоколебленного достоинства, и не стал утруждаться.

— Я передам твой комплимент шеф-повару, — пообещал Император. — Но сперва — мы побеседуем.

Райвол лишь едва заметно пожал плечами. Не дождавшись иной реакции, Повелитель Тьмы продолжил:

— Не стоит относиться к происходящему пренебрежительно, Райвол. Помни, в моей власти погасить твою надежду.

— Не сомневаюсь, — за этими словами не скрывалось иронии, только сухое признание факта.

Император удовлетворённо кивнул: он разочаровался бы в своём пленнике, окажись тот чрезмерно самоуверенным упрямым, недооценивающим могущество Тьмы. Хотя строптивости Райволу, очевидно, было не занимать. Это был нрав настоящего, идейного воина Сопротивления. Именно на таких и держался весь этот жалкий бунт против Вечной Империи, искры которого постоянно отвлекали Императора от настоящего пожара — войны со Священным Союзом.

Но Повелитель всё равно попытался:

— Сопротивление не имеет смысла. Твоё, и ваше общее. Вечную Империю уже не остановить, так не лучше ли сойти с моего пути, и остаться в живых?

— По этому пути уже однажды пытались пройти, — голос Райвола окреп, в нём звучала искренняя вера. — Тысячу лет назад. Идя по стопам Суверена, ты идёшь к своей гибели.

— Предрассудки и самообман, — отмахнулся от предостережения Император. — Суверен мёртв, но я буду править этим миром. Вечно.

Пленник снова промолчал — ему нечего было возразить против этой мрачной самоуверенности Повелителя Тьмы. В конце концов, это не была пустая бравада: бесчисленные земли уже лежали в тени Вечного Трона, другие — пытались обороняться... Но только обороняться. Для наступления не хватало единства. Даже в рядах Священного Союза. Сопротивление пыталось изменить это, пыталось сплотить королей, но к принцессе

мало кто прислушался...

— Твой смертный приговор ещё не подписан, Винд Райвол, — голос Императора кинжалом скользнул в мысли пленника. — Почувствуй Тьму, что стучится в твоё сердце, и я спасу тебя...

В центре зала военного совета стоял огромный круглый стол. На его бронзовой поверхности искусным литьём и тонкой чеканкой воспроизводилась в деталях масштабная карта мира. Фигурки и флажки на ней отражали военную ситуацию в Империи и на фронтах. Тех, что отмечали вражеские силы, стало даже чуть меньше, чем помнил Император. На западе, с присоединением Герцогства Аскарилского, дела шли всё веселее. А вот «потенциально-враждебных» отметок, напротив, прибавилось. Преимущественно — на севере, как раз там, где развлекались недавно Истрим и Браксар. Теперь вместо того, чтобы перебрасывать свободные силы с запада на юг, где можно пожить за счёт раздирающей регион смуты, требовалось двигаться в ином направлении.

Впрочем, Император не был разочарован этим: рано или поздно, и север, и юг неизбежно окажутся под его властью. Это лишь вопрос времени. И всё же, на севере политическая ситуация была куда менее подходящей для начала действий. А значит, требовалось указать виновным на эту оплошность, которая могла стоить Империи ценных ресурсов:

— Не слишком-то гордитесь своим достижением. Поимка единственного мятежника — ничто в масштабах стоящих перед нами задач, — дал свою мрачную оценку успехам слуг Повелитель Тьмы. — Соппротивление всё ещё живо. И война со Священным Союзом, — руке в чёрной перчатке указала на тактический стол, — продолжается. Больше того, ваша возня в Роркорсейте вызвала брожение во всём северном регионе. Мне не хотелось бы слышать о переговорах тамошних государств с «союзниками». Пока не будет завершено «Копьё Тьмы», это угроза. Мне стоило бы примерно наказать вас за это.

— Да, Повелитель, — Истрим и Браксар одновременно припали на колени перед Императором, покорно склоняя головы под удар всемогущей длани.

— Встаньте, — Император не смягчился, просто мысли его были обращены к нуждам Империи, и ему было не до воспитания своих провинившихся подчинённых. — У нас всё ещё есть дела. Сейчас я убеждён — за Райволом последуют его друзья. Они явятся, чтобы освободить его. Мы должны воспользоваться этим.

— Мы захватим любого, кто посмеет нарушить границы вашей Цитадели, Повелитель, — с готовностью заявил Браксар.

— Не сомневаюсь, генерал. Но я хочу, чтобы вы дали им уйти.

— Мой Император? — для Истрима и Браксара это удивление стало общим.

— Да, уйти, — подтвердил Повелитель. — Мы позволим нашим маленьким мятежникам проникнуть в Цитадель и освободить Райвола. А затем — отпустим, чтобы проследить за ними до укрытия Соппротивления, и захватить вождей этого никчёмного мятежа.

— Мой Повелитель, — осмелился возразить Истрим, — не лучше ли тайно казнить Райвола? Мятежники, не зная этого, всё равно явятся за ним, и всё пройдет по плану. Только опасный бунтовщик больше никогда не помешает нам.

— Лорд Истрим прав, Повелитель, — неожиданно поддержал апофикара генерал. —

Райвол опасен. Он нарушил работу Имперской горнодобывающей компании, уничтожил важнейшую литейную мануфактуру, поставил под угрозу исполнение «Копья Тьмы», и покушался на вашу жизнь!..

Даже если в генерале и апофикаре говорила только слепая ревность, они всё равно были правы. Оставлять Райвола в живых опасно. Не для Императора — ему он навредить не мог. Для Вечной Империи. Пока жив этот бунтовщик — не угаснут шансы новых потерь и задержек. Но Повелитель Тьмы всё равно колебался. Возможно, это сказывалась ещё не прошедшая слабость после ментальной схватки с Синодом. Но, быть может, имелось и что-то иное. Отважный мятежник импонировал Императору — именно таких людей, таких героев он хотел видеть на стороне своей Империи:

— Я обещал ему время на размышления...

— Мой Император, — Истрим не отступил, — это заядлый мятежник, он не примет ваше предложение, каким бы щедрым оно ни было.

— Даже если примет — предателям нет веры, — не отставал Браксар.

И Повелитель Тьмы уступил:

— Да будет так.

У него действительно не было поводов оставлять Райволу жизнь. Ради сохранности Вечной Империи Соппротивление следовало вычистить под корень.

— Лорд Гроуввейер...

На призыв Императора к тактическому столу подошёл ещё один человек: высокий молодой мужчина в пепельно-сером с золотом мундире. Волосы его были цвета воронова крыла, виски выбриты в соответствии с последней модой, а подбородок обрамлён аккуратной бородкой. Впрочем, куда более яркой особенностью наместника Императорского тронного города была закрывающая левый глаз повязка.

— Мой Император, — наместник склонил голову, приветствуя Повелителя. Взгляд его единственного глаза, янтарно-золотого, горящего, даже не коснулся стоявших рядом Истрима и Браксара. Всё внимание предназначалось Повелителю Тьмы.

— Я жду гостей, наместник, — сразу приступил к делу Император. — Убедитесь, что ваши солдаты смогут препроводить их сюда... в некоторой сохранности.

— Будет сделано, Повелитель.

С одной из верхних террас Цитадели Император наблюдал, как окрашивается рыжими отблесками запад столицы. словно невидимый художник-гигант кистью набрасывал на глыбы арсеналов и шпили дворцов щедрые мазки своей авангардной картины...

Это был не закат.

Это пылали склады, подожжённые, без сомнения, агентами Соппротивления. Грубый, но действенный отвлекающий манёвр, чтобы Винд Райвол получил свой хрупкий шанс на спасение. Стало быть, мятежники уже проникли в Цитадель, или находились на подступах к ней.

Раньше, чем ждал Император. Но всё равно — бессмысленно. Если план исполнен, Райвол мёртв, и никакая сила не способна вернуть его к жизни. Даже сам Повелитель Тьмы.

— Мой Император...

Удивляться появлению лейтенанта Доэра не приходилось. Это было предсказуемо. И многозначительно. Раз командование отправило к нему оруженосца, значит — что-то пошло

вопреки задуманному. Настолько, что есть повод опасаться императорского гнева.

Император молчал, и лейтенанту пришлось продолжить:

— Винд Райвол, Повелитель. Предатель в рядах офицеров имперской безопасности помог ему сбежать. Они ещё в Цитадели. Прямо сейчас их ищут и...

— А что с охранным периметром?

— Донесений о нарушениях не было, Повелитель.

— Благодарю, лейтенант. Доложите лорду Гроуввейеру, что я жду результат.

Доэр поспешил убраться, а Император остался. Ветер трепал его длинный пурпурный плащ, но он не замечал этого, обратившись к иным чувствам. С помощью подвластных тёмных сил он оглядывал Тронный город. Здесь всё подчинялось ему, тянулось к нему, говорило с ним. Столица не просто была возведена с нуля, в самом её генеральном плане лежала колдовская печать невероятной силы. Улицы слагались в контроль-заклинания, трубы коллекторов и глубоких шахт служили венами, по которым пульсировали потоки незримой энергии, а во главе всего стояла Железная Цитадель — огромный, несокрушимый в своей бронированной оболочке голем-мозг, насквозь пропитанный миазмами первородной Тьмы. Не город, а живой механизм, огромный маго-мех, куда более сложный и совершенный, чем «Мантикоры», или даже «Гаргульи».

Это был резервуар, если угодно. Не просто накапливающий, но перегоняющий и концентрирующий тёмную энергию... Миллионное население Города накачивало его своими эмоциями, страстями, желаниями. И амбициями. Прежде всего — амбициями. Мрачными и тягучими, пряно-сладкими.

Власть и влияние, богатство и сила. Золотая мечта Вечной Империи!

Отсюда, как из чаши, Император мог вкусить бодрящего могущества. И мог сам наполнить сосуд: вскрыв метафизическую вену, откупорив кровь-силу, вплести в «напиток» новую терпкую ноту вкуса.

Причастие для подданных Вечного Трона — ласкающий удар хлыста, подстёгивающий разум. Отчасти — отсюда тот энтузиазм, с которым солдаты Императора шли за ним на великую войну. За ними стояла чужая непреклонная воля. Не только она, разумеется, но с нею куда проще чувствовать себя спокойными: не нужно стоять за свою точку зрения, не нужно думать об ответственности... Только встань под ярмо Вечного Трона, только крикни — «Слава Вечной Империи!», и мысль очистится. Появится смысл — движение, в котором вырываешься за опостылевшие тесные рамки обыденности. Война... И пьянящее чувство победы — награда, что шепнёт тебе ласково и страстно: «ты сделал верный выбор».

Просто выполняй приказ.

Просто служи своему Императору.

Шёпот Города донёс до Императора эхо недалёкого взрыва — рябь высвободившегося колдовского заряда, прежде заточённого в тесной кристаллической оболочке. Это мятежники, явившиеся за Райволом, завязали бой с отрядом имперских солдат. Воспользовавшись сумятицей пожара, они планировали проникнуть в Железную Цитадель под прикрытием трофейной армейской брони, за которую и вспыхнула первая схватка.

Сам Винд Райвол должен был спешить им на встречу...

— Мы, кажется, не договорили, — раздался знакомый голос за спиной Повелителя Тьмы.

— Они прорвались в личную зону Императора! Нас казнят за это! — кричал имперский офицер, ответственный за оборону зоны повышенной имперской безопасности Железной Цитадели. Это, однако, уже мало что могло переменить.

Вопреки всем планам, Соппротивление не просто пришло за Виндом Райволом, но привело в действие давно разработанный план атаки на цитадель Императора. Агенты бунтовщиков, пользуясь самомнением имперской охраны, не способной даже представить, что под самым её длинным носом могут твориться действительно серьёзные дела, заложили мощный фундамент для достижения своей цели — уничтожения Вечной Империи!

За поджогом западных складов — за условным сигналом — последовали выступления вооружённых ячеек Соппротивления, которые, внезапно, встретились с ослабленными по плану и приказу самого Императора патрулями имперских солдат. Разыгрывать спектакль не потребовалось — силы обороны терпели настоящее поражение и отступали под прикрытие бастионов, где к подобному повороту событий оказались не готовы. Стражи Императорского оплота считали, что должны изображать препятствие побегу изнутри, а выяснилось, что необходимо отражать реальную угрозу извне.

— Нонсенс, — безапелляционно заявил лорд Гроуввейер, услышав просьбу призвать подкрепления из внешних гарнизонов имперской столицы, — Может быть, нам задействовать ещё и кадетов военной академии и пажеского корпуса? Это Цитадель самого Императора, а не захолустный форт — подавите сопротивление. Немедленно.

Вестовой, отсалютовав, поспешил скрыться, чтобы передать приказ на внезапно образовавшуюся в самом сердце Вечной Империи передовую.

— Возможно, следует доложить Императору? — робко предложил один из штабных аналитиков.

— Мы доложим Императору только о полной победе, — пресёк не просто глупое, но смертельно-опасное предложение офицера генерал Браксар. — Я сейчас же выведу в бой своих рыцарей.

— Нет! — Гроуввейер был настроен решительно. — Вы со своими «Гаргульями» разрушите всю столицу. Пока я наместник Имперского руководящего сектора, я не позволю этому произойти.

— Возможно, вам не долго осталось быть наместником, — внёс свою лепту в общий спор лорд Истрим. — Мы просто должны выпустить Тварей — их создали для этого.

— Ваши Твари пожрут солдат, лорд Истрим. Они неуправляемы.

— Вы предлагаете просто наблюдать, как мятежники штурмуют Цитадель?

— Я считаю, — взял себя в руки Гроуввейер, — мы должны справиться без крайних мер. Отдать приказ об их запуске всё равно может только Император. В конце концов, мятежников меньше. Мы раздавим их!

Словно опровергая слова наместника, Цитадель пусть едва ощутимо, но совершенно неожиданно вздрогнула — где-то на бастионах прогремел взрыв. Лорд Истрим только нервно усмехнулся.

— Я не понимаю, как им удалось протащить в Город оружие и людей? — Гроуввейер был потрясён так, словно взрыв грянул не где-то далеко, а прямо у него под ногами.

— Это вопрос к исполнителям имперских заказов на поставки, — к совету присоединилась лейди Нейт, выдернутая охраной из своей канцелярии почти насильно, и доставленная в безопасность центра управления. — Очевидно, наследие старых королевств. Нам следовало уничтожить и создать всё с нуля, а не перенимать существовавшее прежде.

Нас опутали нити связей старого мира, против которого мы как раз и боремся. Не удивляет, что нас предали.

— Удивляет, почему мы оказались к этому не готовы, — укол лорда Истрима был направлен против Гроуввейера, который в качестве наместника отвечал за безопасность столицы.

Впрочем, не только Гроуввейер был ослеплён верой в несокрушимость и неуязвимость Тронного города — эту опасную слепоту разделяло всё имперское командование, начиная с самого Императора.

— Мы собираемся что-то делать с мятежниками? — генерал Браксар испытывал почти физическую боль, не имея возможности броситься в бой и собственными руками изрубить восставших.

— Разумеется! — в один голос ответили Нейт, Гроуввейер и Истрим.

Часть 15. Сопротивление II

Ситуация вокруг Железной Цитадели быстро ухудшалась. Чтобы понять это, больше не требовалось обращаться к тёмным силам, концентрировать волю и направлять сознание к возведённой за гранью осязаемого мира супер-конструкции Тронного города. Хаос битвы рос, открывая обычному глазу своё неприглядное, полное крови и боли нутро.

Восстание охватывало столицу.

Злость Императора, закручиваясь тугим пульсирующим протуберанцем, возрастала до небес, превращалась в спрессованную ярость, и стремительно обрушивалась каменной лавиной на его собственные плечи.

Разгоняя военную машину Империи, он гнал её к назначенной цели, считая незначительными те камни, что разбросаны на его пути. Сейчас эти камни стали горой, павшей на него по непостижимой воле рока — груз ошибок самонадеянного слепца.

Это он, отдав себя расширению имперских рубежей, снова, как в инциденте в горнодобывающей зоне, позволил ситуации под самым носом накалиться и выйти из-под контроля. Это он позволил мятежникам подобраться ближе дозволенного. Это он, изготовив совершенно орудие предотвращения, отложил его в сторону.

Зачем создавать нечто столь грандиозное, как Город вокруг, и не использовать это? Позабыл, что инструмент имеет силу единственно в руках мастера? Меч, брошенный на верстаке, не рубит врага — он пылится, забытый, бесполезный. Никто не оценит остроту лезвия, баланс и изящество линий. Они проявляются лишь в делах.

Впрочем, в отблесках занимающихся пожаров было поздно прозревать детали пройденного пути. Возможно, Император просто устал. Измотался. Привязывая к пальцам нити всех важнейших дел своей Империи, всех её битв и осад, всех войн, он мнил себя кукловодом, а оказался марионеткой событий.

И вот — вызрели горькие плоды. Сопротивление. И Повелитель Тьмы знал, что сделает.

Он не позволит этим плодам пасть на возделанную им землю Вечной Империи. Не позволит прорасти семенам свободомыслия. Это бремя, бремя свободы, он примет единолично, как принял корону Вечной Империи.

И Вечный Трон останется непоколебим.

Миг пронёсся — Император повернулся к своему бывшему пленнику и гостю.

— Пройдёшь по пути Суверена до конца, верно? — вклинился в мрачные размышления Императора Райвол, кивая в сторону пылающей столицы. — Ты всего лишь человек в грозной броне. Ты не предвидел и не предотвратил всё это. И ты не предотвратишь свою гибель. Сегодня — час настал.

— Ну попробуй...

Ударили фиолетовые молнии — ослепительно-чистая ярость, клокотавшая под чёрной бронёй, как в котле, и нашедшая, наконец-то, выход.

— Вы — лишь всплывший на поверхность гной, — густой бас Императора перекрывал даже рёв поднятого им колдовского шторма.

С оглушительным грохотом молнии разодрали листы металла и превратили в крошку и пыль бетонную толщу террасы. Там, где секунду назад стоял Винд Райвол, дымился

зияющий провал. Но сам мятежник уцелел. Оттолкнувшись мощными, натренированными ногами от пола, он нырнул в сторону, отделавшись ударами бетонной дробы в спину.

— Я избавлюсь от всего вашего жалкого Сопротивления, — гремел ему в след голос Императора. — И те, кто решат оплакать вас, лишатся глаз.

Терраса снова содрогнулась, когда очередная секция превратилась под натиском тёмной мощи в ливень мелких обломков. Несколько тяжёлых блоков с треском оторвались от конструкции и рухнули вниз, с грохотом ударяясь и разбивая мелкие шпили и арки. Часть обломков грянули на своды тронной базилики.

Император не обратил внимания на эти разрушения. Поток молний с его рук теперь не прекращался, упорно преследуя мечущегося вокруг Райвола, которого от неминуемой смерти спасало только невероятно везение и огромная ловкость. Он ухитрялся найти опору даже на самых расшатанных элементах разваливающейся под давлением Тьмы террасы, в тот же миг намечал следующую точку, и уверенно прыгал к ней.

Раздражённый неуловимостью цели, Император только наращивал мощь выпущенного на волю шторма. Похожие на змей молнии закручивались в спирали, растекались во все стороны и сплетались в хитроумную смертоносную паутину, в центре которой возвышался сам Повелитель Тьмы. Некоторые из выпущенных им зарядов ударили в него же, но растекались по броне, не нанося видимого вреда.

Доспех амортизировал урон, замыкая проходящую сквозь него силу в разрушительное по своей сути кольцо Тьмы, разорвать которое было уже не так-то просто.

Даже для Императора.

— Лорд Гроуввейер, силы Цитадели перешли от обороны к наступлению. Очаги восстания локализованы, и мы готовы приступить к зачистке. Мы уже отесняем восставших от подступов.

— Наконец-то, — наместник торжествуя обратился к присутствующим членам командования. — Видите, нам не нужны ни ваши «Гаргульи», генерал, ни ваши Твари, лорд Истрим. Мой гарнизон способен справиться с любой задачей.

— Приказ Императора заключался в ином, — напомнил наместнику апофикар.

— Ситуация изменилась, — жёстко возразил Гроуввейер. — Я уверен, Император поймёт это. Где лейтенант Доэр? Пусть доложит Повелителю, что ситуация полностью под нашим контролем. Сопротивление будет раздавлено. Где сейчас Император?

— Западная терраса арочного шпиля...

Гроуввейер кивнул: стало быть, Повелитель имел возможность наблюдать практически весь ход «битвы». К тому же, на его стороне были мистические тёмные силы, открывающие особый взгляд на вещи... Это могло стать проблемой. Наместник неосознанно потёр шею — воротничок мундира вдруг стал ему нестерпимо тесен.

— ...и он вступил в бой с Виндом Райволом, — закончил доклад офицер.

— Что? — к подобному повороту наместник готов не был: предполагался побег мятежника, а не покушение на Императора!

— Мы должны помочь Повелителю! — вскинулся Браксар.

— Вы в своём уме, генерал? — Гроуввейер, всё же, считал себя человеком здравомыслящим, и никак не мог согласиться с предложением излишне импульсивного Браксара. — Мы не станем вмешиваться в личную дуэль Императора. Это самоубийство!

— Это предательство! — парировал генерал.

— Что?

— Успокойтесь, — вклинилась леди Нейт, желая погасить ненужное в сложившейся обстановке противостояние двух упрямых лбов. — Наш Император непобедим. Наверняка, он уже расправился с Райволом. И мы должны продемонстрировать Повелителю наше единство и способность действовать.

— Леди Нейт права, — поддержал многоопытного имперского канцлера Истрим. — Сейчас важно скорейшим образом восстановить порядок. Император уничтожит Райвола, а мы — пришедшее за ним Соппротивление.

Наконец-то, в зале военного совета восстановился некоторый порядок: хотя высшее имперское командование всё ещё поглядывало друг на друга с упрямым блеском в глазах, каждый признавал необходимость сохранения единства в принятии решений. Только так военная машина Вечной Империи могла действовать. Однако...

— Лорд Гроуввейер, — с докладом явился новый вестовой, — послание от виконта Вердлема Серафа.

— Что этому синодскому выкидышу нужно? — наместник, по долгу службы часто сталкивавшийся с надменным чародеем, не испытывал к нему ни малейших тёплых чувств. Скорее, Сераф был огромной и весьма болезненной занозой в его заднице.

— Он требует, чтобы Империя немедленно выделила отряд для защиты его дворца от нападения.

— Немедленно? Требует? — Гроуввейер не сдержал смешка: подобная наглость была вполне в духе виконта.

— Так точно. Он утверждает, что на помощь восставшим выступили преступные элементы столицы, и что сам он подвергся их нападению.

— Взгляни в лицо смерти, Райвол! Сегодня наступит твой конец, завтра — конец Соппротивления. И конец Союза тоже. Ваше жалкое выступление ничего не даст. Ваши призывы никто не услышит. Их заглушит гром Империи на марше!

Молнии уже не срывались с пальцев Императора — он целиком был охвачен бушующим штормом, и каждая частица чёрной брони исторгала из себя фиолетовые смертоносные разряды. Тот, что с яростной силой вырвался из груди Повелителя Тьмы, ударил в стену. Из разверзшегося пролома повалили искры и дым. Грандиозный шпиль-арка содрогнулся, и один из тяжёлых, как бы охваченных выкованными из железа лепестками пламени пинаклей, завалившись на бок, рухнул, попутно разбив поддерживающий террасу аркбутан.

Испещрённый выбоинами и провалами пол из пластов бетона и листового железа пошёл волнами. Вся конструкция страшно застонала — это рвались её бронированные связки и сцепления. Следом обрушилась почти вся терраса. Падая, она ломала на своём пути расположенные ниже ребристые башенки, балконы и рёбра контрфорсов...

То, что уцелело, едва ли могло вызывать доверие. Но Император сделал шаг. Жалкая, искорёженная балка под его ногами прогнулась, но Повелитель Тьмы не обратил на это внимания. Впереди Винд Райвол отчаянно цеплялся за выступающие из стены железные рёбра орнамента — переплетение прямых и дугообразных линий, выведенных будто строго по линейке и циркулю.

— Вот и всё, Райвол, — мрачно заключил Император. — Вот и всё...

Молнии бились вокруг, но Винд оставался ещё невредим — только самые маленькие из фиолетовых «змеек» кусали его тело, оставляя на коже алые раны-«укусы». Но он держался. Император был совсем рядом. Рука в железной бронированной перчатке протянулась вперёд, и хищные когти приготовились сомкнуться на шее мятежника, чтобы сдавить её в неумолимых тисках. Сломать. Лишить жизни.

С глухим треском балки под ногами Императора рухнули, разбитые в дребезги почти вышедшей из-под контроля тёмной силой шторма. Чёрная фигура смерти воплотилась, и пала.

Беззвучно.

Последовал удар. Император тяжело приземлился на уцелевший, едва держащийся остов аркбутана, когда-то подпиравшего ныне не существующую террасу. Буря не прекращалась.

Райвол не раздумывал ни секунды. Разжав пальцы, оттолкнувшись от стены, он прыгнул. Мгновение падения, и сапоги мятежника с силой врезались в грудь Императора. Молнии пробили Винда, охватили тело, сковав узами невыносимой боли. Но сквозь собственный истошный крик он услышал, как хрустнули, обваливаясь, фрагменты аркбутана.

Император и мятежник рухнули вниз. Вместе.

Вокруг, громяхая о стены Железной Цитадели, сталкиваясь друг с другом и разбиваясь в крошку, неслись глыбы цемента и железа.

Удар.

Усиленные своды великой базилики, дрогнув, не выдержали. Лопнули бронированные нервюры, и сводчатые потолки, обломки башни-арки и террасы провалились в тронный зал.

Следом пал Император.

Охваченный тёмным штормом, он упал на острые глыбы. Удар пришёлся прямо меж лопаток, и оказался такой силы, что ослабленный Доспех не выдержал. Волокна льдистого мрака, истончённые в ментальной схватке с Синодом, натянутые до предела, ежесекундно проводящие сквозь себя разряды невероятной мощи, пошли рябью...

Тронный зал утонул в яркой вспышке ослепительно белого света.

Свет волной прокатился по Железной Цитадели: от тронной базилики к нагромождениям чертогов, башен и соборов, к бастионам и твердыням, редюитам и фортам. Только вырвавшись в Город, он ослаб, и... рассеялся, не оставив по себе ни следа.

Только всеобщее замешательство.

Но Повелитель Тьмы не знал об этом. Не видел. Заключавшая своего возлюбленного в объятиях Тьма вдруг изменилась. Её касания стали жестокими, грубыми, и незримые руки, схватив, вырвали его из кожи...

Из Доспеха.

Отброшенный, он, кувыркаясь, пролетел по полу далеко в сторону. Обломки бетона и металла, каменная крошка больно ударяли и кололи его, нещадно обдирая кожу. Настоящую кожу — тонкую и болезненно бледную. Та, что была спрессована из льдистого мрака, осталась лежать, где пала — неподвижной горой колдовского металла на клыках бетонных глыб.

Бой завершился. Мятежники отступили, прикрытые подоспевшими на помощь бандами

имперской столицы. Пользуясь хорошо известными им ходами и лазейками, они ускользнули, оставив имперцам разбираться с последствиями. Пожары ещё полыхали, и можно было наблюдать, как на фоне чёрно-багрового неба оседает силуэт огромного шпиля. Это рушился дворец виконта Вердлема Серафа. Отовсюду из разваливающейся громады вырывались жуткие протуберанцы потусторонне-синего пламени. Должно быть, это гибли в общем хаосе бесценные тысячелетние альдарийские и иные артефакты, насквозь пропитанные магией...

Но мало кого в Железной Цитадели сейчас это волновало. В бою оплот Императора практически не пострадал, но разрушения всё-таки были ужасны. Но самым потрясающим было, что затронули они те части Цитадели, к которым мятежники не смогли даже подобраться.

Это было невероятным.

Собравшись в главной базилике, имперское командование с ужасом и трепетом оглядывало царящий вокруг хаос. Полное разрушение, в котором только чудом уцелел Вечный Трон. Впрочем, он мог стинуть, этот надменный символ. Потерю с лёгкостью восполнили бы в кратчайшие сроки. В отличие от ущерба, которым грозила Империи истинная рана, зиявшая теперь у подножия высокого престола.

Странно говорить такое о Доспехе, но он был бледен. Перед взвинчено-нервным, не находящим себе места имперским командованием лежал не прорыв в мироздании, поглощавший весь свет, а простая груда неподъёмного воронёного железа.

Безжизненная.

— Он не мог умереть, — леди Нейт с трудом стояла на ногах, левая ладонь её судорожно дрожала, а взгляд блуждал по залу, отказываясь обращаться к неподвижному телу.

Рядом стояли Гроуввейер и Браксар с группой старших офицеров и гвардейцев. Все они выглядели не лучше. Только Истрима, казалось, совсем не волновал распластавшийся на обломках доспех. Апофикар хаотично метался по тронному залу, будто выискивал что-то. Но не находил.

Часть 16. После битвы

Приходить в себя было больно. Во-первых — свет рубанул по глазам, стоило только попытаться приоткрыть их. Пришлось сразу крепко зажмуриться. Во-вторых — словно тысяча игл вонзилась в мозг: это хлынул в него поток истошных воплей от всех без исключения нервных окончаний — на теле живого места не осталось. Ссадины, раны, ушибы... тёмные силы, может, и не дали ему умереть, но исцелить не могли. Пожалуй, сейчас они даже делали хуже: тянули из без того измученной плоти последние соки. То, что могло быть физической силой, худо-бедно развитыми, выстрадавшими долгими часами тренировок мышцами, безжалостно перегонялось в жизненную энергию, из которой незримые пальцы Тьмы пряли тончайшие нити, идущие на восстановление повреждённого сознания.

Для предвечного льдистого мрака разум Повелителя Тьмы превыше всего телесного в нём. Здесь любые средства хороши. И даже если тело зачахнет — разум мог быть сохранён. Мог продолжать жить... заточённый в пустом Доспехе.

К счастью, тело уцелело, хоть и было изрядно помято. А ещё — его так нещадно трясло и укачивало, что желудок норовил вывернуться наизнанку. Благо, он давно пустовал, иначе неизбежно познакомил со своим содержимым маячащее перед глазами бедро Винда Райвола. Именно в его крепких руках совершал путешествие через неизвестность Повелитель Тьмы.

Мятежники, очевидно, успешно покинули Тронный город, и теперь торопились убраться подальше, пока имперская армия не настигла их. Императору стоило только отдать приказ, и от беглецов не осталось бы ничего...

Вот только — мысль была неожиданна и неприятна — Императора больше не было. Император — это сверхъестественный союз колдовского Доспеха и избранного Тьмой разума. Сейчас эти две нераздельные и неслиянные части неуклонно расходились. Первая, вероятно, осталась лежать в разрушенном тронном зале, вторую уносили бунтовщики...

Вероятно, в логово Сопротивления.

Повелитель Тьмы не стал оповещать невольных пленителей о своём пробуждении. Хотя трястись под изрядно взмокшей мышкой Винда Райвола было тем ещё сомнительным удовольствием, здесь скрывались и некоторые возможности. Не прямо «здесь», конечно, не под мышкой отважного сопротивленца, а в ситуации в целом. Ради этого можно потерпеть бьющий в нос запах пота... Если принюхаться (разумеется — невольно!), к нему примешивался ещё и запах крови, стали и палёной плоти. Райвол, очевидно, отделался далеко не испугом — встреча с Императором и пережитое разрушения Железной Цитадели оставили на нём свой тягостный след.

И всё же, он продолжал резвый бег. Рядом с ним бежали и другие. Один из сопротивленцев, судя по звукам, приблизился:

— Зачем ты его-то с собой потащил? — хоть голос был грубый, в его тоне совсем не слышалось и не подразумевалось предложение бросить живой груз в первой же встречной канаве. Ничего такого, только любопытство.

— А ты не видишь? — это был уже другой мятежник, явно моложе первого, с игриво-юморными нотками в речи. — Он же миленький! Так почему нет? — даже по голосу было слышно, что говоривший широко улыбается. Не зубоскалит, а по-доброму смеётся над

соратником.

— Хватит, — это уже был Райвол, чуть заметно улыбающийся, спокойный — ни намёка на тот героический пафос, или вызов, к которым привык Император. — Не мог же я бросить его погибать под обвалом? Просто, раньше, чем я нашёл для него надёжное укрытие, нас заметили имперские солдаты.

— Да, — согласился первый сопротивленец, — Кто замечен в прогулках с мятежниками, тот у имперцев не в большом почёте. Правильно, что ты взял его, иначе парня казнили бы за измену, которую он не совершал...

— Теперь всё равно, что совершил, — ответил Райвол. — Теперь ему только с нами.

— Эй, кто твой миленький друг? — реплика предназначалась Райволу, а вот ослепительная улыбка и игривое подмигивание — исключительно Повелителю Тьмы.

Убравшись на изрядное расстояние от имперской столицы, группа Винда остановилась для краткого отдыха. Потрёпанные бойцы расположились на замшелых камнях старого замка. Здесь, посреди живописных руин одного из тех королевств, что смёл со своего пути Император, они соединились с другим крупным отрядом сопротивленцев. И вот — появился их лидер... чтобы самым вопиющим образом испытать терпение неведомо как затесавшегося в общество бунтовщиков миловидного имперского пажа с выразительными льдисто-серыми глазами.

— А имя у тебя есть? Я — Дэш Райдер, — последовала многозначительная пауза, чтобы Повелитель Тьмы, вероятно, успел проникнуться значительностью момента и всей радужностью открывающихся перед ним в новом знакомстве перспектив. Впрочем, с Райдером он был заочно знаком через Вердлема Серафа. В характеристике виконта рыжий ловелас рисовался, как обиженное чем-то на Оккультный Синод ничтожество с окраин.

Весомо, емко, и уничижительно — в стиле Серафа.

— ...Герой Сопротивления, кстати, — продолжал красоваться Райдер, как бы невзначай поигрывая мускулами, — которому этот неблагодарный засранец обязан своим спасением, — он мотнул головой в сторону сидящего рядом Райвола. — Если бы не я, так бы и сидел в имперской каталажке. Ну, и парни немного помогли, конечно.

Под «парнями», как видно, следовало понимать преступный сброд Тронного города. Лорд Гроуввейер допустил ошибку, считая, что с этими преступниками можно договориться, прикармливая их тайными жирными имперскими заказами. Их следовало испепелить, как предлагала леди Нейт, а у неё-то опыт общения с подобными личностями был огромный.

Но, увы, Повелителю Тьмы теперь оставалось лишь сожалеть, что этим подонкам позволили жить. Они же, в благодарность, сделали свой выбор, встав на сторону Сопротивления.

— Кстати, — Дэш будто вспомнил о чём-то совершенно незначительном. — Тебя можно поздравить, Райвол? Злобного моллюска больше нет. Только раковина осталась, да? Жаль, не прихватили — можно было на стену повесить, — и снова одарил Повелителя Тьмы обворожительным, полным нежности взглядом карих глаз. И подмигнул.

Ответом надоедливому мятежнику было холодное безразличие. Честно говоря, Повелителю Тьмы было совсем не до принятия ухаживаний (даже если он, внезапно, пожелал бы их принять, чего с ним никогда не случалось). Тёмные силы закончили колдовать над сознанием, ясность мыслей вернулась... чтобы он мог со всей холодной

рассудительностью оглянуться назад и признать: он — идиот.

Именно так.

Иначе не получалось объяснить, как агрессия взяла абсолютную власть над ним. Слепила. В результате, контроль над штормом гнева, который он сам же и выпустил на свободу, рухнул, как и своды Железной Цитадели, и схватка с Райволом обернулась катастрофой. Не будь Доспеха, Повелитель Тьмы мог сгинуть, став жертвой собственной разрушительной силы...

К счастью, долго раздумывать над этим печальным опытом было невозможно. Тьма хорошо постаралась: тело было иссушено, болело, стеноло. Физическая усталость каменной плитой давила на Повелителя Тьмы, прижимая к земле. Очень хотелось просто упасть на растущий под ногами мох, такой умиротворяюще-зелёный, такой мягкий, и уснуть. На недельку. Но только как-нибудь так, чтобы не задевать ни один синяк и ни одну рану на многострадальном теле.

И в животе ещё ощущалась взвешенная пустота!

Падая в мох, следовало бы подрасчитать всё так, чтобы приземлиться животом на какой-нибудь камень. Он сдавит живот, и голод можно будет перетерпеть...

Райдер, однако, явно истолковал молчание императорского пажа как-то по-своему: заулыбался шире и подсел ближе.

— Отстань, — махнул ему Винд. — Мы только что из заварушки, вообще-то. Не видишь?

Выглядел Райвол, стоило признать, и впрямь не лучшим образом: весь в синяках и ссадинах, всклокоченный, с неестественно красным лицом — явным последствием близкого контакта с губительными молниями Императора. Что уж там, даже одежда на нём была изодрана в клочья, которые, к тому же, покрывала плотная корка засохших грязи и крови.

Но Райдер, очевидно, не впечатлился. Закинув ногу на ногу, и как бы невзначай приобняв пажа за хрупкие плечи, он наставительно изрёк:

— Если ты не знал, я, вообще-то, лучшее лекарство от усталости. И скуки, — смотрел Дэш при этом прямо на Повелителя Тьмы, который практически кожей ощутил скользящий по телу хищный взгляд. Увы, повернуть подобное Райдеру было не сложно — одежда Повелителя Тьмы больше походила на кое-как прикрывающие его лоскуты чёрной ткани, чем на униформу пажеского корпуса. Даже от жёсткого воротничка ничего не осталось.

Рука Райдера вдруг очень ловко соскользнула с пажеских плеч, прошлась по спине, и успокоилась, лишь овив тонкую юношескую талию. Повелитель Тьмы вздрогнул, словно ужаленный.

— Не пугайся, — улыбнулся непомерно довольный собой мятежник. — Давай, я просто помогу обработать твои раны?

Как только императорскую базилику хоть немного расчистили от завалов, Вечный Трон задрапировали чёрным шёлком — в знак траура. Кроме того, было приказано начать немедленное восстановление разрушенного свода: никто не решился сдвинуть с места покоящийся на обломках Доспех, а значит — нельзя было позволить, чтобы через проломленную крышу его омывали дожди, словно павшего на поле брани безымянного и никому не нужного воина.

Вопрос о погребении Императора пока даже не поднимался.

Перед обезглавленным имперским командованием стояли совсем иные задачи. Нужно было уберечь Империю от распада. Мнения о том, как именно это сделать, разделились, и поэтому в зале совещаний было необычайно шумно.

— Император мёртв, и мы должны решить судьбу Империи. Пока ещё не поздно, — решительно заявил лорд Гроуввейер. За длинным ониксовым столом он занимал место по правую руку от пустующего императорского кресла.

— Чушь! Император не может умереть, — лицо Браксара было серым, глаза налились кровью, а голос звенел сталью: его сознание затуманивала жажда жестокой и кровавой мести за нанесённую рану.

— Мы все были там, у подножия Вечного Трона, генерал, — устало возразил наместник, потирая длинными пальцами переносицу: он уже не первый раз напоминал об этом Браксару, но тот всё никак не унимался.

— Истрим? — генерал повернулся к апофикару, ища поддержки.

— Наместник прав, генерал, — Истрим больше всего походил на надгробную статую самому себе: неподвижный, холодный и мрачный. — Сейчас мы должны думать, как сохранить дело Императора, раз жизнь его уберечь не смогли.

— Верно, — поддержала апофикара леди Нейт: на голове сестры Императора, казалось, прибавилось седых волос, будто возраст наконец взял своё. — Нельзя позволить Империи рухнуть.

— Но без Императора провинции начнут отваливаться одна за другой, — мрачно констатировал очевидный факт один из присутствующих на совете имперских военачальников.

— Прежде всего, необходимо обеспечить завершение проекта «Копьё Тьмы», — заявил другой. Его предложение вызвало новый виток яростных споров:

— Без Императора это просто куча металлолома. И бессмысленная трата ресурсов.

— Это оружие против Синода!

— Какой в нём смысл, если им нельзя воспользоваться?

— Они об этом не знают.

— Узнают. Все узнают, как только слух о гибели Императора разнесётся.

— Должен быть сформирован регентский совет, — брошенная кем-то фраза грянула, словно взрыв под самыми ногами совета.

— Для чего? Вы хотите избрать нового Императора? — Браксар от гнева даже привстал со своего места. Его огромные кулаки угрожающе упёрлись в ониксовую поверхность стола.

— Мы все здесь хотим спасти Вечную Империю, генерал! — решительно пресёк возможную бессмысленную склоку Гроуввейер. — Но для этого нам необходимо решить, каким мы видим её будущее!

— Сядьте, генерал, — спокойно обратилась к Браксару леди Нейт. — Сядьте. Это сейчас лишнее.

— Именно, — Гроуввейер благодарно кивнул сидящей прямо напротив него леди Нейт: её голос всегда был голосом разума. — Мы должны сохранять единство. Единство решений.

— Ради памяти Императора! — в голосе Истрима звучала траурная торжественность.

— Ради памяти Императора, — поддержали его присутствующие.

Часть 17. Лабиринты решений

Планируя свою столицу, Император не просто возводил город из железа и бетона. Он воплощал идею своей новой Империи. Вечной Империи. Икону, если угодно, в деталях отражающую суть и природу рождающегося всемирного порядка. Поэтому здесь должны были возникнуть не только арсеналы, твердыни бастионов и широкие плацы — отражение непобедимой военной мощи, но также дворцы новой, имперской знати — расчерченная в грандиозных и монументальных шпилях иерархия Вечной Империи.

Величественная задумка, и блестящее исполнение. Ещё и в кратчайшие сроки.

Принявшее роль свежее испечённой знати молодое имперское офицерство — его высший командный состав — заняло преподнесённые Повелителем Тьмы новопостроенные роскошные резиденции. Восторг, трепет и преклонение перед Императором наполнило сердца его благодетельствованных слуг. Только вот долго наслаждаться императорским подарком им не позволили... Повелитель Тьмы сам не терпел долгого безделья, и другим расслабляться не позволял. Чтобы приближённые, чьего присутствия подле своей фигуры Император мог потребовать в любой миг и час, не тратили время на дорогу от дома до «рабочего места», им выделили апартаменты непосредственно в Железной Цитадели. Увы, здесь их поджидало куда меньше простора и комфорта, а вот присущего владыке Вечного Трона холодного военного аскетизма было в избытке. Теперь «благороднейшие господа» оказались вынуждены ютиться в коморках, какие в их дворцах-шпилях не отводились даже слугам.

Зато Император, не терпящий долгих ожиданий, оказался доволен.

Так уж вышло, что апартаменты Истрима и Браксара располагались практически по соседству. Это, впрочем, не означало, что апофикар и генерал обменивались дружескими визитами. Напротив, такого не случалось... пока был жив Император.

Теперь же Истрим быстрым шагом преодолел хорошо известное расстояние до дверей Браксара, и ожидал, когда его соблаговолят принять. Генерал, однако, упорно не откликался. Существовала некоторая вероятность, что он валяется сейчас пьяный, в окружении опустошённых пивных бутылок, но апофикар искренне надеялся, что это не так. Ему требовалось поговорить с Браксаром, и для результативности разговора была весьма желательна вменяемость генерала.

Он и трезвый-то, на взгляд Истрима, мыслил туговато.

Так и не дождавшись ответа, апофикар круто развернулся на каблуках. Теперь он двигался в направлении места, о котором следовало подумать в первую очередь. Место это обычно именовали гвардейской конюшней, хотя термин, очевидно, был не самый подходящий.

Хотя бы по той причине, что коней там не наблюдалось с самого возведения Железной Цитадели.

Вместо красивых, благородных скакунов в условных «стойлах» громоздились ужасающие багрово-чёрные «Гаргульи». Император, очевидно, вложил в своё детище огромное количество усилий, но апофикар всё равно не мог заставить себя проявлять симпатию к этим обвешанным непробиваемой бронёй маго-мехам. Возможно, потому что сам предпочитал живых существ, пусть и немного подправленных алхимическими реагентами. Но, скорее всего, потому что поддержка этих махин в рабочем состоянии

требовала от Повелителя траты огромного количества магической энергии. Это неизбежно вредило ему, и с этим апофикар, чувствующий под ладонями хрупкое тело, его трепет и муки, смириться не мог.

Браксар нашёлся в одном из «стойл» — возился с «Гаргульей», словно готовился к боевому вылету.

— Что вы намереваетесь делать, генерал?

То ли апофикар подкрался беззвучно, то ли Браксар слишком глубоко ушёл в себя, в свою работу и мысли, но Истрим заметил, что генерал едва заметно вздрогнул. Совсем как человек, а не тупая гора мускулов, не знающая страха даже в самой кровавой битве.

— Не видно? — тихо буркнул недовольный Браксар. — Отправляюсь в погоню.

— За мятежниками?

— За Императором.

Истрим сокрушённо покачал головой, и длинные пепельные волосы, упав на лицо, скрыли боль в глазах. Боль в голосе скрыть было сложнее:

— Вы утратили здравый смысл, Браксар. Императора больше нет. Как бы тяжела ни была реальность, мы должны принять её, чтобы сохранить Его мечту о единой Вечной Империи. Мне казалось, все согласились с этим на совете. И вы — в том числе.

— Это у тебя нет смысла. И у совета, — огрызнулся генерал, наплевав на все приличия и этикеты. — Райвол не мог победить. Император не мог проиграть. Они оба живы. Найду Райвола — найду Императора.

Истрим даже позавидовал такому оптимизму генерала: сам он быстро утратил его. Когда они только прибежали в разрушенный тронный зал, увидели лежащий поверженным Доспех, он ещё надеялся... Но Императора, настоящего Императора из плоти и крови нигде не было.

— Райвол сгинул в колдовском шторме, — мрачно озвучил своим мысли Истрим. — Предполагать, что он уцелел, и, больше того, смог захватить в плен Императора... — апофикар не смог подобрать нужного слов. Вместо этого — резко развёл руками: несвойственная ему экспрессия сделала жест особенно выразительным. Но и полным отчаяния. Будто Истрим больше не находил сил сохранять образ человека из льда и стали, полностью лишённого эмоций.

Но Браксар всё равно не был убеждён, и продолжил возиться с «Гаргульей».

— Это будет бездарной тратой бесценного ресурса, — пустил в ход последний козырь Истрим. Он не собирался отступать: было ещё большим вопросом, кто из этих двоих в Империи первый по упрямству.

Генерал замер:

— О чём ты? — всё же, он засомневался.

— Забыл? — увидев, что подаётся, Истрим усилил нажим. — Сила Императора питает твоего «скакуна». Магия в его искусственных венах не бесконечна, со временем она истает, и что будет тогда? Кто восполнит её? — он помолчал, давая генералу время осмыслить услышанное. — Мы лишимся могущественного оружия, которое лучше сохранить на крайний случай.

— Что за случай? — теперь Браксар и впрямь задумался. Истрим практически слышал, как шевелятся малость заржавевшие, но всё же крепкие шестерёнки в его мозгу.

— Думаешь, без Императора Империя выстоит? Завтра мы увидим, как вчерашние «верные слуги» начнут раздирать на части то, что останется от неё.

— Останется?

— Именно, потому что «сегодня» начнутся восстания. И всё, что держалось волей Императора, отвалится. Мы не удержим завоеваний.

— Гроуввейер надеется... — возражение получилось неловким: всё же, Браксар относился к наместнику весьма безразлично, не видел в нём авторитет, и поэтому не мог всерьёз опираться на его мнение.

Тем более, что Истрим воспринял «аргумент» без энтузиазма:

— Гроуввейер первым кинется делить Империю, как только станет ясно, что единство не сохранить, — ответ звучал весьма убедительно, потому что апофикар искренне верил в свою правоту: для него наместник был просто жадным до славы, почестей и власти карьеристом. — Просто сейчас он ещё пытается собрать в своих руках чуть больше власти.

— Леди Нейт должна стать регентом.

— Леди Нейт не командует войсками. Зато у Гроуввейера есть гарнизоны дворца и столицы. И они прямо здесь.

Браксар помрачнел: спорить с апофикаром у него никогда не получалось. Зато у него оставалась вера в дело рук Императора:

— Ты не веришь в единство Империи, — слова прозвучали не как вопрос, а как обвинение.

— Я верю в амбиции людей, пока ещё служащих Империи, — пожалуй, Яд Императора мог позволить себе самую малость побыть материалистом. Особенно в споре мечтателем-идеалистом Браксаром, не способным заметить некоторых... изъянов в фигуре Императора, и всё, что было с ним связано. В конце концов, Истрим принимал и ценил даже эти черты Повелителя. Возможно, в этом помогало знание о том, кто скрывался под чёрным Доспехом — возможность окинуть взором образ целиком. И даже — коснуться его: провести ладонью по нежному локтю, или белому колену, почувствовать в своих руках хрупкие плечи и поюношески стройную талию... Не больше, увы, но и это — невероятно.

— И что ты предлагаешь? — обойдённый в споре со всех стороны генерал выглядел сконфужено. Как ребячёнок, проигравший со своей командой в дворовой войнушке.

— Я прошу тебя остаться. — Истрим подошёл совсем близко, и теперь мог во всех деталях прочувствовать запах стали, кожи и машинного масла, исходящий от генерала. — Вместе мы, возможно, повлияем на ситуацию.

— Власти захотел? — во взгляде Браксара вспыхнул гнев, он отшатнулся от апофикара, как отстранялся от любых дворцовых интриг, насквозь порочных и неприятных ему. Но вся красота жеста оказалась изрядно подпорчена, когда генерал вдруг упёрся спиной в широкий бронированный бок «Гаргульи». Лицо военачальника вмиг утратило прежнюю грозность, в глазах промелькнуло сперва удивление, затем — смущение, и снова — ярость.

Картина была восхитительна, но на этот раз Истрим не позволил себе даже лёгкой ухмылки:

— Только единства. — серьёзно ответил апофикар. — Так же, как ты, я не желаю видеть на Вечном Троне кого-либо, помимо нашего Императора.

— Ты же говоришь, он умер!

— Он живёт в нас, в нашей памяти, в нашем опыте. Мы призваны Им к службе! И через нас Он направит Империю. Даже из-за Грани.

Могучее тело Браксара, до этого напряжённое, будто готовое к бою, обмякло. Он тяжело вздохнул, и взглянул в глаза, которые терпеть не мог:

— Хорошо.

Альдариийская цивилизация возникла и исчезла задолго до времён Вечной Империи. Тысячу лет назад, когда Суверен завоёвывал мир, она уже была невероятно древней. И почти забытой. О минувшем великолепии и могуществе могли поведать разве что бесценные артефакты, напитанные так и не выветрившейся до конца магией. Даже спустя века таинственная энергия ещё пульсировала в этих редких сокровищах. Их увлечённым собирателем был, например, виконт Вердлем Сераф: в столичном дворце изысканного магистра-аристократа хранилась потрясающая коллекция, подобной которой не было в мире. Даже в сокровищницах Синода и Вечной Империи. Но оставались и другие памятники сгинувшей культуры.

Кое-где, под толстыми пластами земли и камня, таились запустелые руины.

Хайар-Килинаг обрёл вторую жизнь, впустив в свои нефритовые чертоги сопротивленцев, искавших надёжное укрытие от глаз имперских соглядатаев. Здесь восставшие утвердили свой штаб, и строили бессмысленные планы по свержению власти Императора.

— Мёртв Император, или нет, судить рано, — вещал генерал Айар Дани. В отличие от имперского высшего командного состава, сформированного из молодых и перспективных офицеров, этот полководец был в летах. Голову его украшала роскошная седая грива, и не менее выдающаяся белоснежная борода.

Он был даже слишком стар.

Император был молод, молодой была и его Империя, и, чтобы достигнуть успеха, ей нужна была молодая, горячая, быстро бегущая кровь. Поэтому в имперском штабе не было стариков — заостренелые, они не хотели меняться сами, а значит — не могли изменить и мир вокруг.

— ...Но мы всё равно должны действовать. — продолжал генерал Дани. — Быстрее и решительнее — это наш шанс...

Собственно, об этом был весь брифинг, до которого Повелитель Тьмы был допущен по непостижимой неосмотрительности сопротивленцев. Вообще, было удивительно, почему Хайар-Килинаг ещё не штурмуют имперские войска. С таким-то подходом к безопасности... Даже если в безобидно-миловидном паже невозможно угадать Императора, всё равно: оставлять все двери открытыми перед взятым в заложники представителем вражеской стороны как минимум — глупо. А как максимум — губительно. Им всем несказанно повезло, что тёмные силы Повелителя находились сейчас не в зените.

Правда, по всему выходило, что заложником его никто не считал, в карцер бросать не собирався, не готовил пыток и не планировал устроить допрос с пристрастием. Если только не считать за два последних пункта настойчивые попытки Дэша Райдера «навести мосты». Последняя фразочка — слова самого неугомонного мятежника.

Способствовать этому, согласно его плану, должна была обстановка, в которой они прозвучали.

Та ещё обстановка...

Ещё глубже в землю, под залами Хайар-Килинаг, залегала обширная сеть пещер: больших и малых, сухих и мшистых, заполненных пением капли и утонувших в безмолвном мраке. Но всех их заслонял нерукотворными величием и красотой «хрустальный чертог»

— со своими сверкающими столпами колоссальных хрустальных сталагнатов, эта тянущаяся в темноту пещера напоминала гипостильный зал древнего святилища. Только вместо мраморных плит пола здесь таинственно мерцала гладь подземного озера. В торжественно-царящей тишине казалось, будто вот-вот вынырнет из непроглядной неведомой глубины фигура древнего божества, укрывшегося там от позабывших его людей...

На фоне такой необъятной природной монументальности одинокая хрупкая фигурка выглядела незначительной. Казалось, она и сама это чувствует — лишь на миг блеснув белоснежной наготой упругих ягодич, стыдливо скрылась. Только рябь разбежалась по озёрной глади.

Вода была холодна и чиста. Повелитель Тьмы с удовольствием окунулся в её бодрящие объятия, смывая с тела грязь и кровь, а с ними — саму усталость. Холод его не беспокоил — в сравнении с касаниями предвечного льдистого мрака, он был ничем, и лишь самую малость покусывал там, где кожа была особенно нежной.

Активно работая руками и ногами, Повелитель Тьмы взял курс на самый дальний угол пещеры. Он нарочно выбрал его, чтобы никто не мог нарушить желанное уединение...

И всё равно оказался выслежен.

Когда Дэш Райдер вдруг вынырнул из воды буквально между ног Повелителя Тьмы, последний не сдержал возгласа удивления. Звонкое эхо ещё долго металось под сводами «хрустального чертога», вгоняя грозного владыку в краску. Повелителю Тьмы подобные возгласы были не к лицу, и слышимое доказательство собственной уязвимости рождало в душе разгоняющую кровь ярость. Но нахальный мятежник истолковал румянец на пажеском лице по-своему, как смущение, и был весьма доволен произведённым эффектом. Кружа вокруг, он то и дело выныривал из воды, «невзначай» демонстрируя то крепкие руки, то рельефную грудь. Влажные, они интимно поблёскивали в тусклом свете переливающихся внутренней энергией хрустальных колонн. На лице Райдера цвела довольная улыбка. Пару раз он оказался настолько близко, что колол щетиной плечи Повелителя.

— Ты не замёрз? — мятежник откровенно наслаждался ситуацией. — Вода довольно холодная.

Ответом ему было молчание. Больше того, Повелитель ещё и опустился глубже в воду, так, что над поверхностью остались только вечно лохматая макушка и сверкающие глаза.

— Ну же, не будь таким злым имперцем, — изобразил ранение в самое сердце Райдер. — Скажи что-нибудь. У тебя такой милый голос.

И снова — тишина вместо ответа. Но решение оказалось не без изъяна. Вместо отступления от достижимой цели, Райдер просто сменил тактику. Нырнув, он исчез. Не было его почти минуту. Повелитель даже почти поверил, что нахальный мятежник уплыл... Но в это самое мгновение вырвавшаяся из глубин сила подхватила его, и на своих плечах вытолкнула из воды. От неожиданности Повелитель Тьмы схватился за первое, что подвернулось под руки. Это оказалась голова Райдера, которую он, к тому же, плотно зажал между бёдер.

И снова под сводами пещеры заметался удивленный вскрик.

— Уже лучше, — засмеялся Райдер. Казалось, он был вполне доволен жизнью, и ничуть не беспокоился о том, что теперь ему в затылок кое-что упиралось. Больше того, чтобы цель не соскочила с его широких плеч, он ещё и зафиксировал её, положив свои ладони на белые пажеские бедра.

— Ты идиот, Райдер, — оповестил сопротивленца Повелитель, немного ошарашенный

внезапным жаром широких плеч, на которых восседал теперь, как некогда — на Вечном Троне.

— О, так ты запомнил моё имя! — обрадовался Дэш, не обративший внимания на серьёзность тона, и тут же изобразил жуткую обиду. — А своё мне так и не назвал.

— Тебе его знать ни к чему.

— Как хочешь, — Райдер ни капли не расстроился, напротив, в голосе заискрилась весёлая хитринка. — Тогда, я сам придумаю его для тебя.

— Как хочешь, — передразнил Повелитель.

Райдер, не обратив на это внимания, уже активно изображал глубокую задумчивость:

— Мне кажется, ты весьма сладкий пирожочек.

Как бы желая подтвердить слова, Райдер повернул голову, и самую малость укусил Повелителя Тьмы за левую ляжку. И тут же получил точный удар кулаком в ухо справа. Миг, и конструкция из двух тел распалась.

— Эй, можно же словами сказать, если не нравится, — потирая ушибленное ухо посетовал Райдер. — Есть и другие варианты...

Но Повелитель Тьмы их слушать не стал. Задержав дыхание, он нырнул, и, с силой оттолкнувшись ногами от груди Райдера, поспешил в сторону далёкого берега. Там, стараясь успеть до появления возможного преследователя, он поспешно нацепил те обрывки униформы, что служили ему теперь одеждой, и скрылся...

Конечно, можно было подумать, что всё это — коварный ход бунтовщиков, решивших сыграть в добрячков, но не забывших приставить к захваченному противнику неотлучного спутника, призванного втереться в самое близкое доверие. Но для исполнения столь тонкого плана явно требовался кто-то более... подходящий... нежели Дэш Райдер с его улыбками, подмигиваниями и недвусмысленными жестами.

Винд Райвол, например.

Бравый мятежник тоже не заставил себя ждать. Он наведался к Повелителю Тьмы, как-только привёл себя в какое-то подобие нормы: по крайней мере, лицо его больше не было неестественно красным, и не было запахов пота, крови и палёной кожи. Вернее, не «наведался», конечно, а появился в помещении, которое они теперь делили на двоих...

Ну, как «делили»...

Это Повелитель Тьмы, благодаря чьему-то гениальному решению, потеснил Райвола в его комнатку в Хайар-Килинаг. Вероятно, решение принадлежало самому бравому мятежнику. Но! Но, хотя бы не с Райдером...

Тогда же они первый раз толком побеседовали. Хотя, конечно, говорил больше Винд, пока Повелитель Тьмы демонстрировал ему всего себя...

Переодевался, разумеется!

В тряпки, которые Райвол принёс на замену полностью пришедшей в негодность униформе Императорского пажеского корпуса. К слову, «обновку» можно было смело считать оскорбительной, и оправдания, что ничего иного по размеру не нашлось, и даже это — чудом отыскали в запылившемся гардеробе принцессы, ко вниманию не принимались...

Сюрко хорошо знакомых Императору цветов королевского дома старой Васки — лазурное с золотой оторочкой — не опускалось даже до середины бедра, что в комплекте с очаровательно-белоснежными колготками было равносильно преступлению. И это при том, что руки, в противоположность бесстыже обтянутым эластичным шёлком ногам, от плеча до локтя скрывались за пышными рукавами, а от локтя до кончиков пальцев — за изысканными

перчатками с длинными, расшитыми затейливыми золотыми узорчиками манжетами...

— Знаешь, очень миленько, — похвалил новый наряд Повелителя Тьмы Райвол, наблюдавший весь процесс перевоплощения. — Всё же, здесь не то место, где можно расхаживать в форме имперского пажа.

Ответа не последовало.

— Ты, наверное, злишься, что я похитил тебя из Цитадели? Вообще, я не хотел. Это случайно вышло, — Винд озадаченно почесал затылок, и одарил собеседника обезоруживающе-очаровательной извиняющейся улыбкой. — Но мы не плохие парни, ты не думай.

Повелитель Тьмы вопросительно изогнул бровь.

— Даже Дэш, — среагировал Райдер. — Нужно просто узнать его получше.

Теперь вверх поползла и вторая бровь.

— Я серьёзно. Приглядишься к нам. Всё равно к имперцам тебе путь заказан — они не станут разбираться, похитили тебя, или ты был с нами заодно. Да и Империи теперь конец. Без Императора она развалится очень быстро...

— ...это наш шанс... — слова генерала Дани на брифинге перекликались со словами Райвола, но в них, всё же, было меньше уверенности.

— Неужели вы думаете, что у них в запасе есть ещё один Император? — раздался вопрос от одного из слушателей.

С точки зрения самого Императора, инкогнито присутствующего на брифинге в костюме королевского пажа Васки, вопрос был действительно интересный: он даже задумался, как там без него Истрим, Браксар и другие. А ещё — о переменах. И заменах. В конце концов, когда-то был Сюзерен. Теперь — Император. И если Империя вдруг окажется не столь Вечной, как это декларировалось, придёт и кто-то третий. Вероятно...

— Императора едва ли можно заменить, — ответил ничего не подозревавший о мыслях Повелителя Тьмы генерал Дани, — но его офицеры могут собраться с силами, окопаться, и тогда выбить их из крепостей будет не так-то просто. Нам слишком дорого обошлась эта схватка в столице. Я уже сообщил принцессе — она попытается убедить Союз выступить единым фронтом. Мы должны сокрушить Империю.

Часть 18. Конец Империи?

Среди шпилей пронеслось несколько «Гаргулий». Испытывая нехватку магической энергии, они двигались совсем низко, но для их целей так было даже лучше. Что не разрывали когти — сжигало пламя выхлопов.

Крики умирающих имперских солдат разносились над Тронный городом Императора.

Те, кто убивал их, также несли на своих доспехах гербовые знаки Вечного Трона.

Улицы усеивали обломки разрушенных маго-мехов, рухнувших зданий, трупы солдат и гражданских, не успевших убратся с пути двух накатывающих бронированных волн: армий, взаимно объявивших друг друга мятежными. Армий, идущих под знамёнами Вечной Империй. Армий, сражающихся за город Императора.

Помимо солдат, павших в бою, было множество людей в униформе, распятых прямо на стенах, повешенных на столбах, обезглавленных или иным жестоким способом умерщвлённых.

Без брони и без знаков отличий.

Всех их объединяла вина перед Властью — дезертирство и распространение «опасных слухов». Реальность, всегда возникающая вслед за гибелью харизматичных лидеров, ведущих за собой широкие массы. Дрогнувшие духом солдаты пытались бежать, заручившись поддержкой единомышленников, и оказывались в руках офицеров и палачей. Разделённое высшее командование оставалось удивительно единодушно в желании оградить мир от известий о предполагаемой гибели Императора. Если для тех, кто отрицал его смерть это было естественно, для стороны, признавшей утрату владыки, подобные установки выглядели странно. Но отменять их никто не собирался.

Имя Императора всё ещё оставалось священным — его нельзя было трепать на ветру, словно ставшее вдруг ненужным знамя.

А началось всё с попытки Гроуввейера утвердить свою власть. Его предложение заключить со Священным Союзом временное перемирие, как прелюдию к настоящему миру «без аннексий и контрибуций», раскололо имперский общий совет. Если сытые губернаторы замирённых и пока ещё спокойных внутренних регионов поддержали наместника, то командование фронтов, верное своему призванию и офицерскому долгу, дало совсем другую оценку подобному «решению»:

— Предательство!

Никто из истинных слуг Императора не поверил, что тыловыми крысами движет верность идеям Вечной Империи. Им, этим ничтожествам, хотелось иного. Ими двигал страх, что теперь война пойдёт по-другому, что последуют неизбежные поражения и враг ворвётся во внутренние области, лишив их власти. Власти, которую теперь, когда Императора не стало, они могли превратить в собственную маленькую монархию.

Но даже тогда военного противостояния ещё можно было избежать. Для этого в Железной Цитадели собрался очередной совет:

— С непрерывно ширящимся кругом лиц, внезапно решивших, что теперь и они могут вершить дела Империи, хаос будет только нарастать. Крах станет неизбежным, — державший речь лорд Гроуввейер намекал, разумеется, на то, что если первый совет проходил в ограниченном составе, то теперь, по мере расползания слухов о смерти Императора, приходилось мириться с мнением всё большего числа лиц, наделённых

гражданской, а больше того — военной властью. При этом, сам он был сторонником первой группы — гражданских чиновников: губернаторов и начальников областей. В какой-то мере он даже считался их лидером, и появление и рост их влияния был ему выгоден — необходим для подавления голосов агрессивной военщины.

— Нужна консолидация власти, — продолжил наместник. — Нужно единоначалие...

— Лорд Гроуввейер, — голос леди Нейт был холоден. Она больше ничего не стала говорить, но обращённый к наместнику призыв был понятен.

— Я, разумеется, имею в виду регентский совет, — поспешно пояснил Гроуввейер.

— Кто сформирует его? — взял слово один из присутствующих имперских чинов. — Не только сам совет, но и его избиратели должны быть признаваемы всей Империей, иначе ни о какой легитимности власти не будет и речи.

— Разумеется, — с довольным видом поддержал высказавшегося Гроуввейер: сейчас он походил на объевшегося сметаны одноглазого кота, готового, однако, запустить свои усы в ещё одну банку — побольше и пожирнее. — Я взял на себя смелость, и кое-что подготовил...

— Лорд Гроуввейер! — на этот раз недовольство выразил апофикар, донельзя возмущённый подобной самоуверенностью и наглостью наместника. — Со всем уважением, вас нельзя назвать голосом всей Империи, способным авторитетно указать на достойных заседать в регентском совете людей! Эта задача, как минимум — задача предварительной подготовки, по закону и порядку входит в зону влияния имперской руководящей канцелярии и леди Нейт, как имперского исполняющего канцлера.

— Лорд Истрим, — Гроуввейер взял тон учителя, просвещающего нерадивых учеников, — я, разумеется, не настаиваю на немедленном принятии моей программы. Я лишь предлагаю ознакомиться с ней. И обсудить.

На несколько секунд в зале консультационного совета повисло тяжелое молчание. Присутствующие гражданские и военные чины разглядывали друг друга с недоверием и сомнением. Как-то само собой вышло, что они, размежевавшись, заняли места по разные стороны длинного ониксового стола.

Амбиции и взгляды всегда разделяли этих людей, но сила Императора связывала их, заставляя сотрудничать и служить единой цели. Теперь разногласия, набрав максимальное давление, искали выход наружу...

— Давайте продолжим совет, — решительный голос леди Нейт заставил всех оторваться от собственных мыслей, и сконцентрироваться на происходящем. — Для начала — ознакомимся с тем, что предлагает нам лорд Гроуввейер.

Наместник, благодарно кивнув леди Нейт, дал жестом сигнал адъютанту, и тот раздал участникам встречи листки бумаги. Все погрузились в чтение.

Первым, что могло показаться удивительным, так многие сомневались в его способностях к скоростному чтению, высказался Браксар. Впрочем, для тех, кто понимал его характер, ничего удивительного в этом не было. В генерале говорили искренние эмоции, и он не особо-то тяготился нуждой сдерживать их выход:

— Банкиры, дельцы и... — особое возмущение Браксара вызвало последнее имя в списке, — этот! — очевидно, генералу стоило больших усилий, чтобы не огласить зал совета отборной солдатской руганью. Возможно, его заставило сдержаться чувство незримого присутствия здесь духа Императора, олицетворяемого стоящим во главе стола пустующим креслом, задрапированным чёрным шёлком. Совсем как Вечный Трон.

— Нам нужна поддержка, — не меняя наставительного тона ответил Гроуввейер. — Вся

возможная.

Но не все были с ним согласны: слово снова взял лорд Истрим, не менее возмущённый и разозлённый, чем Браксар.

— Это не поддержка. И не регентский совет, — заявил апофикар гневно. — Это капитуляция! Мы распишемся в собственном бессилии!

На той стороне стола, где располагались военные, где были Истрим, Браксар и Нейт, эта точка зрения возобладала безапелляционно. И военное противостояние стало неизбежным. Но даже тогда: струна, наткнувшись, ещё не лопнула.

Гроуввейер попытался услатить Браксара и его гвардию на фронт. Там военачальники, не вполне осведомлённые, знакомые лишь со слухами и обрывками сведений, но точно знающие, что в столице произошли беспорядки, что атаке подверглась сама Железная Цитадель, находились в сомнениях. Им никто не давал ясного ответа, жив Император, или мёртв. Говорилось только о некоторых внезапных проблемах со здоровьем, то ли бросивших Повелителя Тьмы на порог смерти, то ли всего-то временно лишивших его возможности лично управлять Империей. Но и такой неопределённости хватило, чтобы расшатать обстановку. Чувствуя нарастающее волнение в рядах собственной армии, военачальники не могли рисковать и идти в атаку. Приходилось сидеть на своих позициях, нервничать, терять темп и инициативу.

Зато виселиц с телами тех, кто сеял смуту, распространяя сведения о гибели Императора, с каждым часом становилось всё больше.

Прекрасно осведомлённый о возникших на фронтах проблемах, Гроуввейер решил воспользоваться этим, чтобы разделить оппонентов. Согласно его официальным пояснениям, прикрывающим истинные планы, Браксар с гвардией должен был не просто отправиться на запад для усиления действующей армии, но своим маршем через центральные области поддержать возможно пошатнувшийся авторитет имперского правительства. Если жители покорённых областей увидят по-прежнему крепкую силу гвардии, у них не возникнет желания восставать, или каким-то иным образом поддерживать Сопротивление и Союз. Это уничтожит в них самую мысль о возможном смене режима, с возрождении старых порядков.

«Приказ» пришёл к Браксару в письменном виде, несколько смутив бравого генерала. Всё же, он привык исполнять приказы... Вот только прежде они исходили исключительно от Императора. С другой стороны, нужды фронта Браксар понимал, и сам с удовольствием предпочёл бы всей столичной возне хорошую битву с «союзниками». Но он же и знал, что от него многое зависит сейчас — это ему хорошо втолковал Истрим.

Вот к апофикару-то он и направился за советом.

— Гроуввейер что-то перепутал, — зло сверкнул глазами Истрим, читая «приказ». — Нужно напомнить ему, что он совсем не Император.

Вместе генерал и апофикар решили нанести визит наместнику Имперского руководящего сектора, однако в рабочем кабинете его не оказалось. Зато там нашёлся один из помощников Гроуввейера, который и подсказал, что начальника следует искать в тронном зале.

Истрим и Браксар нахмурились — для обоих знак этот был недобрый.

— Надеюсь, Гроуввейер там не Вечный Трон своим задом примеряет, — хмуро заметил апофикар.

— Пусть только попробует, — Браксар с хрустом размял кулаки.

Внутри и снаружи императорская базилика утопала в строительных лесах: восстановительные работы, несмотря на тревожное время, должны были вестись без остановок, но... Сейчас ни одного рабочего не было видно. В просторном зале царил тишина и тени. Последние были особенно густы — словно нанесённые взмахами гигантского меча прорывы в ткани мироздания. Казалось, они вопреки всему, даже линиями света, настойчиво тянулись к одной точке.

К Вечному Трону.

Истрим и Браксар с удивлением обнаружили, что у подножия престола больше не было острых камней, и не было простёртого на них бронированного тела.

Доспех Императора восседал на Вечном Троне — очевидно, потребовалось немало усилий, чтобы воздвигнуть эту неподъёмную громаду, этот железный колосс на его законный пьедестал. Наверное, это было отчасти правильным решением. Но, с другой стороны, для генерала и апофикара было мучительно знать, что чьи-то грубые руки касались их Императора, волокли его, покрывая своим потом, пытаясь совладать с негнушимися сочленениями брони.

В этом было что-то... оскверняющее.

Подойдя ближе, они увидели стоящего подле престола Гроуввейера. Тот читал какие-то бумаги в своих руках. Только закончив очередную страницу, он взглянул на гостей.

— Генерал Браксар, — голос наместника был строг. — Я удивлён, что вы ещё не отбыли.

— Я исполняю только приказы Императора!

— А разве этот приказ исходит не от Императора?

— Не стройте из себя дурака, Гроуввейер, — выступил в поддержку Браксара Истрим. — Мы все знаем, что Император... — апофикар не смог произнести слово «мёртв» — только не подле Доспеха... Всё такого же блеклого, как после самой катастрофы.

— Мёртв? — слово вырвалось из уст наместника с лёгкой, презрительной усмешкой.

— Мёртв? — зычный голос, разносящийся эхом могущества, грянул отовсюду, и из ниоткуда.

Истрим и Браксар опешили. Первым их желанием было пасть на колени и приветствовать... вернувшегося к ним Императора! Но что-то остановило их. Он лишь отступил на шаг от ступеней, ведущих к Вечному Трону.

— Что это за шутки, Гроуввейер? — апофикар первым пришёл в себя. Хотя сомнения на миг почти взяли верх, он поборол их. Император, его Император не стал бы скрываться и ждать. Он призвал бы своего слугу к себе. Что бы ни выдавало себя за Повелителя Тьмы, как бы похоже оно ни звучало, это не Он.

— Шутки? — с презрением выплюнул наместник. — Это наш Император. Наше спасение. И наша победа.

— Это обман! — рыкнул Браксар.

Гроуввейер посчитал, что отвечать на подобный выпад ниже его достоинства, и демонстративно вернулся к чтению.

— Что вы задумали, наместник? — предпринял новую попытку добиться ответов Истрим Глаза его сверкали яростью.

— Разве не очевидно? — последовал ответ. — Я сохраняю Империю!

— Это не объяснение! — выпад принадлежал Браксару, но сейчас апофикар был с ним полностью согласен.

Гроуввейер снова опустил бумаги. На лице его была изображена вселенская усталость, но в единственном янтарном глазу горело надменное признание. Он явно хотел что-то сказать, но его опередил новый, знакомый и до зубной рези раздражающий Истрима и Браксара голос.

— Это мучительно, Гроуввейер.

Из-за трона появилась новая фигура, вся в ослепительно белом. Сделав несколько шагов, виконт Вердлем Сераф остановился подле наместника, и отвесил двум стоящим у подножия трона людям издевательски-изысканный поклон:

— Моё почтение, лорд Истрим. Моё почтение, доблестный генерал. Могу я полюбопытствовать, как ваши дела?

— Ты? — Браксар был готов броситься на виконта с кулаками, но апофикар остановил его.

— Ну, как минимум манер у вас, как я вижу, не прибавилось, — виконт выглядел так, будто на своём белоснежном мягком сапожке вдруг разглядел маленькое тёмное пятнышко, которое, однако, способно сокрушить всю его жизнь в непроглядную бездну.

— Для чего он здесь? — Истрим намеренно проигнорировал Серафа, обращаясь к наместнику.

— А не ясно? — Гроуввейер явно был раздражён. — Мы объявим, что Император жив, и, благодаря помощи виконта, сможем подтвердить это.

— Это кощунство! — выкрикнул Истрим. — Вы оскорбляете память Императора, Гроуввейер!

— Память об Императоре — это его Империя. Как, если не охранением её порядка и единства, можно сохранить и преумножить эту память? И, если вы забыли, Истрим, на стороне Союза и среди Сопrotивления есть маги. Как вы предлагаете противостоять им теперь, когда Император больше не хранит нас своей силой? А вы, Браксар? Кто наполнит ваши «Гаргульи» энергией, которая позволит вести их в атаку? Виконт Сераф благородно предлагает нам себя в качестве верного соратника! Он предлагает помощь в сохранении Империи!

— Вы не сохраняете Империю, Гроуввейер. Вы разрушаете её. Вы отдаёте нас даже не Синоду! Вы отдаёте нас ему! Для чего? Чтобы он дёргал нами за ниточки, прикрываясь образом нашего Повелителя? Чтобы он расселся на Вечном Троне?

— О, ну что вы, лорд Истрим? — играя оскорблённое достоинство произнёс Сераф. — Неужели я не достоин быть Императором? — и, глянув на посеревшее лицо Гроуввейера, добавил, обращаясь уже к наместнику. — Исключительно гипотетически, разумеется.

— Мы не станем поддерживать этот фарс, Гроуввейер. Ни я, ни генерал Браксар, ни леди Нейт. И будьте уверены, что мы уведомим об этом всех остальных, — развернувшись, апофикар двинулся к выходу. Браксар молча последовал за ним.

— А вы уверены в своём решении, лорд Истрим? — бросил им в ответ насмешливо наместник. — А вы, генерал? Ещё не поздно.

Ответа не последовало. Теперь ответом могла быть только гражданская война и кровь, или — конец Вечной Империи.

Часть 19. Части тёмного плана

— Империя разваливается, а Союз ничего не делает?

Голос Винда был полон искреннего возмущения, эхом разносясь по заставленным всевозможными ящиками со снаряжением и припасами коридорам Хайар-Килинаг. И голос, и ящики выглядели до крайности неуместными в таинственно-торжественных нефритовых декорациях древних альдарийских руин. Обстановка располагала скорее к запустению и заговорщицкому шёпоту. Но Райволу и сопротивленцам было не до эстетики. А вот идущий рядом с Виндом генерал Айар Дани странным образом подходил этому месту. В мерцающем свете древних кристаллов, питающихся, видно, из каких-то недостижимых глубинных источников, его седая борода сама становилась похожа на серо-зелёный нефрит, вышедший из-под инструмента неимоверно-талантливого мастера-резчика. Судя по лицу, генерал, в отличие от бушующе-негодующего Райвола, испытывал скорее разочарование, чем злость. Вероятно, на высоте своего опыта он ожидал чего-то подобного от «союзников», хотя и сохранял некоторую надежду на позитивный результат.

Увы, мечтам было не сужено исполниться.

— Это всё происки Синода, — уверенно заключил Дани. — Магистры боятся, что Союз в ходе наступления сможет захватить «Копьё Тьмы». Очевидно, у них на него свои планы, и осуществить их будет проще, когда на землях Империи возникнет лоскутное одеяло из грызущихся между собой мелких диктатур. Законные династии и крепкие королевства им не нужны.

— Неужели в Синоде нет сочувствующих нашему делу?

— Боюсь, даже если такие и есть, они не станут выступать против главенствующей линии. Магистры слишком любят власть.

— Может, их удастся переубедить? — Райвол явно горел желанием действовать: он физически не мог сидеть в тайном убежище, особенно теперь, когда, по его мнению, настал час наступать и побеждать. — Они же помогали Союзу в борьбе с Империей! Хотя бы косвенно, но Синод на нашей стороне.

— Синод никогда не признает, что магистры-изгнанники в Союзе действуют по их прямому указу, — генерал Дани упорно сохранял спокойствие, хотя бившая из Райвола энергия пыталась, словно пламя, завладеть и им: Винд, как настоящий герой, умел «зажигать сердца» соратников, просто на пользу Айара играла его стариковская устойчивая медлительность. — Так же они не признают, что все их действия сводились к тому, чтобы не дать Империи победить. Победа Союза им совершенно не нужна.

— Предатели.

— Скорее прагматики, — поправил излишне прямолинейного подчинённого генерал. — Но нам от этого легче не становится.

— Значит, нужно найти и уничтожить это «Копьё Тьмы». Без него Синоду уже не нужна будет Империя, и они позволят Союзу прийти нам на помощь! — Райвол всё не сдавался, надеясь отыскать ведущий к победе путь.

И снова встретился лицом к лицу с суровой действительностью воззрений генерала:

— Не уверен, что всё так и будет, но уничтожить «Копьё Тьмы» мы обязаны. Даже без Императора оно всё ещё опасно. Нельзя оставлять это оружие в руках Империи.

В ярко-голубых глазах Винда вспыхнули искры восторга:

— Значит, я соберу группу, и мы выдвинемся на поиски...

— Нет, — генерал неожиданно резко пресёк инициативу готового кинуться в неизвестность подчинённого. Эффект был почти такой же, как если бы он приказал вдруг заковать Райвола в кандалы и бросить в темницу.

— Почему? — лицо Винда выражало безграничное удивлённое непонимание: в своих мыслях он был уже далеко, сражался с имперцами и уничтожал таинственное злобное оружие поверженного им Повелителя Тьмы. А теперь друг это грандиозное будущее развеялось, словно замок в облаках.

От Дани картина столь искреннего разочарования со стороны восторженного героя не укрылась, и он, скрыв ухмылку за пышными усами, пояснил:

— Сейчас мы не можем позволить себе гоняться за тенью. В Империи раскол, и необходимо воспользоваться им для осуществления реально выполнимых задач.

— Но, генерал...

Айар Дани проигнорировал попытку вполне ожидаемого «юношеского бунта», продолжая настаивать на своём:

— Поэтому я посылаю тебя в Безнадёгу. Там, в угольных шахтах, томится полно наших ребят. Хороших ребят. Теперь, когда имперцы стягивают все свободные силы к Тронному городу, чтобы грызться вокруг Вечного Трона, у нас появился отличный шанс освободить их.

— Да, генерал, но... — Райвол сделал последнюю попытку: мечта о великом свершении, последней схватке с тенью зла у жуткого оружия возмездия ещё была жива и не отпускала его из своих цепких рук.

— Никаких «но», — генерал был более чем серьёзен. — Ты отличный парень, Винд, и я рад, что ты присоединился к нам. Без тебя дела не шли бы и в половину так хорошо. Но сейчас ты должен остудить голову: позволь нашим агентам продолжить поиски «Копья Тьмы» — рано или поздно оно всплывёт. В конце концов, без Императора никто не станет хранить секреты с тем же рвением, как раньше. А пока — мы займёмся другими делами. Ты понимаешь?

— Да, генерал.

Айар Дани удовлетворённо качнул седой головой, и поспешил по своим делам, а поникший герой остался осмысливать услышанное. Погружённый в себя, он не заметил, как от стены отделилась небольшая тень. Маленький лоскут мрака проворно скользнул вдоль вездесущих ящичков со снаряжением, подкрался ближе, встал за спиной мятежника, и...

...Осторожно коснулся кончиками пальцев плеча Райвола.

— Кажется, я могу помочь.

— Это же замечательно!

Райвол не смог сдержать обуявших его эмоций. После окатившей его с ног до головы ушатом ледяной воды беседы с генералом, он снова воспылал жадой действия. Даже ярче, чем прежде. Запросто подхватив юношу в бело-голубых одеждах королевского пажа Васки, он стиснул и закружил его в объятиях. К счастью — недолгих: погибнуть в тисках крепких геройских рук Повелителю Тьмы было не суждено. Не в этот раз. Райвола распирало желание кинуться в путь, так что он, выпустив испытывавшую лёгкое головокружение жертву, кинулся навстречу приключению.

Разве что язык на плечо не распустил.

И это было не удивительно. В руках Винда оказался заветный ключик к самому большому секрету Вечной Империи — к прежде недостижимому «Копью Тьмы»... Артефакту самого Императора, которым этот тёмный властелин намеревался поставить на колени Синод, а затем и целый мир!..

Ключик, который сам же Повелитель Тьмы и вложил в доверчиво протянутую раскрытую ладонь Райвола. Во исполнение плана. Но этому же плану неусидчивая, приткая натура «героя» была противопоказана. Даже вредна. И воплотившаяся в миловидного юношу с льдисто-серыми глазами Тьма поспешила сделать следующий, упреждающий ход:

— Пстой!

Но короткого слова явно было маловато, чтобы остановить чрезмерно энергичного мятежника. Действуя наверняка, паж кинулся следом и отчаянно вцепился в рукав куртки Райвола. Увы, сил у хрупкого юноши оказалось маловато. Наделённый завидной мускулатурой Винд даже не сразу понял, что на его руке болтается, словно знамя на ветру, его миловидный «сосед по комнате».

Мятежник резко затормозил...

А вот паж, по инерции, продолжил полёт. Благо — не долгий. Но завершился он довольно жёстко: ударом лица в развитую крепкую грудь Райвола. А следом и всё остальное ворвалось в объятия героя. Реакции Винду было не занимать, так что он с большим проворством поймал врезавшийся в него снаряд утончённой красоты, и снова стиснул его своими руками. Правда, даже герой оказался не готов к подобному «удару судьбы», и покачнулся. К счастью, позади весьма удачно подвернулся один из бесчисленных ящичков.

Что бы Соппротивление ни хранило в них, неведомое «орудие мятежа» сыграло свою роль...

Вместо пола Райвол удачно приземлился на ящик. Следом, но уже на колени Винда, приземлился Повелитель Тьмы собственной персоной. Воцарилось многозначительное молчание, озарённое ослепительным светом героической улыбки, и нежным мерцанием ярко-голубых глаз.

Пожалуй, любой обитатель Хайар-Килинаг, в тот вечер решивший воспользоваться восточным коридором 4-2-Л командного уровня, счёл бы себя страшным преступником, помешавшим знаменитому герою Соппротивления в невероятно личный, интимный момент.

Впрочем, момент и впрямь был сокровенный.

Для Повелителя Тьмы, приступившего к тонкому исполнению следующей фазы своего плана. Правда, первый ход в партии он благодушно предоставил Райволу.

— Что такое?

Ладони Винда прошли по очаровательно-хрупкой спине пажа, целомудренно не опускаясь ниже границ приличного. Этот жест, вероятно, стоило считать успокаивающим. Чтобы осуществить задуманное до конца, Повелитель Тьмы смирился с этим постыдным, однако до некоторой степени полезным «пленением». Но поднимающийся из глубины души гнев остановить было невозможно, и разогнавшаяся кровь окрасила пажеские уши в ярко-розовый цвет.

Райвол, очевидно, принял этот двусмысленный знак за смущение, и его улыбка стала ещё шире.

— «Копьё Тьмы» надёжно охраняется, — приглушённо пробормотал Повелитель Тьмы в грудь Винда. — С какой бы армией ты ни пришёл, это будет бессмысленно.

— Поверь, имперские солдаты — это по нашей части.

— Нет, — Повелитель замотал лохматой головой, — ты не понимаешь. Его охраняют не просто солдаты. Император создал целый легион ужасных тварей, чтобы удержать Копьё в своей власти. С ними невозможно совладать. Никакая армия не сможет.

— Мы всякое повидали.

Пока лицо Райвола изображало полнейшую невинность, руки всё же преодолели невидимые границы. Ладони спустились ниже, и легли на пажеские бёдра... Правда только для того, чтобы усадить парня «поудобнее», после чего вернулись обратно.

— Я и с самим Императором управлялся.

— Просто... поверь мне.

Повелитель Тьмы пережил манипуляции Райвола стоически, хотя голос зазвучал сдавленно: невероятными усилиями воли приходилось сдерживать рвущиеся наружу громы ярости. Для Винда, очевидно, это звучало несколько иначе... Смущённо.

— Я видел их... Эти стражи действительно опасны. Только у очень маленькой группы есть шанс проскользнуть сквозь охранный периметр.

— И что дальше? — почему-то казалось, что Райвол говорил вовсе не о вторжении в логово врага.

— Нужно захватить главного исполняющего мастера имперских вооружений — Унн Фэкка. Только он может достроить Копьё. Без него оружие не сможет работать...

Это был один из тех редких случаев, когда Повелитель Тьмы находил некоторые... плюсы в своей ущербной комплекции. Будь они одного роста, Райвол неизбежно увидел бы в глазах паж бездонный ледяной гнев. А так: для того, чтобы взглянуть мятежнику в глаза, пришлось бы высоко задирать голову. Делать этого Повелитель Тьмы, разумеется, не собирался, и счастливо буравил испепеляющим взором грудь Винда.

Дыра. Увы, не появлялась.

— Звучит довольно просто.

Райвол, разумеется, ничего не замечал, зато чувствовал на своей груди горячее, взволнованно-прерывистое дыхание паж.

— Нет. Фэкк — не просто оружейник. Он бывший магистр Синода. Он опасен не только своей стражей, но и сам по себе.

— Я думал, все магистры ненавидят Императора.

— Фэкк — не исключение. Но Император дозволил ему то, что не одобряет даже Синод.

— Вот как, — Райвол улыбнулся. — Что же, тогда — мы отправимся вдвоём. Проводишь меня к «Копью Тьмы», чтобы я мог познакомиться с этим мастером-оружейником.

Часть 20. Имперская грызня

Железная Цитадель оказалась совершенно не готова к тому, что оборонять её придётся от собственных войск. Первыми свихнулись весьма ограниченные голем-мозги охранных маго-мехов типа «Мантикора». Не способные разобраться, кто из солдат в имперской броне друг, а кто — враг, они стали опасны для всех вокруг, и для самой Цитадели. Жертв от их атак с обеих сторон было столько же, сколько от арбалетных болтов.

Самострел «Гарпия» благодаря своим точности, скорости и бронебойной силе, а главное — по-настоящему массовому производству, стал оружием победы Вечной Империи. Против этой растиражированной смерти хуже оснащённые, менее вымуштрованные и более разобщённые войска дряхлых старых королевств оказались бессильны. Как выяснилось, отлично действовал арбалет и против самой Вечной Империи: бои шли в тесном контакте — на расстояниях, с которых снаряды с лёгкостью пробивали броню имперских солдат, и списки погибших в обеих противостоящих армиях быстро ширились. Надежда могла быть только на истощение боезапаса. Как назло, со снарядами проблем не было — столичные арсеналы буквально ломались от заготовленного для войны оружия. В условиях всеобщих волнения и хаоса снабдить солдат снарядами для арбалетов было куда проще, чем пайком. Повинны в этом, впрочем, были губернаторы внутренних территорий, повесившие на свои склады огромные замки, и оправдывающиеся теперь волнениями, якобы делающими невозможным безопасный переброс ресурсов в столицу.

Положить конец этому могло только утверждение прочной власти, что, опять же было затруднительно — за центр этой самой власти, за Железную Цитадель, шли ожесточённые бои между «роялистами» и «лоялистами».

Формальным лидером первых был лорд Гроуввейер со своим «Императором», во главе вторых стояли Истрим с Браксаром. «Мятеж» последних, вопреки всем надеждам столичного наместника, оказался весьма удачным. Главным образом, потому что сам факт возникновения «мятежа» опровергал все рассказы Гроуввейера о том, что Повелитель по-прежнему правит своей Империей.

При живом Императоре хаос, объявший столицу и страну, был просто невозможен. Что уж там, будь Повелитель Тьмы действительно жив, даже за одну единственную разбитую бесценную «Мантикору» полетели бы головы всех причастных! Сейчас обломками маго-мехов были усеяны все подступы к Железной Цитадели, и никого даже не поджарило столь любимыми Императором молниями. «Император» Гроуввейера просто восседал на Вечном Троне, что-то вещая о скором воцарении порядка... Кого могли убедить эти слова от неподвижной железной статуи?

Только полных дураков, или считающих, что Гроуввейер сможет победить в этой грызне. К несчастью для наместника, «доводы лоялистов» пока что звучали убедительнее — это были смертоносные заряды из тысяч «Гарпий», выкашивающие «роялистов» на бастионах и брустверах Железной Цитадели.

Их главным вдохновителем был генерал Браксар.

Доблестный полководец признавал бой на расстоянии, только если это расстояние равнялось длине его знаменитого клеймора, поэтому везде и всюду оказывался в первых рядах. Он врубался во вражеские отряды, выкашивая их подчистую, и выходил из боя с ног до головы истыканный арбалетными болтами, как ёж, но невредимый. Даже обезумевшие,

разрывающие и сжигающие всё вокруг «Манतिकоры» не были для него преградой. Лихо запрыгнув на очередной маго-мех, он подцепил пальцами края бронированного покрытия, и, хотя не без усилий, разогнул тяжелые пластины. Под искорёженным металлом таился невероятно сложный голем-мозг, зажатый в тисках контроль-заклятий. Разумеется, Браксар ничего не понимал в гениально-злодейском детище Императора, но у него был свой подход. Взмахнув клеймором, он одним решительным ударом «скорректировал» мозги «Манतिकоры».

Маго-мех издал жуткий железный рёв, и попытался сбросить с себя нежеланного седока. Но Браксар удержался. Действуя мечом, как рычагом управления, он заставил непокорного монстра повернуться, и броситься на укреплённые позиции «роялистов». Через мгновение когти и пламя импровизированного «скакуна» обратили в кладбище ещё недавно неприступный бастион.

Войска «лоялистов» продвинулись глубже в Цитадель.

Чувствуя, что контроль над укреплениями утекает у них из рук, командующие «роялистов» не нашли ничего умнее, как запустить один из тайных оборонных протоколов.

Они выпустили Тварей.

Глубоко под Цитаделью с помощью алхимических приборов и растворов лорда Истрима были выведены жуткие монстры, способные переваривать в своих желудках даже самую крепкую сталь. Яростные, обезумевшие от боли и пыток, постоянно накачиваемые подающимися прямоком в вены ядовитыми эссенциями, они должны были стать последним средством обороны Цитадели в случае осады. Но выводя этих чудовищ, никто даже не рассчитывал, что удастся их полностью контролировать.

Командование «роялистов», снимая запоры с потайных шахт, об этом, похоже, не задумывалось.

Получив свободу, погрязшие в искусственно подстёгнутой кровожадной ярости Твари бросились на первых же людей, которых увидели. Увы, это были давшие им свободу солдаты «роялистов». Огромные, покрытые мощными хитиновыми и роговыми пластинами-наростами чудовища глотали людей целиком, прямо в броне, и им нипочём были выстрелы «Гарпий». Их вообще мало что могло остановить.

— Очаровательно, не правда ли?

Лорд Истрим возник рядом с Браксаром внезапно. В отличие от сражающегося мечом генерала, и от вооружённых арбалетами солдат, он сжимал в своих руках лук. Стрелы апофикара летели точно в цели, поражая врагов прежде, чем они могли заметить свою смерть в ярко-алом мундире.

— Да, — Браксар и правда оценил грубую силу Тварей, — но как нам теперь пройти?

Апофикар взглянул на генерала с искренним удивлением:

— Я думал, для вас это не проблема.

Браксар не нашёлся, что ответить: не мог же он, в самом деле, признать, что его могут остановить какие-то «зверушки» Истрима. Поэтому он просто пожал плечами — в грузных рыцарских доспехах жест вышел весьма впечатляюще. И неопределённо. А в следующий момент думать об этом стало некогда. Истрим, в отличие от полностью закованного в латы генерала, защитил себя лишь нагрудником и шлемом, а поэтому вынужден был нырнуть под руку Браксара — как птенчик под материнское крыло. На позиции «лоялистов» обрушилась очередная туча арбалетных снарядов. Чувствующий себя превосходно в своём надёжном укрытии апофикар послал врагам смертоносный ответ в виде десятка стрел.

Всё же, Твари и правда стали серьёзным препятствием штурму. Одна из них устроилась прямо посреди моста, ведущего во внутренние укрепления, и деловито ковырялась огромным когтистым пальцем в пасти, пытаясь выловить застрявшую меж острых и невероятно крепких клыков часть человеческой грудины в искорёженной броне. Пройти мимо неё оказалось невозможно. Даже клеймор Браксара был для чудовища не страшнее травинки — лезвие не оставило на толстой шкуре ни царапины. Зато Тварь, оторвавшись от своего занятия, обратила внимание на пытающихся обойти её стороной солдат, и тут же решила, что в качестве зубочистки лучше сойдёт чья-нибудь рука или нога. «Лоялисты» кинулись врассыпную. Некоторые попытались сразить монстра, целясь в тупорылую морду из «Гарпий». Расчёт был, в целом, верным — единственной незащищённой частью тела чудовища были глаза, желчно-жёлтые, нездоровые, полные безумной ярости. Увы, они были слишком маленькой мишенью, к тому же — постоянно находящейся в движении, да и царивший вокруг хаос мешал прицелиться. Арбалетные болты ударили мимо. Несколько из них врезались в область «носа» чудовища — двух узких разрезов в броне. Кожа там и впрямь была тоньше, но результатом выстрела стал только полный ненависти рёв и новая вспышка ярости. Тварь, схватив стрелков, не стала жрать их, но с силой сбросила с моста — в тёмный провал рва. Ещё несколько стрел попали в раскрытую пасть, но также не принесли результата — разве что отвлекли Тварь от творящегося под её лапами: там Браксар всё ещё безуспешно пытался пробить броню и подрезать монстру сухожилия.

Впрочем, это было бесполезно. Лорд Истрим знал это, как никто другой, ведь это он создал этих зловещих чудовищ. Следовательно, ему и следовало с ними разобраться.

Апофикар печально вздохнул: не потому, что задача была тяжела физически — с этим он мог справиться; она была тяжела эмоционально. Как Император любил свои маго-мехи, так Истрим любил выведенных им Тварей. Эти горбатые, клыкастые и когтистые чудовища были для него тем же, чем был мило-мохнатый пёс для какого-нибудь восторженного мальчишки. К тому же, сложно собственными руками разрушать плоды долгого и тяжкого труда.

И всё же, ради Повелителя, он должен был сделать это.

Глубоко вдохнув, апофикар рванулся вперёд. Проскользнув через ряды отступающих солдат, он оказался под ногами Твари, где всё ещё, прикрывая отступление, мужественно сражался Браксар. Генерал был изрядно помят: кое-где когти чудовища вспороли гвардейскую броню, разодрали кольчугу и поддоспешник, и забрались глубже — в сами мышцы. На теле Браксара атели кровью глубокие рваные раны.

Из следовало бы обработать после боя особенно тщательно — это Истрим знал наверняка: когти чудовищ могли нести на себе Бездна знает какую заразу — побочный эффект ядовитых составов, которые постоянно накачивались в их тела.

Но сейчас, в гуще боя, было не до этого. Генерал как раз сделал новый выпад, и, припав на одно колено, замер на мгновение, чтобы перевести дух. Истрим, поймав момент, воспользовался Браксаром как ступенькой. Вскочив на бронированное колено, он через секунду был уже на плечах генерала, а затем — перепрыгнул на бок Твари. Благо, шкуру чудовища покрывали многочисленные роговые шипи-наросты и выеденные ядами огромные «оспины». Цепляясь за них, апофикар начал ползти выше. Монстру это, разумеется, не понравилось. Но выведенная для войны Тварь была создана, чтобы атаковать врага перед собой, а не на себе — само строение тела не позволяло ей этого, лапы были слишком заостренными, не гибкими, к тому же — мешал огромный горб.

И на этом же горбу располагалась цель апофикара — одному ему известное слабое место. То, куда Тварям с «щенячьего» возраста вживляли в нарастающую толщу брони алхимические приборы для перегонки и накачки мутационных эссенций. Часть из них, с годами, полностью скрылись под роговыми наростами, став неразрушимыми, но кое-что ещё можно было обнаружить. Если знать, где искать.

Истрим знал.

Добравшись до цели, он сунул руку одну из глубоких «оспин». Через секунду ладонь страшно обожгло — это попал на кожу яд. Тот самый, что тёк по искусственным венам — вживлённым в тела Тварей гибким трубкам. Несколько таких трубок Истрим как раз и вырвал из монстра. Впрочем, никакого результата это не дало — зверь только взревел в очередной раз. Но апофикар другого и не ждал. Превозмогая боль от химических ожогов, и стараясь не упасть со спины дико скачущей по мосту Твари, он пытался разобраться в трубках. В полевых условиях это было не так-то просто.

На первый взгляд, все трубки были одинаковыми, но на деле каждая из них подавала или отводила от органов и кровеносной системы Твари свой вид химического реагента. Изменив потоки, можно было серьёзно подорвать «здоровье» чудовища.

Это Истрим и сделал.

Тварь взревела, но на этот раз — от неопишуемой боли, когда алхимические машины прогнали через её сердце и крохотный мозг уже отработанный и ставший губительным яд. Обычно он воздействовал на нервные окончания Тварей, подстёгивая ярость, а теперь заживо сжигал её изнутри.

Всё огромное тело монстра свела конвульсия, лапы выгнулись под неестественными углами, от чего затрещала, лопаясь, бронированная шкура, а из клыкастой пасти хлынула кровавая пена.

Мгновение, и Тварь, дёрнувшись, стала падать с моста в ров. Вместе с ней полетел апофикар. Только в последний момент он успел оттолкнуться от горба чудовища, и избежать свидания с бездной. Правда, ему всё ещё грозила встреча с жёстким железобетонным покрытием моста. Вероятно — лицом, слишком неудачным был прыжок. Но этого не произошло. Истрим и правда довольно больно ударился, но не об истоптанную солдатскими сапогами мостовую, а о широкую грудь Браксара, изловчившегося, отбросив клеймор, поймать падающего «с небес на землю» апофикара.

Странное единение длилось пару секунд, а затем Истрим змеёй вывернулся из генеральских рук, и встал на ноги. Чтобы скрыть некоторое смущение, он, по-мальчишески пряча обожжённую ядом руку за спиной, стал старательно разглядывать землю. В поисках брошенного где-то в спешке лука, разумеется. Браксару было проще — его лицо скрывал шлем.

Когда с преграждавшей мост Тварью было покончено, перед «лоялистами» открылся путь в сердце Железной Цитадели. И хотя бои на бастионах и по всей зоне повышенной имперской безопасности ещё продолжались, Истрим с Браксаром, возглавившие передовой отряд рыцарей гвардии, бросились туда. Их питала надежда. Обезглавив Гроуввейера, они надеялись положить конец междоусобице. К тому же, им нестерпимо было знать об издевательствах наместника и виконта над памятью Императора. Они не могли и дальше позволять использовать его, словно марионетку.

В командном центре они нашли только группу офицеров, принявших сторону «роялистов». С ними Браксар разобрался лично, без жалости и разговоров. Но Гроуввейера среди них не было. Больше того, коридоры и залы сердца Цитадели встречали их пустотой.

Сопrotивления практически не было.

Браксар рассчитывал встретить имперских верховных защитников — личную гвардию наместника, но ни одного бойца в тёмно-фиолетовых доспехах они так и не увидели. И чем ближе силы вторжения были к императорской базилике, тем тревожнее им становилось от давящей тихой брошенности некогда бьющегося в диком ритме сердца всей Вечной Империи.

Тронный зал оказался пуст.

— Наместник сбежал!

Истрим был действительно шокирован. Он никак не ожидал, что пока идут бои за судьбу Империи, Гроуввейер скроется, бросив своих солдат, а с ним исчезнет и виконт Вердлем Сераф. Больше того, они не просто сбежали из Железной Цитадели, но похитили Доспех Императора!

Вечный Трон пустовал.

— Трус! — Браксар, мечтавший лично размозжить голову Гроуввейера, был разозлён даже больше апофикара.

— Боюсь, здесь совсем не трусость, — Истрим сохранил достаточно самообладания, чтобы мыслить ясно.

— А что же здесь? Просвети, — огрызнулся генерал.

— С удовольствием, — апофикар был мрачен. — Они рассчитывают захватить «Копьё Тьмы».

— Что? — казалось, генерал не вполне осознал услышанное.

— «Копьё Тьмы», — спокойно повторил Истрим. — Им не понадобится Вечный Трон, Железная Цитадель и столица, если в их руках окажется оружие Императора.

— Но оно...

— Сераф тоже владеет колдовской мощью.

— Чепуха, — Браксар, казалось, не желал признавать виконта ровней Повелителю Тьмы, и не верил, что кто-то другой, кроме его владыки, сможет запустить разрушительную мощь «Копья».

— Они явно убеждены в обратном. С помощью Гроуввейера они доберутся до оружия, а там уже дело за Серафом.

— И что?

— И всё. Им не понадобится Вечная Империя. С «Копьём Тьмы» они создадут новую Империю, такую, какую захотят.

— Значит, нужно опередить их.

— Значит, нужно.

Часть 21. На дороге к финалу

Повелитель Тьмы не долго радовался тому, с какой лёгкостью Винд Райвол стал частью плана. Выяснилось, что бравый мятежник совершенно не способен выстоять под тяжким натиском чужой неуёмной настырности... И самым постыдным образом «сдал» всё Дэшу Райдеру.

И пары часов не успело пройти с событий в безлюдном коридоре...

А уж Райдер, разумеется, не остался в стороне, и с разбега вклинился в происходящее. К величайшему раздражению Повелителя Тьмы. Но, что куда удивительнее, на смену этому не самому приятному чувству пришло... Удовольствие! Да — эмоция, которую рядом с Дэшем Райдером представить было невозможно. Но — всё же! Это было дразнящее тёмное и тягучее, словно мёд, предвкушение — того пряно-сладкого момента, когда будет нанесёт решающий удар. Тот самый, что положит конец любому сопротивлению. И Винду Райволу. И Дэшу Райдеру... И уже не придётся заглядывать под каждый камень разрушенного старого мира, выискивая попрятавшихся врагов.

Повелитель Тьмы упивался этим грядущим моментом, «глотаю слюнки», раз за разом прокручивая его в голове... А потом...

Снова пришло раздражение. В десятки, нет, сотни раз грандиознее изначального!

Просто: «план» начал исполняться.

Сложно поверить, но стоило им покинуть Хайар-Килинаг, как Повелитель Тьмы ощутил неописуемую, полную тёплой ностальгической симпатии грусть по древним подземным галереям и камерам. Даже по забитому ящиками полутёмному коридору, где они с Виндом оставались наедине...

Теперь-то некуда было сбежать и негде спрятаться от Райдера. А он — был рядом. Очень рядом. И не замолкал. Казалось невозможным, как столько бессмысленных баек, глупых историй и «забавных случаев» может уместиться в одной бестолковой рыжей голове. Но в случае Дэша просто слов было мало! Чтобы лучше «скользили», он обильно смазывал их бесконечным самолюбованием, самоуверенностью и нахальством. И куда же без обильной приправы из непрозрачно-приторных намёков, украшений в виде игривых подмигиваний, и подсветки из неуместно-напористых комплиментов.

Жертва этой «лавины красноречия» могла лишь бессильно и бессловесно взывать к беспросветному льдистому мраку, чтобы он, наконец-то, смилостивился над своим избранником, и если не изничтожил Райвола багровым пламенем, то хотя бы поразил неугомонного сопротивленца внезапной немотой.

Впрочем, истинному виновнику этого «праздника словоблудия» доставалось не меньше неслышимых проклятий! Негодяю Райволу, конечно, в очередной раз несказанно повезло, что очи Воплощённой Тьмы не наделены испепеляющей силой! Что уж там, ему следовало благодарить всех древних богов, что Повелитель истощён, и не может занести над ним карающий меч... Иначе — в ход пошли бы молнии гнева, и не важно, какими страшными ожогами рук это могло обернуться.

Всё же, без Доспеха выпускать на волю разрушительную мощь Тьмы было небезопасно... Но для справедливого дела — можно принести некоторые жертвы.

Увы, тёмных сил не было настолько, что не только о молниях на время следовало позабыть... Невозможно было даже протянуть незримую длань сквозь пространство, чтобы

коснуться Доспеха. Что уж говорить об удалённом контроле. И всё же, связь между рождённым в смертной плоти разумом и сотканным из колдовского железа телом была непостижима и глубока, почти интимна. Если закрыть глаза, уйти в себя, отыскав сокровенную ледяную вершину, и узкий чёрный пролом, ведущий в непроглядный мрак души, если погрузиться в него... Можно было почти почувствовать себя облачённым в холод: ощутить броню, не просто покрывающую тело, но заменяющую его, и вместе с тем — уловить слабое дыхание мира вокруг.

Доспех больше не находился в Железной Цитадели — Повелитель знал это. Но не беспокоился. Не было причин, ибо не важно, где находится величайший дар предвечного мрака. Куда бы бестолковые подданные Императора ни тащили его, пути избранника Тьмы и его железного тела неизбежно пересекутся. А значит, не стоит менять планов.

Всё замыкалось на «Копье Тьмы»

Но всё это отнюдь не значило, что можно простить Райволу его слабость перед напором рыжего дьявола!

Против обыкновения неулыбчивый сопротивленец, впрочем, не подозревал, какой тёмный шторм беснуется прямо у него под боком, скрытый за невинной оболочкой хрупкого пажеского тела. Он даже не замечал тех взглядов, что метали на него льдисто-серые глаза. Не замечал настолько, что вызвал ещё больше гнева Повелителя Тьмы! Впрочем, ко гневу примешивалось некоторое любопытство: о чём так глубоко задумался мятежник?

Терзаться загадками долго не пришлось: как оказалось, он решил глубже испытать терпение Мрака!

Винд, этот образец непостижимой решительности, готовый с головой окунуться в полный неведомого омут внезапной авантюры, вдруг распереживался, что ради поисков «Копья Тьмы» придётся бросить свою группу — людей, собранных генералом Дани для миссии в тюрьме Безнадёга. А Хайар-Килинаг они покинули именно с этой целью: как и настаивал Повелитель, Райвол никому, кроме Дэша, не раскрыл секрета. И сейчас они двигались на север, удаляясь как от альдарийских руин, так и от «Копья Тьмы». Путь к тайному оружию Вечной Империи — это путь на восток, к далёким горам, в пустынные области, когда-то бывшие сердцем древней империи Суверена.

Что удивительно, здесь пригодился Райдер:

— Тебе не нужно волноваться, — безапелляционно заявил он другу, — парни справятся. Губернатор Хидданн — тот ещё мешок с дерьмом, но, как и у всех имперцев, это дерьмо у него и вместо мозгов. Он сбежит, как только запахнет жареным, а за ним разбежится тюремные стража. Наши, считай, уже свободны.

Идущий рядом Повелитель Тьмы, отлично знакомый с мощными укреплениями Безнадёги, мог бы не согласиться с заявлением мятежника, но куда больше сейчас его интересовало другое: когда это тюремный комендант Хидданн успел стать губернатором? Вечная Империя явно продемонстрировала нездоровую склонность к развалу... И это — в течение всего нескольких дней, незаметно и почти неощутимо пробежавших с событиями в Железной Цитадели!

А Райвол продолжал колебаться: одно дело — отвечать лишь за себя, другое — за вверенных бойцов. В подобном случае запущенной героичности остро требовалось хирургическое вмешательство Тьмы.

Паж дёрнул Райвола за рукав:

— Если не уничтожить «Копьё Тьмы», всё бессмысленно.

Райвол, глубоко вдохнув, кивнул.

Диверсанты Сопротивления продолжили путь на север — к Безнадёге, но уже без трёх участников: Винд, Дэш и Повелитель Тьмы, которому всё же смогли найти костюмчик менее приметный, чем наряд королевского пажа Васки, свернули на восток. Это произошло на первой же стоянке. Теперь им предстоял переход длиной в несколько дней, и весь предсказанный Тьмой дискомфорт состоял исключительно в болтовне Райдера.

Как ни смешно, а всё большую симпатию у Повелителя вызывал пусть раздражающе-улыбчивый и бесконечно-позитивный, но невероятно-привлекательный в своей молчаливости Райвол! Впрочем, Дэша тоже можно было терпеть — настоящего беспокойства он не вызывал. И даже отсутствие тёмных сил совершенно ничего не значило для исполнения планов Тьмы.

Было, конечно, неприятно это признавать, но Повелителю почему-то казалось, что двое рослых крепких парней рядом не дадут ему пропасть в дороге...

По-хорошему, конечно, чтобы явиться к «Копью Тьмы» готовым к задуманному действию, стоило сделать крюк, и заглянуть в Тронный город. Там можно было восполнить свои силы, причастившись из этого «котла» — сама столица существовала для этого, но подобное не укладывалось в план. Да и у «Копья» имелись собственные «резервы». Тысячи рабов трудились над созданием совершенного оружия Императора — в итоге, им предстояло отдать Вечной Империи не только свои физические силы, но и нечто большее. Свою энергию — эссенцию жизни. По жалкой крупице с каждого, но в сумме — щедрый дар!

Достаточно для удара по намеченной цели.

Повелитель Тьмы был донельзя доволен задуманным. Его буквально распирала гордость, и он не мог сдержаться, и бросал на Винда и Дэша частые взгляды. Увы, отважные сопротивленцы не походили на напуганных предстоящей встречей с Мраком овечек. Напротив, они были чрезвычайно уверены в себе, особенно — Райдер.

Повелителю Тьмы нестерпимо, до чиха захотелось сбить с лица Дэша надменную улыбочку:

— Ты заблуждаешься, если думаешь, что нас ждёт простая прогулка.

Фраза должна была напугать Райдера, но эффект оказался другим: Дэш просто-напросто расцвёл от того, что объект его всемерного внимания первым завёл с ним беседу.

— Тогда, нам сказочно повезло, что ты с нами.

Последнее слово было произнесено таким нежным тоном, и с таким сладким выражением лица, что по спине Повелителя Тьмы прокатились широкой волной мурашки. Никакие последующие слова уже не могли прогнать накатившее на него жуткое ожидание и холодящее предчувствие неизбежной походной ночёвки...

— Ты много знаешь об этой имперской штуковине.

Потребовались серьёзные усилия, чтобы ответить:

— В Железной Цитадели я служил лично Императору...

Смотрел Повелитель строго вперёд, глядеть на Райдера было страшно. Вернее, до прилива крови к голове и жуткого головокружения страшно было увидеть на его лице нарисованное живым воображением выражение звериной алчной страсти. Дэш, однако, ничего такого не показывал, только обворожительно улыбался, упиваясь видом заалевших кончиков пажеских ушей, едва показывающихся из-под копны вечно лохматых волос.

Правда, он всё же искренне удивился услышанному — это отразилось в голосе:

— Ого! Может, ты и без брони его видел?

— Да, — Повелитель Тьмы ответил, но не без колебаний.

— Какой он? — тут же последовал ожидаемый вопрос. — Наверное, страшный и кривой? Поэтому и не показывался никогда без своих железяк...

Ответом был гневный взгляд, но из-за серьёзной разницы в росте, а также потому, что Повелитель не хотел смотреть в лицо собеседника (ведь для этого пришлось бы унижительно задирать голову), Райдер этого не увидел.

— Ну же, не томи!

Дэш не сбавлял напора, и Повелитель, всё же, уступил:

— Прекрасный в грозном величии, и совершенный во всеокрушающей мощи, — он не стал уточнять, что это описание Суверена, подсмотренное им в одной ветхой хронике, записанной во времена той империи, что существовала почти тысячу лет назад.

— Эй, я же ревную!

Дэша ответ, очевидно, не устроил. И вовсе не из-за самих слов, а из-за выражения пажеского лица, с которым они были сказаны — Райдер как раз наклонился, чтобы заглянуть собеседнику под отросшую чёлку, и всё отлично видел. Повелитель не удержался, и ответил ему взглядом — глаза в глаза: надеялся разглядеть в их яркой глубине свою победу над нахальным мятежником... Но увидел только отражение собственного лица, игривый прищур Райдера, и его раздражающую ухмылку.

— Отстань.

Повелитель Тьмы отвернулся. Больше того, он ускорил шаг, и сменил диспозицию: если раньше его место было прямо между двух мятежников, то теперь их с Дэшем разделил, словно непреодолимая стена, Винд Райвол. Райдеру осталось только картинно вздохнуть, изображая тяжкую тоску в разлуке. Изредка он, конечно, ещё выглядывал из-за плеча друга, надеясь поймать обещающий милосердное прощение взгляд, но неизменно встречал лишь холодное равнодушие и, что шло ему в плюс, отступал.

Но долго так продолжаться не могло — не позволяла неуёмная натура. Вечером, когда они остановились на ночлег, Райдер снова перешёл в атаку. Благо, обстановка позволяла: они сидели в весьма тесном «кругу», перед небольшим костерком, а вокруг простирались только залитые холодеющим сумраком каменистые холмы, покрытые редкими деревцами, да кустарники. Пламя весело горело, и в его отблесках без того рыжий дьявол Райдер выглядел особенно опасным. Повелитель хотел бы, конечно, оказаться от этого придурка как можно дальше, но так уж вышло, что он оказался зажат между ним и Райдером, и ясно ощущал жар их рослых, мускулистых тел.

Бежать было некуда... А Дэш, следуя намеченному плану «наведения мостов», пользовался этим, и вёл со всех сторон атаку на пажу. Прежде всего сопротивленца интересовало так до сих пор и не добытое имя его «сердечного интереса». Вопрос этот уже давно мучил Райдера, и он, как истый ловелас, терзался, что не мог добыть даже этот весьма скромный трофей. Теперь же для него были созданы все условия, и он взялся за дело всерьёз. Настолько, что даже Райвол, наклонившись к самому уху Повелителя, шепнул:

— Он ведь не отстанет.

Винд тоже не получил ответа на вновь поднятый Дэшем вопрос, но, в отличие от друга, не настаивал: считал, что захваченному по факту против воли парню требуется время, чтобы привыкнуть, что он теперь с Сопротивлением. А вот у Райдера была цель, и он готов был

прорываться к ней любой ценой.

— Ну, хотя бы первую букву имени! — зашёл с другого фланга Дэш.

Даольше теперь этот балаган было невозможно. Кое-как вырвав плечи из тисков двух мятежных тел (тела, при этом, выказали явное неудовольствие...), Повелитель наклонился, и подобрал лежащую у ног ветку. Ею он молча вывел на земле все две простые линии — прямую и дугу: "D".

— Ди, — озвучил довольный Дэш. — Уже неплохо. И сойдёт за имя.

Часть 22. Последний Бастион

События в Железной Цитадели дорого обошлись Вечной Империи. Они поставили её перед непростым испытанием, фактически — обесценили: заставили встать в один ряд с другими «империями». Для их «императоров» подобные тревожные времена могли стоить немало сил, крови, короны, а может — даже головы. Но для настоящего Императора это было всего лишь неудачно. Может — весьма неудачно, но же — далеко не фатально. В конце концов, Он — не то же, что эти горделивые наследные монархи. Пусть за ним нет голубой крови многовековой выдержки, выдающейся родословной и красивой семейной легенды, но у него есть нечто большее...

Он — Повелитель Тьмы! Единственное чадо и сокровенный любовник предвечного льдистого мрака, рождённый из глубин этого беспроглядного океана, простёршегося за гранью мира. Он — владыка его течений, сумеречное божество Сил.

Вот что действительно важно.

Император созидает Империю руками людей военной службы. Они — его надёжное оружие, или выверенный инструмент, пригодный для строительства конструкции железной власти — той колоссальной башни, крепости до небес, на вершине которой утверждается Вечный Трон.

В деснице Повелителя Тьмы — иное орудие. Не меч, не молот, скорее — кисть, или перо, которым на холсте мира вычерчиваются прекрасные в своём тёмном безумии узоры: прообразы грядущей Империи, или даже зыбкие, но манящие своим хитросплетением наброски тех путей, что ведут к подножию престола.

Фанатики!

Пока «люди Империи» служат Императору за честь и славу, за золото, за идею и мечту о новом дивном мире, словом — опираясь на ясное, поддающееся осмыслению и пониманию, фанатики склоняются пред волей Повелителя Тьмы по зову своей беспросветно больной души. Их верность вне разумного. У них лишь один недостаток: фанатизм никогда не приносит окончательной победы. Той, что утверждается до конца времён. Они способны лишь на кратковременный успех, поэтому на их плечах не выстроишь по-настоящему Вечную Империю. Но, привычные к холоду и мраку, они голыми руками вырвут из земной тверди камни, ногтями выцарапают землю — проложат подземные лабиринты, камеры и коридоры, что станут корневищем грядущего железного царства. Их порождённым в тайне детищем станут два близнеца: злокозненное коварство и предательское убийство — соединённые в инцестуальной связи плоть и кровь заговора. И как ни вырывай этот «сорняк» из почвы, как ни выжигай, как ни трави, из мельчайшей части вырастет и вновь обратится в само себя новое ядовитое растение.

Со временем.

И снова возникнет секта — люди, спаянные в единое тело и единый дух слепой верой и преклонением. Те, кто за призвание и единственную жизненную цель почитают возможность склонить свои спины, чтобы по ним вышел из сгустившихся сумерек их Повелитель...

Чтобы заявить миру о своём возвращении.

Громогласно и жестоко.

Триумфально.

— Что это за уроды?

Из укрытия, из темноты забитого ящиками переулка, был хорошо виден кусок широкой улицы. По ней двигалась колонна людей — наголо обритых мужчин и женщин в одинаковых серых робах. На них не было ни цепей, ни ошейников, но по лишённым эмоций бледным лицам и безжизненно-механическим движениям становилось ясно — едва ли они здесь по собственной воле. Но спрашивал Райдер не о них. Его интересовал конвой: жуткие кряжистые великаны, раза в два выше человека, с неподъёмного вида глефами и протазанами в огромных лапах. С ног до головы чудовищ покрывала багровая броня, которую, словно в насмешку над пышными одеждами старинных королевских гвардий драпировали тяжёлые складки алых плащей. На головах конвоиров сидели уродливые рогатые шлемы, из-под низких козырьков которых едва виднелись скрытые глубокой тенью черты скуластых морд.

— Зомби-воины Императора.

Повелитель Тьмы не уточнил, что перед ними — сплав тёмной алхимии и не менее тёмного колдовства. Бывшие люди, прошедшие через болезненный процесс мутаций и пыток: к ним применили те же препараты и технологии, что разработал для выведения своих Тварей лорд Истрим. Только вот зомби-воины создавались в тайне от апофикара, в тайне от всей Вечной Империи — руками фанатиков-сектантов, которым Повелитель Тьмы передал разработанные в Железной Цитадели алхимические секреты.

Лаборатории Последнего Бастиона работали не хуже.

Один из сектантов как раз семенил следом за колонной рабов-строителей. Это была жалкая на фоне зомби-воинов фигурка, наглухо замотанная в ритуальные красные одежды. В руках служителя тлела и курилась чёрным дымом палочка благовоний.

Кто касается самих чудовищ — они превзошли всё ожидания Повелителя: огромные, сильные, не знающие усталости и сомнений. Алхимия выжгла из них всё человеческое: воспоминания, эмоции, страсти. Она уничтожила их личности, и отняла право выбора, превратив в живые орудия чужой воли. У них не осталось даже инициативы, только бесконечная покорность, молчаливое ожидание приказа — единственно способного наполнить их жуткое в своей зияющей пустоте существование смыслом.

Как раз поэтому и поспевал за рабами и их стражниками сектант: палочка благовоний в его руках была не просто элементом ритуала. Это было орудие контроля. Тот, кто держал подобную палочку, кто окуривал зомби-воинов колдовским дымом, мог повелевать ими...

Глядя из укрытия на своих жутких солдат, и на их алого «погонщика», Повелитель Тьмы испытывал настоящее удовольствие. И гордость. Не за существ — за себя. За свою предусмотрительность...

Что же, Вечная Империя могла расползаться, разваливаться на тысячу осколков — это не имело значения. У Повелителя оставалось «Копьё Тьмы», за чью сохранность можно было не переживать. Для этого всё было устроено. Да, ресурсами проект питала Вечная Империя, но чем ближе к нему, тем меньше становилось людей в имперской униформе. Вместо них вставали гильдии с мутной историей, частные лица со странно блестящими глазами, укрытые тенями представители и связные с тревожно-дребезжащими голосами. И, наконец, сами фанатики-сектанты и их порождённые алхимией и колдовством солдаты — идеальные стражи для совершенного оружия террора. Гарант сохранения власти

Императора.

Главное — вовремя взять всё в свои руки. И Вечная Империя укрепится снова. С первым же ударом «Копья Тьмы».

Вот оно — триумфальное возвращение, задуманное Повелителем.

В Последний Бастион, к воротам «Копья Тьмы», шли поставки со всей Вечной Империи: из внутренних провинций, из вновь покорённых земель, даже из внешних протекторатов. Всё, что давали шахты, мануфактуры, мастерские и лаборатории свозилось по секретным маршрутам сюда. Ресурсов, деталей и материалов было столько, что склады не вмещали всего: на улицах громоздились бесконечные штабеля ящиков, сундуков и бочек. Меж них бродили рабы. Они разбирали, сортировали и вновь возводили эти импровизированные баррикады, определяя, что отправится на великую стройку в первую очередь, а что — во вторую, третью, четвёртую.

И всюду — зомби-воины.

Их полные желчи и крови глаза зорко надзирали за происходящим, выискивая любое отклонение от нормы. Время от времени какой-нибудь из забитых, серых рабов ронял тяжёлый груз, или спотыкался, выбиваясь из слаженной цепочки действий своих собратьев по несчастью, и тут же один из жутких великанов оказывался рядом. Он хватал человека в свои лапы, и куда-то уводил, чтобы вернуться в одиночестве.

Иногда мимо стражников проходили сектанты с тлеющими палочками благовоний в руках. Они чертили в воздухе дымные знаки, что-то шептали, и вскидывали руки в колдовских жестах. Безликие в своих алых одеждах, они вызывали странную тревогу.

Дэш и Винд следили за происходящим с хмурыми лицами. Та лёгкость, с которой они проникли в Последний Бастион, поселила в них ложную надежду, которая теперь быстро тонула в трясине реальности.

Пользуясь знаниями Повелителя, они легко обошли все преграды и отыскали путь к этой горной твердыне, и проникли внутрь с одним из караванов снабжения. За узким мостом над бездной, за внешними неприступными укреплениями лежали лабиринты улиц, проложенных через хаотичные нагромождения барачных и складских помещений. Это было царство ржавяющей стали, посеребрившей древесины и мшистого камня. По всему выходило, что никто не планировал возводить здесь «город», который сохранится в веках. Или на жилищах для рабов просто-напросто нещадно сэкономили, как и на складах, которые должны были утратить свою актуальность с завершением великой стройки. Но за убогими навалами недавних хибар высилось строение действительно колоссальное. Монументальное. Это была «Стена» — древняя, ещё времён Суверена цитадель. Сложенная из монументальных каменных блоков, она протянулась от горы к горе, заслонив своим непробиваемым, непоколебимым телом вход в тайную долину... Ту самую, в где готовилось войти в полную силу «Копьё Тьмы».

И именно туда лежал путь трёх диверсантов.

Но было в Последнем Бастионе ещё одно заслуживающее внимания строение. По своей архитектуре оно разительно отличалось от браков, и от «Стены», к которой примыкало. Утончённое и возвышенное, но уловимо агрессивное, оно устремлялось ввысь витыми шпилями, каскадами аркад и рёбрами контрфорсов.

Это был Собор — место, где сектанты творили свои чёрные мессы в честь Повелителя.

Чем ближе к нему, тем больше зомби-воинов встречалось на улицах, и тем суетливее оказывались рабы. Пробираться мимо них становилось всё труднее. Было лишь вопросом времени, когда диверсанты «попадутся».

И это случилось.

Одно неосторожное движение чрезмерно любопытного Райдера, и грохнувшийся с невообразимым шумом ящик привлёк внимание зомби-воинов. Сразу несколько громадных образин двинулись к источнику беспорядка. Дэш только виновато развёл руками. Повелитель, конечно, хотел высказать рыжему несчастью, что он думает по этому поводу, но не успел. Да и не смог — дыхание резко перехватило, когда его грудь крепко обхватила чья-то мускулистая рука.

Слабо трепыхаясь под мышкой Винда Райвола, рассуждать о чужой непутевости было уже не серьёзно. Можно было только молча сетовать на свою коротконогость, и завидовать той быстроте, с которой его спутники поскакали по тесным переулкам, норовя уйти от нежеланной погони.

Зомби-воины, однако, не отставали, что для столь громоздких существ было удивительным. С другой стороны, они просто шли напролом. Им нипочём были ни груды ящиков, ни суеящиеся под ногами рабы. Они молча и без раздумий давили или откидывали в сторону и тех, и других. Несколько мужчин и женщин в серых робах оказались отброшены с такой силой, что уже не поднялись. Только кровь растекалась вокруг.

— Не отстают! — прокомментировал происходящее Райдер, чем заслужил гневный взгляд двух пар глаз: Райвола, я трясущегося у него в руках Повелителя. Дэш послушно заткнулся, и продолжил бег.

Винд скакал по ящикам, лестницам и парапетам с удивительной ловкостью. Особенно для человека, отяжелённого пусть и не большим, но живым грузом. И всё же — время от времени он с силой ударялся об углы и выступы железных стен. Но ни один удар не пришёлся по Повелителю — этого Райвол не допускал, выворачиваясь так, чтобы всё синяки доставались только ему.

Однако удача бравого героя закончилась, когда перед ним встал зомби-воин — жуткая глефа рассекла воздух, и с треском вонзилась в камень прямо у ног Райвола. Чтобы уйти от удара и выскользнуть из лап врага, ему пришлось расстаться со своей ношей.

Миг — и Повелитель Тьмы отправился в полёт... Чтобы оказаться в руках перенявшего «эстафету» Дэша Райдера. Винда, оставшегося один на один с зомби-воином, они почти сразу потеряли из вида, свернув в очередной проулок.

Дэш не уступал другу ни в ловкости, ни в скорости — он так же умело продирался через завалы ящиков, через узкие проходы и лавировал между бараками. Но при этом ещё и умудрялся выглядеть так, будто погулять вышел:

— Составишь мне компанию? — подмигнул он Повелителю, поймав его в свои руки.

Заметив очередной узкий боковой проход, Дэш нырнул туда, и вжался в стену. При этом, бесценную ношу пришлось выпустить из-под мышки, но обрести настоящую свободу ей не позволили. Чужая ладонь уверенно легла Повелителю чуть пониже спины, и придала нужное направление. Своеобразный толчок был такой силы, что он, падая вперёд, вынужденно искал рукой опору... и нашёл. Ею оказалась крепкая мужская грудь Райдера. Через мгновение в эту же грудь уткнулось и лицо Повелителя, и вообще он всем телом оказался прижат к мятежнику, и надёжно зафиксирован его отлично чувствующей себя на чужих ягодицах ладонью.

Повелитель хотел было возмутиться, но Дэш жестом призвал к молчанию — за углом, громокая железными сапожищами, протопали зомби-воины...

А через миг откуда-то сверху свалился немного потрёпанный, запыхавшийся, но вполне живой и целый Винд. Как видно, схватка с зомби-воином прошла для него более или менее успешно. Опустившись прямо на землю, он стал переводить дух.

— Теперь пробраться дальше станет ещё сложнее.

Повелитель задрал голову и с удивлением посмотрел на Райдера — лицо мятежника было необычно серьёзным.

— Пожалуй, — Райвол даже говорил тяжело, ему всё ещё не хватало воздуха.

— Пошли, — Дэш с явной неохотой выпустил Повелителя з своих рук, и помог Винду подняться. — Нужно уходить, пока эти уроды не вернулись.

Они правда собирались продолжить путь, но, повернувшись, все трое невольно вздрогнули... Перед ними стояла женщина — старуха с зеленовато-серым морщинистым лицом и косыми глазами. Поверх обычной, но очень поношенной серой робы, она носила безразмерный засаленный плед.

— Эм... Кто вы? — Винд пришёл в себя первым.

— Помощь, — скрипнула старуха, и указала скрюченным пальцем с длинным жёлтым ногтем в сторону одного из боковых проходов.

— Что вы...

— Помощь, — повторила старуха, и поплелась в указанную сторону, демонстрируя диверсантам сгорбленную спину.

— Знаете, вам не кажется... — Райдер явно был не впечатлён, — что она немного не того?

В дополнение к своим словам, мятежник ещё и покрутил пальцем у виска, и добавил:

— И выглядит она не очень. Я бы за не шёл.

Подобное суждение вызвало полный неодобрения взгляд Винда:

— Внешность не главное. Главное — что нам предлагают помощь. Прояви уважение.

— Я и проявляю. К нам. Кто она, и откуда взялась? С чего бы ей вообще помогать нам?

Ты на неё посмотри только!

— Тише, — попросил Винд. — Не думаю, что ей здесь хорошо жилось.

— И другим рабам тоже, но я что-то не заметил у них страстного желания помогать всем вокруг.

— Помощь, — окрикнула их из переулка старуха. Она уже успела довольно далеко отойти, и теперь, обернувшись, звала диверсантов за собой, снова указывая скрюченной лапой вперёд.

— Ладно, — сморщил нос Дэш, отступая перед полным негодования взглядом друга, — Но я предупреждал. Не жалуйся потом.

Странная старуха вела их какими-то окольными путями, совсем тёмными и узкими улочками, где никого не было: ни рабов, ни зомби-воинов, ни сектантов. Только грязь, какие-то ржавые обломки и трухлявые ящики. Но, надо сказать, двигались они в нужном направлении: «Стена» становилась всё ближе, всё больше, и нависала теперь над ними, как и громада Собора. Райвол с торжествующим видом указал на это, Райдер только отмахнулся:

— Ещё посмотрим.

Идущая впереди старуха начала озираться, прильнула к стене, стала шарить по ней своими ладонями, подносила в ржавому железу крючковатый нос и шумно втягивала воздух,

выискивая только ей известные запахи. Наконец, она остановилась перед одной из панелей, навалилась на неё, толкнула... и та отошла в сторону, открывая чёрный проход в неизвестность.

Через миг старуха уже скрылась там, только донеслось знакомое:

— Помощь...

Поколебавшись, диверсанты нырнули следом.

В помещении до горечи на языке пахло железом, и было темно — едва угадывались силуэты наваленных всюду ящиков. Старухи не было и следа, только где-то впереди слабо слышалось:

— Помощь, помощь...

— Может, ты и был прав.

Подрастерявший оптимизм Винд обращался к Дэшу, который уже и сам был не рад своей догадливости, но ответ пришёл с неожиданной стороны. Они как раз выбрались на широкое открытое пространство, чуть освещённое льющим через отверстие в крыше светом, когда прозвучало жёсткое:

— Прав.

Чёрная с изумрудным отливом тень встала перед диверсантами, преграждая путь. Ещё шаг, и в столбе света предстал Гарвда Лус — охотник за головами в носфератическом доспехе. Руки его сжимали парные клинки.

Часть 23. Воин в носфератической броне

— Неразумная неосторожность.

Странный, искажённо-железный голос Луса наводил на мысли, что под изумрудно-чёрной бронёй скрывается вовсе не человек. Быть может, там вообще никого не было, или наёмник давно перешагнул грани человечности... Ведь ходили же байки, будто Гарвда — последний из Легиона Тагра. Только вот тогда выходило, что ему уже больше тысячи лет, он видел возвышение и падение Суверена, сам служил под его знамёнами, прошёл Великие Войны и Годы Возрождения, и теперь исполнял контракт уже новой Империи и её мёртвого Императора.

Винд Райвол видел куда как меньше. Что уж там, порой казалось, что из всех воспоминаний остались лишь воспоминания последних лет — о войне с Вечной Империей. И сейчас сопротивленец надеялся, что все гуляющие по миру слухи о Лусе — всего лишь слухи, ведь он не представлял, как бороться с существом, наделённым железным бессмертием.

Наёмник не предпринимал никаких действий.

— Наша общая знакомая, — произнёс Лус, — прихожанка местной секты. Они не жалуют гостей.

Забившаяся в дальний угол старуха, услышав, что говорят о ней, вытянула из тени шею — длинную, как у козы, и такую же мохнатую — сплошь покрытую белым пухом. Выпучив нездорово-белесые глаза, она всматривалась в происходящее, и выбившаяся из-под покрывала седая прядь, упав на желтоватое лицо, колыхалась в такт прерывистому дыханию. Сейчас Райвол и впрямь не понимал, как он мог решиться последовать за ней. Но думать о предательнице было некогда. Винд вышел вперёд:

— Ты опоздал: Император мёртв, и уже никто не заплатит тебе за наши головы.

— Возможно, — согласился Лус, но только с первой частью слов мятежника. — Но имперские военачальники остались. Думаю, они устроят аукцион за право казнить убийцу их Императора.

Райволу пришлось признать правоту этих слов:

— Да. Жаль, что нельзя казнить меня несколько раз — это увеличило бы твою награду.

— Действительно. Но я обещаю, что тщательно подойду к выбору покупателя.

— Благодарю.

В руку Райвола лег верный лук.

— Рад, что ты не сдаёшься, — Лус одобрительно кивнул. — Так интереснее. Хотя смысла всё равно нет.

Фраза ещё не отзвучала, а наёмник уже сорвался с места. Рывком преодолев разделявший их с Райволом полумрак. Парные клинки сверкнули сталью. Винд, кувырнувшись, ушёл в сторону, и, припав на колено, сделал выстрел. В упор. Стрела бессильно скользнула по массивному наплечнику, не оставив даже царапины.

Лус усмехнулся: легендарная носфератическая броня хоть и выглядела потрёпанной, не утратила своих качеств. Она, конечно, уступала Доспеху Императора, но всё равно находилась далеко впереди любых известных средств защиты.

Легион Тагра не зря называли бессмертным.

Райвол печально вздохнул: бой обещал быть тяжёлым. А уже через миг мятежник

пришлось стремительно отпрыгнул в сторону — он едва ускользнул от смертоносных лезвий.

— Уходите, — крикнул он Дэшу. — Я вас догоню.

Райдер был не согласен. Задвинув «беззащитного» пажа за спину, он готовился к бою — в его руке сверкал короткий клинок.

— Уходите, — повторил Винд, которому повезло забраться повыше, на гору ящиков, всего лишь на миг обогнав скользнувший у него под самыми сапогами клинок Луса.

Дэш поморщился: как бы ни чесались кулаки, он признал — в ближнем бою ему нечего было противопоставить закованному в непробиваемую броню и вооружённому длинными парными клинками наёмнику. Его весёлую жизнь прервал бы первый же пропущенный выпад. У Райвола, пока ему удавалось держать дистанцию, оставался хоть небольшой, но шанс...

А пока Дэш колебался, из-за его спины поединок, или вернее — кульбиты Винда, наблюдал Повелитель Тьмы. И, к своему безграничному удивлению, наблюдал с трепетом в сердце. Хотя сам предпочёл бы назвать это «смешанными чувствами».

С каждым взмахом оружия Луса в Повелителе росло и крепло... переживание за Райвола!

Больше того! Он искренне желал ему победы. Не из-за симпатии, конечно! И не из-за каких-то сентиментальных чувств... Просто, фиаско в Железной Цитадели больно ударило по императорской гордости, и не было никакого желания получить новую пощёчину, увидев, как всё того же ненавистного мятежника сокрушит какой-то наёмник! Пусть это даже лучший наёмник в целом свете.

Нет уж, Винд Райвол принадлежал только Повелителю Тьмы!

Увы, полностью насладиться тревожно-нездоровым переживанием за заклятого врага не вышло: он снова оказался в чужих надёжных руках.

— Винд справится, погнажи, — шепнул ему на ухо Дэш, и они правда побежали. Вернее, побежал Райдер, а Повелитель просто позволил мятежнику тащить себя.

Правда, случилось небольшая заминка.

Когда они пробежали мимо старухи, та, выскочив из тени, схватила своими когтистыми лапами пажескую лодыжку, и потянула на себя. Но тут же получила сокрушительный удар другой ногой: каблук врезался сектантке прямо в морщинистый лоб. Раздался противный, сопровождающийся хлюпаньем хруст, и старуха, выпустив добычу, осела.

Райдер, даже не заметил помехи.

— Твои друзья ушли, но ты — не уйдёшь, — прокомментировал бегство двух из трёх диверсантов Лус. Своими клинками он последовательно разбивал все ящики, до которых мог дотянуться, вынуждая Райвола постоянно перемещаться в поисках новой опоры и позиции. На пол сыпались какие-то шестерни, прозрачные цилиндры, трубки, и совсем уж непонятные конструкции из стекла и железа. Некоторые из них с жалобным звоном разлетались на тысячи осколков. Наёмнику было наплевать — он продолжал методично лишать противника возможности занять удобную для стрельбы позицию. Впрочем, Винду всё равно бы ничего не дали бы ни расстояние, ни высота — его стрелы отскакивая от носфератической брони, не нанося Лусу никакого вреда.

Между тем, стрелы в колчане были вполне конечны.

— Храбро, но бессмысленно сражаться, — Лус отлично понимал ситуацию. — Тебе не победить.

Одним взмахом клинка охотник играючи перебил одну из металлических подпорок, и тут же перед ним с грохотом обрушилась целая секция забитых пыльными ящиками мостков, на которых нашёл укрытие Райвол. Мятежник полетел вниз. Ударившись спиной о какую-то гнутую железяку, он растянулся в ногах наёмника.

— Я же говорил.

Подхватив Райвола за шкуру, Лус оторвал его от земли, за что получил ответный удар — локтем в грудь. Увы, этого он даже не заметил, а вот Винд сморщился от боли: для пробития крепкого нагрудника одной человеческой силы было мало.

— Ты отправишься со мной, — оповестил бессмысленно трепыхающегося мятежника наёмник...

А в следующий миг обоих окатило волной пыли и мелких обломков. Это разлетелась в щепки складская стена, и если Райвол в первые мгновения, когда всё вокруг залил ослепляющий свет, ещё надеялся, что это явился на подмогу Райдер, то очень быстро разочаровался.

В проломе, заслоня свет, встали две огромные фигуры — императорские зомби-воины.

Лус, свободной рукой стряхнув с плеча кусок стены, шагнул им навстречу. Райвола он при этом из хватки не выпустил.

— Что вам? — в голосе наёмника звучало неприкрытое недовольство. — У меня договор с вашим хозяином.

Впрочем, зомби-воины его едва ли поняли — они только тупо раскрывали широкие прорезы чёрных ртов, да мычали что-то нечленораздельное, пуча наполненные гноем глаза. Но из-за их широких спин показалась жалкая фигурка в алом балахоне, заструился чёрный дым от тлеющей палочки благовоний, и хриплый голос прокаркал:

— К Епископу...

К Собору Последнего Бастиона примыкало несколько малых капелл — высоких башен-шпилей, отведённых каждая под особую тайную мессу. В одну из них зомби-воины привели Гарвду Луса и Райвола. Там, под теряющимися в темноте ребристыми сводами, их ждали. Вперёд шагнула фигура в пышных пурпурных одеяниях жреца. Как и у рядовых сектантов, они скрывали всё тело, даже лицо. Впрочем, Райвол был уверен, что так только лучше — он вовсе не хотел видеть глаза людей, встречающих гостей своими тёмными напевами и колдовскими нащёптываниями.

Вокруг Епископа сновали его младшие сослужители, и на втором ярусе капеллы, на идущей кольцом арочной галерее их собрались целые хоры. Все в кроваво-красном, все одинаковые: видом, движениями, голосами.

Действительно единое тело безумного фанатизма.

Но на Гарвду Луса это мрачное великолепие не произвело никакого эффекта:

— Мне казалось, мы всё решили при первой встрече. На вторую я не рассчитывал.

Его грубый, надменный тон не понравился Епископу — в резких, отрывистых движениях рук служителя, весьма похожего на нервного дирижера, читалось в том числе болезненное восприятие реальности, и нездоровое внимание к собственной важности.

— Планы поменялись, наемник, — голос Епископа дребезжал. — Ты не верил, но могущество Тьмы... безгранично!

На хорах сектанты торжественно пропели свой нечестивый псалом.

— И оно явило себя, — задыхался от переполнявших его эмоций Епископ. — Повелитель Тьмы... здесь! Сейчас! Он заберёт свой приз...

Лус даже не шелохнулся:

— Ты свихнулся, жрец. Император мёртв, и я не собираюсь слушать твои проповеди. Я ухожу.

Наёмнику пришлось повысить голос, потому что его почти заглушил возмущённый шелест красных мантий и новый хоровой возглас.

— Нет. Нет!

Епископа качало, словно в бреду. Своими руками с неестественно гнущимися, будто ломающимися пальцами он чертил в воздухе тайные знаки. Очевидно, повинувшись некоторым из заклятий, шагнули вперёд зомби-воины, и один из них опустил лапу на плечо наёмника. Райвол, стоявший рядом, всем телом ощутил нарастающее напряжение.

— Ты увидишь... — вскрикнул Епископ, — увидишь!

Служитель уже не походил на мотающегося безумца, теперь его можно было сравнить с тонким деревом, которое треплет и шатает могучий ветер — в капелле и впрямь появилось сильное воздушное течение, и стелящийся чёрный дым, и всполохи багровых искр, змеящиеся по высоким колоннам и пилястрам. Не нужно было иметь диплом Оккультного Синода, чтобы почувствовать восстающее из теней колдовство. Холодное, злое. На хорах сектанты затянули новое заклинание.

— Увидишь!

В голосе Епископа звенела угроза. Вот только Гарвда Лус оставался невозмутим, и будто даже заскучал. Спокойно повернувшись к держащему его зомби-воину, он чётко произнёс:

— Отпусти меня, урод.

А когда монстр, что естественно, никак не отреагировал, один из парных клинков наёмника, свергнув молнией, разрубил туго обтянутые жёлтой кожей мускулы, жилы и кости, спаянные с тяжеловесной багровой бронёй. Лапа зомби-воина, пытавшегося удержать свободолюбивого охотника за головами, упала на землю. Из вскрытых вен и сосудов полилась похожая на гной тёмная жижа. А в следующее мгновение всё тот же клинок разодрал пурпурные пышные одежды, кожу, мышцы и саму грудную клетку следующей жертвы.

Епископ издал безумный вопль.

— Не помогли чары? — зло усмехнулся наёмник, наблюдая, как труп безумного жреца, булькая кровью, повалился на каменные плиты капеллы.

Пытаясь подчинить и затуманить разум Гарвды Луса, пастырь нечестивого культа, как видно, не подумал, что опытный охотник за головами — не то же самое, что запуганные и закованные в тяжкие цепи рабы, которых он лишал свободной воли, принуждая трудиться на великой стройке Вечной Империи.

Сектанты на хорах, словно стая кровавых летучих мышей, кинулись в рассыпную. Никто и не подумал воспользоваться одной из контролирующих благовонных палочек, чтобы отдать приказ зомби-воинам — жуткие стражи остались стоять, безмозгло разглядывая выпученными глазами скорчившееся тело Епископа.

Но Лусу было не до пустяков. Оглядываясь, он искал подходящий путь для отступления. Из капеллы их вело несколько: не только в город — тот, по которому они пришли, но и другие — в Собор, в подземные лабиринты и в «Стену».

— Не слишком-то у вас дружеская беседа вышла, — прокомментировал произошедшее Райвол. Он давно попытался бы сбежать, воспользовавшись случаем, но опасался, что со связанными руками это будет сделать непросто.

— Я не дурак, — повернувшись ответил Лус. — Если бы Император правда был жив, он не допустил грызни. Я не стану лезть в имперские игры с переодеванием. И не позволю фанатикам лезть в мою голову. Наш план не изменился — мы выберемся отсюда, и я отдам тебя тому, кто больше заплатит.

— Как скажешь, — пожал плечам Винд, — Но с чего-то ведь он решил, что Император жив?

— Если ты не понял, это фанатики, убеждённые в своём призвании служить Повелителю Тьмы. Они могли любую тень принять за явление своего господина. Пошли.

Лус, очевидно, определился с дорогой.

— Мы не можем бросить Райвола.

Повелитель Тьмы сам не верил, что произнёс эти слова, и произнёс искренне. А ещё: он отказывался признать, что в живот ему увесисто и серьёзно упирается пах Райдера... Благо — через одежду! А сам он дышит этому же самому рыжему демону в уже не столь прикрытую чем-либо грудь.

Увы, дыра, куда они забились, чтобы укрыться от возможной погони и перевести дух, была слишком тесной для двоих. Но Райдер, очевидно, никакого дискомфорта не испытывал: его руки прикрывали плечи Повелителя, и с уст в лохматую макушку срывалось горячее дыхание.

— Верно. Но есть две закавыки.

Последовал вопросительный взгляд, на который мятежник поспешил ответить.

— Первая: где искать Винда.

Будучи из-за тесного контакта с Дэшем не в состоянии поднять рук, Повелитель мотнул головой в нужном направлении. С его точки зрения, это было очевидно:

— Там.

Глянув на нависающую над ними громаду Собора, Райдер согласно кинул:

— Допустим. Но есть вторая закавыка: как нам туда пробраться?

Повелитель хотел было ответить, но не успел.

— Ладно, — Райдер снова походил на самого себя: самовлюблённого самоуверенного негодяя, — ради твоего спокойствия, я спасу нашего парня. Снова. Только переживай за меня так же, как за Винда, а то я начну ревновать.

Это было настолько нелепо и смешно, что Повелитель даже не сразу нашёлся, что ответить. А когда нужные слова всё-таки отыскались, и уже готовы были сорваться губ... Им помешали губы Райдера, горячие, наглые...

Поцелуй длился всего несколько мгновений.

— На удачу, — пояснил Райвол, когда эти мгновения истаяли. Схватив всё ещё поражённого до непроглядных глубин своей темной души Повелителя за руку, он ринулся из укрытия наружу.

Часть 24. Соединение путей

Рыжего дьявола ждала неизбежная смерть. В муках. Тех самых, что живём сжигают кожу, разрывают мышцы и разрушают кости, и, в конце концов, отправляют душу во мрак небытия, где ей предстоит вовеки выть от нестерпимой боли, утопая в безумии...

В океане льдистого мрака, штурмующего в ожидании высвобождения.

И глубоко в груди Повелителя обрёл новое начало незримый источник, ведущий за грань, и тёмная сила потекла по венам, мучительно выкручивая и натягивая их, наполняя кровь тягучим ядом саморазрушения. Миазматическим потоком он прокатился по телу, захлестнул застучавшее быстрее сердце, ударил в мозг, забив его тончайшие сосуды, поразив клетки, смешав желания и память в туманной дымке колдовства...

Но Райдеру повезло.

Прилив минул, и тёмная волна схлынула бесследно.

Для беспокойного мятежника.

А Повелитель остался: освежённый этим сумеречным морем, и размытый им — словно песочный замок на каменном берегу этого мира. Силы возвратились к своему господину, обласкали, и напомнили о цене, которой куплена их тёмная любовь.

Ноги подкосились.

Райдер принял внезапную слабость спутника за испуг: едва выскочив из укрытия, они наткнулись на воинов в вычурно-дворцовой роскошной броне.

Усаживая пажа на один из ящиков, Дэш уже сжимал в руке меч:

— Всё нормально? — похоже, он и правда встревожился.

— Да, — Повелитель недовольно мотнул головой, пряча взгляд за отросшей чёлкой. — О себе лучше беспокойся — это имперские верховные защитники...

— Это им стоит беспокоиться, — на лице мятежника засверкала самодовольная ухмылка, и в глазах заискрился азарт. — Я мигом — не скучай.

Потрепав парня по голове, Райдер кинулся в бой — через секунду улицу наполнил звон стали. Высшие защитники громыхали тяжеловесными тёмно-фиолетовыми латами, размахивали длинными мечами, но бес толку — слишком уж подвижной целью оказался для них Дэш. Он почти летал, жаля врагов коротким клинком, и заставляя их нелепо дёргаться, путаясь в длинных церемониальных плащах.

Красовался.

Правда — зря: Повелитель наблюдал за происходящим отстранённо. Его занимали мысли куда более важные. Едва увидев гвардию столичного наместника, он понял, что и Доспех теперь здесь, в Последнем Бастионе, и размышлял о следующем шаге.

В целом, можно было заканчивать весь этот балаган с притворствами и беготнёй: завладеть Доспехом, и вступить в лежащую за «Стеной» долину в блеске славы, похозяйски... Но в ногах ещё не было сил. Вливающаяся в тело мощь не только окрыляла. Её было даже слишком много, и она всё прибывала. Ей становилось тесно в по-юношески скромной фигурке. Спрессовываясь, она укладывалась на тонких плечах тяжким грузом, давила к земле, словно ониксово-чёрная гора: ребристая, колющая и режущая плоть бритвенно-острыми гранями...

Чтобы снова привыкнуть к этой ноше требовалось время. Или Доспех. На железных плечах нести долю Повелителя Тьмы куда как проще. Главное — не забываться. В

сплетённой из мрака броне очень легко отдаться потоку. Утратить контроль. Взять на себя слишком много.

Такое случалось...

И хорошо, что рядом оказывался верный Истрим. Апофикару, конечно, не совладать с теми силами, что меняют Повелителя, как движения морей меняют очертания земных берегов, но целительная сила в его руках была велика. Он знал своё дело, хотя, подчас, забывался, позволяя себе больше чувств, чем пристало слуге перед лицом хозяина. Но эту слабость можно было простить. Быть может, даже не только по той причине, что в нём нуждались.

В конце концов, даже Повелитель Тьмы остаётся человеком, со своими эмоциями, простыми слабостями, симпатиями, привязанностями. И сейчас ему по-человечески стало любопытно: где же Истрим? И Браксар — тоже. Вспомнить о генерале было не мудрено: глядя на движения Райдера, его танец с мечом вокруг верховных защитников, невольно в голове возникало сравнение.

Наверное, генералу не потребовалось бы и минуты, что разметать этих игрушечных солдатиков лорда Гроуввейера.

При мысли о слегка нелепых, надоедливых, непутёвых, но искренне преданных подчинённых, Повелитель не сдержал улыбки. Правда, на свой счёт её принял Райдер. Он как раз закончил с последним защитником: рыцари остались лежать на пыльной улице Последнего Бастиона.

— Я же говорил, — Дэш вычурно-актёрским жестом вложил меч в ножны, — это им нужно было бояться.

Повелитель только молча закатил глаза, отказываясь отвечать на это бессмысленное бахвальство рыжего дьявола. Увы, дьявол всё воспринимал в свете какого-то собственного солнца. Вероятно, этим солнцем было его безразмерно раздутое самомнение.

— Ты как, в норме? — Райдер расселся на ящике рядом с Повелителем: мало того, что плечом к плечу, так ещё и беззастенчиво навалившись. — Я могу понести тебя на руках.

О том, что это ловушка, Повелитель Тьмы понял слишком поздно: лишь когда со всего маху влип в неё. Резко повернув голову к Райдеру, желая от всей души огладить его полным кипучей ярости взглядом, он сам же и открылся врагу... прижавшись лбом к его губам.

Из попытки уйти от «атаки» вышло лишь, что Повелитель потёрся щекой о чужой подбородок. Райдер был горяч, потен и колюч. Первые два пункта объяснял недавний бой, второй — пробивающаяся щетина, только легче от этого не становилось...

Мотнув головой, всемогущий повелитель армий и тёмных сил попытался сокрушить наглеца прицельным ударом головы: только потоки крови из разбитого носа могли покрыть перенесённые унижения. Но Райдер подло ушёл от атаки — и Повелитель с размаху уткнулся лицом в плечо мятежника, и тут же рука Дэша, будто только этого и ждавшего, скользнула ему по спине.

— Ты лёгкий, — шёпот Райдера лился прямо в ухо.

Только удар лохматым затылком в челюсть, пускай слабый и смазанный, заставил его замолкнуть. Повелитель Тьмы, выскользнув из вражеских лап, отскочил в сторону.

— Может, хотя бы поцелуйчик для спасителя? — Дэш с ухмылкой потирал «пострадавший» подбородок, и указательным пальцем постучал по губам. — В прошлый раз не распробовал...

И тут же получил удар ногой по голени.

— Никакого прошлого раза не было! Ты...

— Ай, — скорчил наигранно-кислую мину Райдер, — некогда обсуждать это на общем собрании, нам ещё Райвола спасать.

Последовал новый удар: всё тем же, всё туда же... Только в этот раз Дэш среагировал, и перехватил ногу Повелителя ещё на подлёте к цели. Заполучив тонкую лодыжку, он дёрнул на себя, и уже через миг мог похвастаться попавшей в его цепкие лапы добычей.

— Ты слишком милый, поэтому я тебя прощаю, — сказал он, уткнувшись подбородком в лохматую макушку Повелителя. Затем последовал печальный вздох. — Но нам правда нужно спасать Райвола, так что — потерпи.

— Вечная Империя в прошлом щедро оплачивала твои услуги, Лус, но в этот раз — всё иначе.

— Разве?

В голосе охотника за головами не было ни удивления, ни сомнения, ни беспокойства. Он звучал как всегда — надменно-безразлично. Из-за шлема понять, конечно, было невозможно, но Райвол почему-то представлял, что сейчас Гарвда Лус оглядывает стоящего перед ним в окружении свиты рыцарей одноглазого имперского офицера презрительным взглядом.

— Наши выплаты сократились, наёмник, — безапелляционно заявил лорд Гроуввейер. Он со своим отрядом прибыл в Последний Бастион недавно, и, пользуясь силами виконта Вердлема Серафа и Доспехом Императора, смог обвести вокруг пальца чрезмерно экзальтированного Епископа и его фанатиков-сектантов. Но против Гарвды Луса, с которым столкнулся в древних лабиринтах «Стены», оказался бессилён.

— Зато мои гонорары выросли. Хотите игрушку, — охотник указал на смиренно стоящего рядом Райвола, — платите.

— Слушай, ты... — Гроуввейер, которого отступление из Железной Цитадели и путь к «Копью Тьмы» изрядно вывели из себя, не был настроен на диалог.

— У нас с Императором был уговор, — не дал наместнику договорить Лус, — он — платит как следует, я — делаю дело.

— Теперь за это отвечаю я, наёмник, — вскинув подбородок заявил Гроуввейер. — Весь авторитет Императора теперь на мне...

Несдержанный смешок Райвола заставил Гроуввейера прервать напыщенную тираду, и смерить мятежника взглядом своего единственного глаза.

— Мы казним тебя аккуратно, Райвол.

— Премного благодарен.

— О, не стоит, — на лице наместника возникла садистская ухмылка, — я просто хочу, чтобы чучело, в которое мы тебя превратим, выглядело как можно лучше. Так ты сможешь искупить свою вину перед Вечной Империей: мы будем возить тебя от города к городу, чтобы внушить страх всем бунтовщикам, вроде тебя.

— Ещё лучше, — мотнул головой Винд.

— Посмотрим, как ты запоёшь, — Гроуввейер раздражённо повернулся к Лусу. — Отдай мятежника, наёмник, и мы благополучно забудем, что ты убил императорского Епископа!

— Плати, и получишь.

— Как... недальновидно.

Наместник намеревался отдать приказ своим людям, но ещё раньше, чем жест был завершён, Лус схватился за клинок. Лишь один из гвардейцев Гроуввейера успел среагировать. Заслонив командующего, имперский верховный защитник попытался отразить атаку. Он выставил вперёд свой длинный меч с раззолоченным эфесом, но Лус с лёгкостью отвёл его в сторону одним клинком, а вторым рассек имперца от плеча до бедра. Исковерканный труп в разодранной тёмно-фиолетовой броне повалился на землю.

— Убейте его! — пришёл в себя Гроуввейер. — Убейте обоих.

Но рыцари не спешил бросаться в атаку: парные клинки сулили смерть, и защитники старались взять наёмника в широкое кольцо. Вот только мало кто хотел вставать с Лусом лицом к лицу.

— Может, мне помочь? — Райвол, которого ситуация малость напрягла, показал наёмнику свои связанные руки.

Попытка освободиться не прошла.

— Я справлюсь, — резким выпадом Лус разбил череп одного из гвардейцев — не помогли ни шлем, ни воинское искусство.

— Как знаешь, — Винду пришлось потрудиться, чтобы ускользнуть от атаки двух гвардейцев, решивших начать исполнение приказа с наименее опасной цели. — Но, если меня убьют, и ты не сможешь получить награду — меня не вини.

— Договорились, — Лус смял очередного верховного защитника. Впрочем, в зале их оставалось ещё достаточно. Больше того, там присутствовали и солдаты имперской армии: самые расторопные уже наводили арбалеты на охотника, надеясь, что болты смогут пробить носфератическую броню. Винд, старавшийся держаться за спиной наёмника, заметил их первым. Вовремя пригнувшись, он услышал, как снаряды с силой ударили в чёрную с изумрудным отливом сталь. Через мгновение мелкие осколки и щепки — всё, что осталось от арбалетных болтов, — осыпали Райвола. На броне охотника запечатлелись только едва заметные вмятины.

И тут на глаза сопротивленцы попался меч одного из мёртвых верховных защитников.

Воспользовавшись моментом, пока Лус гонял по залу имперцев, Винд успел освободит руки и обзавестись оружием — теперь можно было подумать и о спасении... И почти сразу в присмотренные Райволом спасительные двери, к которым он начал постепенно прорываться, ворвался новый отряд имперских солдат: на подмогу изрядно прореженной свите Гроуввейера.

Ситуация резко ухудшилась.

Райвол, привыкший к луку и стрелам, не мог похвастаться отменным умением сражаться на мечах, и противостояние даже одному имперскому верховному защитнику было задачей нетривиальной. Схватка сразу с двумя, а то и тремя тёмно-фиолетовыми рыцарями становилась равнозначна поражению. К тому же, его, в отличие от гвардейцев, не защищала броня.

Спасение пришло с неожиданной стороны: Лус, заметивший чрезмерное своеволие своего пленника, подоспел как раз вовремя, чтобы оборвать жизнь покусившихся на его добычу имперцев. Вот только позволять Райволу и дальше гулять на свободе он тоже не собирался. Удар кулака наёмника должен был быть как раз той силы, чтобы обеспечить Винду глубокий и крепкий сон до самого конца битвы.

Но он не состоялся.

Откуда-то сверху, с галереи зала, слетела быстрая тень. Сверкнувшая молнией сталь вошла в едва заметную щель между правым наплечником и кирасой Луса. Охотник пошатнулся.

Райдер действовал так стремительно, что Повелитель Тьмы только и мог, что с удивлением смотреть, как рыжий дьявол без раздумий сиганул с галереи вниз, в зал, где Винду Райволу грозил нокаут от бронированного кулака Гарвды Луса. Прыжок оказался то ли так точно выверен, то ли невероятно удачлив, что оружие Дэша вошло в узкую щель между покрывающих знаменитого охотника бронированных пластин.

На миг повелителю показалось, что железный великан падёт, раздавив своей тушей парочку имперских верховных защитников... Но он устоял. Больше того: дернувшись, сбросил со своих плеч возомнившего себя наездником Райдера...

И замер...

Только меч, который Дэш выпустил из рук, всё так же торчал из бронированного тела.

Зато имперские верховные защитники и солдаты всё вполне себе двигались, и обратили своё оружие против Райвола, и подоспевшего к нему на подмогу Райдера. Повелитель Тьмы так увлёкся, наблюдая их схватку, что не заметил, как оказался на галерее не один.

— Гроуввейер в своём репертуаре, — раздался за спиной медово-бархатный голос, — слишком мелочно-расчётливый. Я на его месте не стал бы скупиться на то, чего желаю.

Повелителю Тьмы не нужно было оборачиваться, чтобы понять, кто это...

— Например, я не стал бы скупиться на вас, — теперь голос Вердлема Серафа журчал прямо в ухо Повелителя, обжигая его своим дыханием.

Холёные, униженные перстнями руки опустились на грубо выполненные тысячелетние перила галереи, отрезая все пути к отступлению. Теперь, чтобы ускользнуть от виконта, Повелителю Тьмы пришлось бы сигануть вниз, вслед за Райдером. И даже это сделать было не просто — пришлось бы протискиваться между камнем спереди, и напирающим сзади Серафом.

— Могу я полюбопытствовать? — виконт будто бы и не замечал доставляемых им неудобств, пока Повелитель всеми силами старался как можно сильнее вжаться в перила, чтобы избежать неизбежного контакта сзади. — Что такой прекрасный юноша забыл здесь, среди старых камней и ржавого железа? Вам куда больше подошла бы обстановка из бархата и золота. И куда более утончённая, я бы даже сказал изысканная компания.

Часть 25. Прекрасный виконт

— Эта речь у вас заготовлена для всех случайных незнакомцев? — без Доспеха голос тёмного владыки звучал не впечатляюще, и совсем не страшно. Во всяком случае, на собеседника он не произвёл никакого эффекта. Или произвёл, но совсем не тот, на который хотелось рассчитывать.

— Случайных ли? — усмехнулся виконт, и грудь его едва заметно качнулась, но поскольку стояли они совсем близко друг к другу, Повелитель Тьмы затылком ощутил её мягкое, nepозволительно игривое касание. — Но я неучтив, — голос лился горячим маслом, — прошу меня простить. Позвольте представиться — виконт Вердлем Сераф, — он должен был поклониться, но из-за стеснённого положения их тел вышло, что лишь склонил голову к правому плечу Повелителя, почти коснувшись его губами: теперь дыхание виконта обжигало шею избранника Мрака. — Весь к вашим услугам. Смею надеяться, вы слышали обо мне.

— Слышал, — Повелитель не стал лгать. Впрочем, не сказал и всей правды.

— В таком случае — верьте только хорошему, — виконт совсем не торопился отстраняться от собеседника, его крепкие руки, упёртые в каменный парапет, по-прежнему отсекали все пути к бегству. Впрочем, бегство не было в привычках Повелителя Тьмы.

— Что прикажете считать хорошим?

— О, я с удовольствием проясню, но... — виконт обворожительно улыбнулся, склонив голову на бок, — могу я сперва получить ответную любезность?

— Мне сдаться?

Сераф рассмеялся. Смех этот был по-своему добродушен, но, всё же, так мог смеяться только человек, уверенный в себе, и в том, что всё вокруг под его контролем. В железной хватке, за которой стоит не только прекрасное сложение тела, но и огромная колдовская сила. Не следовало обманываться лицом совершенной красоты, сверкающими глазами и благородным золотом волос — за этой идеальной маской светского щёголя таился опасный зверь... Выкормыш Оккультного Синода, переросший клыкастого родителя, и подмявший под свою унизанную перстнями когтистую лапу множество тех тайных нитей, что тянулись во все стороны из-под чародейских мантий.

— О, как можно? — «зверь» искренне наслаждался «игрой». — Я всего лишь надеюсь услышать ваше имя, раз моё вам уже известно.

Их первая встреча случилась ещё до Империи — ни Императора, ни Повелителя Тьмы: первым титулом свободно украшались чахлые наследники вырождающихся многовековых монархий, второй был достоянием безумствующих глупцов и глупых безумцев.

И никаких обвинений в тирании и злодействе! Даже — больше: обвинитель мог очернить подобными громкими словами лишь самого себя:

— Глупая, несмешная шутка, — сказали бы люди.

Для них он носил иное имя, теперь — бессмысленное и забытое, и украшался титулом, тогда — довольно звучным: первый паладин короля — командир дворцовой гвардии рыцарей-грифонов...

Накидка королевских цветов — лазурь и золото Васки — отчасти скрашивала черноту

Доспеха. И его вид — хищный оскал пугающей маски, ребристые линии и грозный силуэт — никого не могли обмануть, и каждый знал, что под чернотой брони скрывается верный защитник трона и народа, добрейшей души человек.

Иронично, что на деле обёртка вполне соответствовала содержанию.

А вот Вердлем Сераф уже тогда был виконтом и чародеем Оккультного Синода...

— ...Вы с нами?

— Что, простите? — если постараться, то звучащий из-под чёрной брони голос мог звучать не так уж и грозно. Во всяком случае, принцессу он не напугал. Напротив, она улыбнулась, глядя, как неловко заозирался по сторонам обычно невозмутимый грозный рыцарь её отца:

— Кажется, вы не с нами? — никто не смог бы усомниться в искренности той улыбки, которой одарила собеседника наследница трона Васки. Это была средних лет женщина, невысокая, крепкая, с живым круглым лицом, наделённым сильной природной харизмой и естественной красотой. Особенную привлекательность ей добавляли ямочки на щеках, возникающие во время улыбки. А ещё, она умела, как сейчас, появляться внезапно в любой части королевского дворца, или столицы, а то и целого королевства, или соседней страны. Почти всегда — по государственным делам. — Я звала вас, но вы не слышали. О чём-то задумались? Надеюсь, не о ком-то из моих фрейлин? Я ведь могу и приревновать.

— Госпожа... — Повелитель Тьмы хотел оправдаться, но принцесса не позволила. Не сдержавшись, она рассмеялась — по-приятельски добродушно, и, опять же, искренне:

— Правда, вам не стоит принимать на всё так серьёзно, это шутка, — она задорно хлопнула своей ладонью по массивному чёрному наплечнику. — Знаю, вам некогда думать о чём-то ином, кроме дел Вески, — её лицо вдруг посерьёзнело. — Я даже чувствую себя неуютно, ведь в этом есть и моя вина.

— Мне вовсе не в тягость, госпожа, — успокоил её Повелитель.

— Хотя бы позвольте себе немного отдохнуть и расслабиться на завтрашнем празднике, — принцесса легко и по-простому запрыгнула на широкий подоконник дворцовой галереи, и села, прислонившись спиной к оконному стеклу. За ним горели огни вечерней Васки — ещё совсем не похожей на возникший в будущем на этом месте Императорский Тронный город, почти пасторальной, уютно-тёплой с её низкими домишками под черепичными крышами, садами и парками.

— Боюсь, я призван на него по службе, — Повелитель, хотя принцесса и постучала ладонью по местечку рядом с собой, остался стоять: вес доспеха древний мрамор мог не выдержать.

— Верно, — согласилась она, — но я не думаю, что виконт как-то может нам угрожать. Всего лишь маленький приём.

— Довольно пышный, судя по приготовлениям.

— Без этого — никак. Хотя де-юре виконт всего лишь дворянин, хоть и весьма родовитый, и мой дальний родич, к тому же, но он ещё и чародей Оккультного Синода. Это важно.

— Мне казалось, у Синода нет официального статуса.

— Конечно. Но он уже давно перерос это, просто не спешит с официальным признанием. — принцесса прислонила лицо к стеклу, всматриваясь в сгущающийся снаружи сумрак. — Теперь это сила, с которой приходится считаться. Это сложный организм, состоящий из противовесов внешним и внутренним силам. Он оберегает магов от

действующих снаружи Синода светских сил, и защищает их друг от друга, и одновременно принуждает к порядку и подчинению внутренним уставам и решениям большинства.

— Значит, виконт — представитель Синода в Васке? — уточнил Повелитель, не имевший большого опыта знакомств с магами, и только начавший присматриваться к ним, как к возможным соперникам, или, быть может, союзникам, хотя бы и временным.

— Не совсем, но и это — тоже. Но главным образом — шпион и рычаг влияния.

— Поэтому его нужно принять с такой помпой?

— Поэтому его стоит облизать с ног до головы, — рассмеялась принцесса, — но об этом я вас не прошу. Для этих целей у отца есть целый придворный штат. Но вы, всё же, будьте милым, как вы ведь это умеете...

Это было первое, что Повелитель Тьмы узнал о виконте. И уже тогда, не видя и не зная Вердлема Серафа лично, почувствовал приближающуюся, нарастающую угрозу.

И надежду.

Надежду, что сможет превратить его в соратника. Такого же, как верный Браксар — ещё совсем не генерал в те годы, не полководец, даже не чёрный рыцарь, а недавний бандит-авантюрист, и (хотя признавать этот факт всегда было неловко) спаситель из оков...

А может, Сераф мог стать и чем-то большим!

Человеком, которому можно открыть истинное лицо. Разумеется, не то, которое из-за по-юношески тонких черт сокрыто под чёрной колдовской сталью, а то, которое можно разглядеть лишь тайным оком, прозревающим мир сквозь призму чародейских сил. Это серьёзное, почти интимное откровение: видеть не тот облик, что вылеплен из грубой плоти, а тот, который начертан самой магией на полотне из льдистого мрака.

Доверие, больше которого уже невозможно представить.

Даже Браксар, видевший плен и слабость Повелителя Тьмы, державший в руках сковывающие Доспех Мечи, показался бы случайным знакомым в сравнении с тем, кто допущен до подобного. До сокровенного. Что уж говорить о людях, по интриганской нужде причастных к крупным тайнам — введённых в составленный заговор, тогда ещё неверной и петляющей тропой ведущий ко грядущей Вечной Империи.

В этих недостатка не было...

— Похоже, виконт станет весьма популярен у нас, — в подчёркнутых очками чертах во всех отношениях интеллигентного лица трудно было разглядеть будущего фанатичного Епископа — вождя сектантов Последнего Бастиона. Впрочем, тогда он в первую очередь оставался королевским казначеем. Но всё это в любом случае не влияло на полное согласие с ним Повелителя Тьмы. Глядя на происходящее, он мог только завидовать и поражаться тому, с какой лёгкостью виконт завоёвывал сердца королевского двора.

Вердлем Сераф был во всём противоположностью будущему Императору: красавец-аристократ, наследник древней благородной крови и несметных сокровищ, крупнейший землевладелец Васки, первый барон королевства, прекрасно сложенный,двигающийся и разговаривающий как настоящий властелин. И, словно этого мало, самый выдающийся из птенцов «великого колдовского гнезда» — Оккультного Синода. Несмотря на молодые годы — полный магистр чародейских искусств, правая рука высшего магистра Трелимина, краса и гордость высоких и таинственных лож.

Как не восхищаться подобным?

— Когда я провожала вас, вы были совсем мальчиком, виконт, — улыбаясь произнесла принцесса, — и тем радостнее мне видеть, каким вы вернулись домой.

— Благодарю вас, моя госпожа. Вы, как и тогда, прекрасны, и я счастлив вернуться, — взгляд чёрных глаз виконта скользнул по стоящему позади принцессы рыцарю в чёрном Доспехе: всего лишь миг, но Повелитель Тьмы почувствовал, что его оценивают. — Теперь, наконец-то, я могу послужить нашей Васке...

Принцесса Эrsa Белеф, выполняя свои обязанности как главный дипломатический представитель королевского дома Васки, почти весь вечер находилась подле виконта, а значит, рядом с ним был и её верный страж — первый паладин короля. Он мог наблюдать, как Вердлем общается, как двигается, улыбается. Но лишь под самый занавес, совсем внезапно, они вдруг оказались с виконтом наедине.

Принцесса вынужденно оставила Серафа, и Повелитель последовал за ней, но, Эrsa умела не только неожиданно появляться из ниоткуда, но и пропадать... Так случилось и в этот раз. Первый паладин вдруг потерял подопечную из вида, и, пока искал, умудрился оказаться наедине с виконтом. Вернее, это Вердлем нашёл его. И тогда же состоялся их первый разговор:

— Я признателен вам за защиту моей родины, — вольготно облокотившись на колонну, за которой он спрятался от осаждающих его аристократов и аристократок, виконт сделал глоток игристого вина из хрустального бокала.

— Не стоит, — отмахнулся Повелитель.

— О, ещё как стоит, ведь вы защитили и мои родовые владения, — взгляд мерцающих глаз Серафа был горячим и тягучим, как чёрный мёд.

— Я всего лишь исполнял свой долг, — Повелитель сделал попытку уйти, ему почему-то показалось тогда, что не стоит долго оставаться под этим взглядом, будто он мог пронзить насквозь сплетённый из льдистого мрака Доспех, и прочитать спрятавшегося за ним человека, как книгу. Но виконт не позволил: он решительно положил свою руку на закованный в черноту локоть:

— Из всех присутствующих я так и не познакомился только с вами. Стоит исправить эту ошибку.

— Я всего лишь солдат короля, моё присутствие здесь не больше, чем служба.

Виконт, кажется, этому не поверил:

— Вы не снимали шлем, хотя здесь довольно жарко. Вам не хочется выпить? — он протянул Повелителю бокал, тот самый, из которого уже сделал глоток: на хрустале даже виднелся отпечаток губ. — Вы же не стесняетесь своей внешности? Это не к лицу солдату, и было бы лишним. И печальным. Впрочем, подобное никому не идёт.

— Но и не все имеют внешность, подобную вашей, виконт.

— Так вы считаете меня привлекательным? — на лице Серафа вспыхнула очаровывающая улыбка, настолько притягательная, что непреодолимо захотелось считать её искренней.

— Я не...

— О, не смущайтесь. — Вердлем не дал Повелителю договорить. — Это даже хорошо! Это говорит о том, что у вас есть вкус. Уже поэтому мы могли бы с вами стать добрыми друзьями...

Тогда, на торжественном вечере в честь виконта в королевском дворце Васки, Повелитель Тьмы почувствовал недоверие и призыв к соперничеству со стороны этого

внешне приветливого и невероятно привлекательного молодого мужчины. А ведь не было ещё закованного в чёрное Императора, не было чёрных рыцарей, и виконт не носил в пику ему белоснежных одежд, и не называл своих гвардейцев Белой стражей...

В настоящем блистательный виконт поднял руку, и с изящных, унизанных перстнями пальцев сорвались снопы золотых искр — целый вихрь. Он обрушился с галереи вниз, в залу, где шло сражение между имперскими войсками, парой мятежников и вновь пришедшим в себя Гарвдой Лусом.

Искры удалили в самую видную цель. Раздался гром и вспыхнули молнии, когда под напором колдовства закованный в носфератическую броню наёмник, отлетев на несколько метров в сторону, пробил своим телом брешь в древней каменной кладке.

Повелитель Тьмы зажмурился...

Не потому, что не хотел видеть на происходящее внизу: он должен был собраться.

Приготовиться...

Вердлем Сераф мог узнать его.

Не лицо — это, разумеется, невозможно. Но за виконтом стояла огромная колдовская мощь, сила, открывающая иное, незримое око, взирающее на мир под непостижимым углом. Сквозь него можно было разглядеть Тьму, кроющуюся за обманчиво-невинным обликом лживо-юного пажа.

Можно было узнать совсем не покойного Императора.

В том, что Сераф способен на это, не стоило сомневаться. Всё зависело сейчас от того, обратится ли он к этим тайным силам...

Виконт взглянул на собеседника с нежностью:

— Предлагаю вам мою компанию в прогулке до «Копья Тьмы»

«Не узнал?..»

Часть 26. Копьё Тьмы I

Купол командного зала словно не имел опоры. Тонкие колонны стрельчатых окон размывались в широком поясе непрерывного сине-зелёного света, и на нём повисала ребристая темнота свода — вся его громоздящаяся железом и бронзой рукотворная тяжесть. А снаружи — туман, похожий душное варево, заливающее котёл долины, и острые зубы горных цепей, смутно-алые, как окрашенные кровью.

Впечатляющий вид... До которого не было дела. Если кто и появлялся здесь, то всё внимание обращалось не к панорамным окнам, а в глубь командного зала...

На колоссальный маго-механический конструкт — пульсирующий могуществом сплав колдовства и технологий. Веющую властью мечту тиранов.

Самой внушительной частью конструкта была зависшая под куполом сфера. Беспросветно-чёрная, она была соткана из того же льдистого мрака, что и колдовской Доспех Императора. Похожая на рану в мироздании, она затягивала в себя тепло и свет, но сама испускала мистическое пурпурное сияние. Иногда оно слабело, и тогда из непроглядных глубин вдруг выныривали, мерцая багряными искрами, призрачные фигуры. Они тянули свои зыбкие руки к отделяющей их от внешнего мира границе сферы, касались её... и снова тонули во мраке. Какое-то время следы их ладоней ещё алели на чёрной глади, но затем исчезали и они.

А вокруг, словно планетарное кольцо, медленно вращался собранный из тяжёлых бронзовых блоков пояс. Чуть ниже был ещё один, но уже из отдельных частей-спутников — кристаллических левитационных амулетов. Заключённое в них колдовство удерживало навесу огромную сферу мрака, но и норовило увлечь сами амулеты в свободный полёт. Чтобы этого не произошло, с пола к ним тянулись тугие стальные тросы. Из-за этого амулеты становились похожи на воздушных змеев.

А внизу, прямо под сферой, недобро алел зев технической шахты — настоящая бездонная пропасть со стенами из витых кабелей, труб и колб, в которых бурлили и пузырились алхимические эссенции и растворы. Из неё поднимались, словно руки гигантских скелетов, мощные железные леса. Они цеплялись своими крепкими «пальцами» за ониксово-чёрный шип концентрического обелиска — поднимающийся из самых недр шахты хребет всего конструкта. Острый конус его вершины пронзал небольшую площадку, которой венчались леса, и там превращался в сердечник для ещё одного важного звена грандиозного маго-меха.

Внешне машина времён и судеб напоминала сложное сочленение масштабной армиллярной сферы и модели движения солнца, луны и пяти планет. Со всех сторон её обвешивали направленные на зависшую сверху сферу фокусирующими линзы и утяжеляли настроечные кольца и дуги системы наведения...

Строительство комплекса ещё продолжалось: кое-где коридоры выводили в пропасти технических шахт, в стенах зияли дыры, которые ещё только предстояло закрыть толстыми листами брони, а многие залы заваливали строительные материалы, мусор и хлам... Но...

Но!

Проложенные внутри стен «вены» и «жилы» конструкта были завершены. Покрывающие их километры записанных вязью контроль-заклинаний замкнулись, чтобы контролировать и направлять процессы разгона и усиления магической энергии.

Оружие было готово — оставалось только испытать его.

«Копьё Тьмы» выдыхало шипением пара, его сердце глухо перестукивало железными клапанами, зычный голос доносился звоном цепных механизмов.

Унн Фэкк был доволен.

— Наконец, наконец! — бывший магистр Оккультного Синода, главный исполняющий мастер имперских вооружений, коротышка с нервным лицом и всклокоченными волосами, он кружил вокруг воздвигнутой им машины, словно курица-наседка над единственным цыплёнком. — Оружие работает. Это момент триумфа... Даже жаль, что Император мёртв. Он порадовался бы моему новому оружию абсолютной мощи... — в глазах под болезненно-подрагивающими веками что-то недобро блеснуло. — Может, стоит ударить по Тронному городу? Даже без Императора у меня достанет сил, чтобы показать этим... Что думаешь, капитан?

Фэкк обернулся к стоящему рядом человеку в чёрном мундире имперского образца. Это был капитан Беветт — заслуженный боевой офицер, неведомо каким ветром занесённый на «Копьё Тьмы». Впрочем, «неведомым» — значит «волей Императора», решившего, что его любимому проекту не повредит зерно военной дисциплины, армейской исполнительности и здравомыслия. В конце концов, кому-то же надо настраивать и наводить механизмы «Копья Тьмы» на цель, и командовать последним рубежом обороны.

Такую тонкую работу нельзя было доверять фанатикам.

Для этого капитан Беветт и был назначен на «Копьё Тьмы», где оказался подчинён мастеру Унн Фэкку — изводящему капитана днём и ночью психопату-истеричке с манией величия и душой, полной одной только трусости, умеющему одинаково хорошо как пресмыкаться перед сильными, так и измываться над слабыми.

— Господин, я не могу отдать приказ навести оружие на город самого Императора! — голос капитана дрогнул.

К большому сожалению Беветта, сам он относился к числу вторых... Фэкк посмотрел на капитана с презрением, и с его полных, вечно влажных от плещущей слюны губ сорвалось полное злобы слово:

— Слюнтяй.

К счастью, появившийся в командном зале младший офицер, один из небольшой группы военных, прибывших вместе с Беветтом, спас своего командира от продолжения этой малоприятной сцены. Подойдя к капитану, он что-то тихо доложил.

— Господин, — Беветт шагнул вперёд, чем-то явно взбудораженный. — Мы получили световой сигнал: Последний Бастион подвергся атаке, Епископ мёртв и...

Фэкк, по лицу которого пронёсся нервный спазм, не дал ему закончить:

— Фанатик, — спазм перетёк в сардоническую улыбку, — наконец его кто-то прихлопнул. Давно пора!

— Господин... — Беветт не ждал другой реакции, он и сам с недоверием относился к сектантам Последнего Бастиона, но как прилежный имперский офицер, не мог позволить себе радоваться смерти одного из приближённых своего Императора.

— Неважно! — на висках Фэкка пульсировали вздувшиеся багровые вены, явный признак зарождающегося гнева. — Никто не смеет угрожать моему оружию! Капитан, активируйте системы обороны! Пусть уничтожат всех, кто войдёт в Долину!

— Господин, мы не уверены, — попытался направить происходящее в русло устава Беветт, — по протоколу сигнал должен...

— Мне плевать! — завизжал Фэкк. — Теперь здесь я и только я отдаю приказы! Активируйте оборону! — с пальцев Фэкка срывался поток волшебства: бледно-голубой рябью он пронёсся по залу, ударив у самых ног Беветта, и едва не задев его. — Живо!

— Слушаюсь! — капитану ничего не оставалось, кроме как броситься исполнять приказ. «Копьё Тьмы» имело множество разветвлённых, похожих на лабиринты уровней, но, чтобы проделать путь от командного зала до «казарм», Беветту не потребовалось много времени — он был счастлив возможности оказаться подальше от Фэкка, который с каждым днём становился всё менее вменяемым.

Хотя исполнять приказы мастера-оружейника тоже было делом не самым приятным. Тем более, что силы обороны главного имперского военного объекта были весьма... специфичны. На «Копье Тьмы» под командованием Беветта находилось лишь несколько младших офицеров — обученных настройке, обслуживанию и наведению главного орудия, и ни одного солдата.

Ни одного!

Только императорские маго-мехи. И вовсе не ограниченные своими примитивными голем-мозгами «Манतिकоры», и не нуждающиеся в умелой руке всадников «Гаргульи»! Беветту были доверены маго-мехи новой, секретной фазы развития военной машины Вечной Империи.

Всё бы ничего, если бы ни природа их «новшеств».

Беветт активировал контролирующий амулет — массивную латную перчатку, до локтя закрывающую всю правую руку. И тут же почувствовал растекающийся по коже жар и покалывание. Каждый раз капитан боялся, что однажды, сняв амулет, найдёт под металлом лишь прах и обугленные кости...

Подчиняясь неумолимой колдовской силе, защитники «Копья Тьмы» ожили.

Сколь бы неприятной и пугающей ни казалась капитану Беветту природа его «солдат», всё же, они казались ему куда лучше, чем охраняющие Последний Бастион чудовищные зомби-воины.

Зазубренные красноватые скалы поджимали справа и слева, а впереди, пробиваясь сквозь мерцание сине-зелёного тумана, тянулась дорога. Истёртые временем и миллионами ног каменные плиты тонули в клубящемся мареве, а вокруг, распространяя то самое сине-зелёное сияние, кишела и дышала жизнью буйная флора: огромные лозы и пушистые папоротники, поросшие грибами замшелые пни и низкорослые плакучие деревца.

Прошло почти двадцать лет с тех пор, как Повелитель Тьмы впервые оказался здесь. И с тех пор — возвращался снова и снова... Проходил по дороге, ведущей по дну долины, между выступов скал и древних обвалов, за далёкий поворот, прямо к «Копью Тьмы». Правда же, это последнее появилось здесь совсем недавно — всего лет пять назад. С тех пор, как молодая Вечная Империя начала его строительство.

До этого здесь были лишь руины чужого увядшего величия.

И опустевшие склепы.

В самом начале пути импровизированную экспедицию встретило то, что на первый взгляд можно было принять за рухнувшие сверху обломки гор. И только затем глаз цеплялся за слишком правильные, хоть и сглаженные временем линии — явно рукотворные.

Виконт остановился, и задержал Повелителя. Мимо проходили гвардейцы Гроуввейера,

Белая стража, провели пленных Райвола и Райдера, а они всё стояли. Перед ними был огромный опустевший постамент, и низвергнутый с него колосс: каменная туша, настолько громадная, что даже за минувшую тысячу лет мшистое одеяло так и не смогло накрыть ее целиком. Время стерло самые тонкие из черт лица, полускрытого массивным шлемом, но его всё ещё можно было узнать.

Это был Суверен.

«Здесь времени неумолимые клыки

Стирают в мраморе изваянную славу»

Повелитель Тьмы взглянул на обратившегося к классике виконта с удивлением — не ожидал подобной... Романтичности. Но произведённое декламацией впечатление быстро рассеялось: Вердлем печалился вовсе не о древнем изваянии.

— Какая жалость... — посетовал Сераф, — Империи стоило воздвигнуть рядом статую Императора, и тогда мы могли бы вполне насладиться красотой этого вида, предчувствуя, что через ещё одну тысячу лет здесь будут дремать, укутанные тиранией и мхом, уже двое павших гордецов...

— Возможно, стоит поставить здесь вашу статую? — не удержался от ехидного комментария Повелитель.

— Не стоит, — вполне серьёзно отказался виконт.

— Разве вы не собираетесь становиться новым владыкой?

— Собираюсь, разумеется, но, в отличие от нашего возлюбленного Императора, — он качнул головой в сторону как раз проезжающего мимо катафалка с императорским Доспехом внутри, — я не опьянён по-юношески романтическими мечтами о бесконечной, вечной власти, о некоем вечном троне. Я знаю себя хорошо — мне наскучит.

— И все равно идете к этому?

— Чтобы попробовать.

— Попробовать? — Повелитель был удивлён. — Речь ведь не о марке вина.

— О, мне нравится сравнение! Ведь суть одна и та же. Почему бы не попробовать? Мне хочется пригубить этой абсолютной власти, понять, чего желал Суверен, о чем грезил наш... Император, — Сераф огладил Повелителя жарким взором.

— Для этого вам и нужно «Копьё Тьмы»?

— Вы меня обижаете, — изобразил вселенскую печаль виконт. — Я многим лучше, чем вы думаете обо мне, поверьте. Я мог бы взять корону и без этой игрушки. Я просто не хочу оставлять ее другим. Синоду, например.

— Но вы сами состоите в Синоде.

Вердлем утвердительно кивнул:

— Скажу больше, сейчас я и есть Синод. Но, — он наставительно поднял к небу тонкий палец, украшенный перстнем с крупной чёрной жемчужиной, — так может быть не всегда. Что-то может перемениться, придут новые амбициозные магистры, не имеющие уважения к моему авторитету... Кто знает, что они задумают? К тому же, пусть лучше оружие будет в одних руках, а не руках толпы. Не люблю демократию, знаете ли. Не доверяю ей.

— Любопытные мысли.

— Более того, — на лице виконта заискрилась весёлая несерьёзность, — нельзя же оставлять оружие Унн Фэку.

— Вы считаете его угрозой?

— Я считаю его дураком. К тому же, мы с ним давние знакомые... Он наверняка до сих

пор не может простить мне, что я, будучи на несколько лет моложе, так лихо обскакал его в успехах на поприще колдовских наук. Знаете ли, — Сераф галантно приобнял Повелителя за плечи, предлагая продолжить путь, — он ведь был лучшим послушником Синода, пока не появился я. Обидчивые дураки весьма опасны — лучше не давать им в руки власть...

Где-то вдали, усиленный горным эхом и акустикой долины, раздался хорошо знакомый Повелителю Тьмы гул.

Часть 27. Слава Императору II

Каждый шаг вперёд оплачивался кровью: сама смерть вилась в затуманенном небе, и от её железных когтей, пламени выхлопов и багровых молний негде было укрыться. Пепельно-чёрные имперские солдаты, тёмно-фиолетовые гвардейцы Гроуввейера и сверкающие серебряными доспехами стражи виконта одинаково быстро и бессмысленно гибли в разверзшемся хаосе. Их изувеченные тела в разбитых скорлупках брони падали на землю, и сине-зелёное сияние местной флоры придавало расписанной кровью картине происходящего особую театральность.

— Это всё ничтожество Фэкк, — внезапная тяжесть навязанной схватки сказалась даже на Вердлеме Серафе — лицо виконта не выражало больше привычной великосветской надменной скуки, оно стало сосредоточенно-серьёзным, почти гневным. — Как только мы доберёмся до места, я велю убить его! Медленно и жестоко.

— Нет! — лорд Гроуввейер разделял общий настрой союзника, но не его желания. В руках наместника Тронного города была усиленная «Гадюка» специального образца, с нетипичной для имперского производства украшениями из вьющихся золотых гравировок. Впрочем, это никак не помогало. — Он нужен, чтобы управлять «Копьём Тьмы»!

— Ха! — в одном коротком звуке выразилась вся бездна призрания, отведённая виконтом специально для его бывшего товарища по Оккультному Синоду. Кроме того, Сераф не допускал даже мысли о том, что кто-то мог бы превзойти его в колдовском искусстве. — Что такого мог придумать этот слизняк, с чем не справлюсь я? Вы, как всегда, преувеличиваете, Гроуввейер!

И новый вихрь золотых искр, сорвавшись с украшенных драгоценными перстнями пальцев, устремился ввысь, ударяя в железный бок пронёсшегося над виконтом монстра. Жуткую машину Императора потрянуло, она огрызнулась злобным воем, но продолжила полёт. Только на блестящей багрово-чёрной броне появилось тусклое пятно.

Виконт брезгливо поморщился.

Если даже магия Оккультного Синода оказывалась малоэффективна против защитников «Копья Тьмы», об арбалетах нечего было и говорить. Как и уникальное оружие Гроуввейера, серийные образцы имперских «Гадюк» не обладали ни разящей силой, ни достаточной скорострельностью, чтобы представлять настоящую угрозу творению мрачного гения Императора.

Зато «Вампиры» были бесподобны.

Впервые введённые в настоящий бой, неустрашимые маго-мехи сразу продемонстрировали всю недостижимую высоту своего положения — явленный миру истинный ужас. Усиленный вкраплениями колдовского железа корпус, широкие рулькрылья, изрыгающие пламя лапы-двигатели, расцвеченные багровыми молниями клыкиорудия, всё это закладывало основу их неотразимой жестокой мощи.

Но главное таилось внутри — под тяжёлой ребристой бронёй.

Это был решительный шаг на пути к совершенству, новый виток прогресса имперской военной машины, то, что в действительности позволило «Вампирам» стать выше любых прежде созданных маго-мехов с их ограниченными голем-мозгами и прописанными в магических амулетах протоколами. Глубоко под слоями железа были накрепко зафиксированы в сложно устроенных гнёздах стеклянные колбы, где в мутном вареве

алхимического раствора плавали живые, думающие, наделённые убийственной силой творческого подхода к кровопролитию человеческие мозги...

Мозги солдат армии Вечной Империи.

Прирученные болью, окованные узами колдовских контроль-заклинаний и чар-усилителей, они стали чем-то большим. Чем-то мрачно-величественным. Утратив личность, они обрели уникальную грань агрессии. Её искусственно подстёгивали вживлённые в плоть кристаллические структуры, постоянно действующие на нервные окончания и клетки мозга. Также была усилена реакция, повышена меткость, и возведено в абсолют безразличие к чужой боли.

Ограниченные собственным мозгом, запертые в слепой темноте пилоты «Вампиров» жили во имя своего Императора. Хотя «жизнью» назвать это было сложно... Скорее — второй шанс.

Шанс принести пользу Вечному Трону.

Единственным минусом оставалась огромная стоимость и невероятная сложность создания. Достаточно ошибиться в зачаровании кристаллических амулетов-ограничителей, и очнувшийся в новом, железном теле мозг погибшего на поле брани солдата мог провалиться в безумие — сгореть в агонии боли и неопишуемого шока... И попытаться оборвать невыносимое бытие отчаянным самоубийством, обесмыслив тем самым весь долгий труд Императора, и повредив бесценную бронированную оболочку...

Но успех окупал любые усилия.

Смерть шла за смертью, и очередной гвардеец, солдат или белый страж, сгинув от лап «Вампира», становился в глазах Повелителя Тьмы веским доказательством триумфа его военных изысканий.

Из-под искромсанных доспехов на землю долины проливалась алыми ручьями жизнь, которую жадно впитывала сияющая сине-зелёным светом растительность.

Наблюдая насильственное пиршество «Вампиров», их торжество над бессильными людьми, Повелитель Тьмы, воплотивший в закалённом чарами железе чудовищное порождение своего разума, испытал нечто большее, чем гордость творца. Это было удовольствие, опасно граничившее с эмоциональным, струящимся по мозгу кровавыми змейками возбуждением, от которого начинало покалывать кончики пальцев, и хотелось, злодейски оскалившись, смеяться, презрительно оглядывая тех, кто смел в своей ничтожной, жалкой душе помыслить о восстании против неумолимого императорского порядка и истинного тёмного величия.

От подобной кровожадности в горле Повелителя осел горький привкус железа. Чтобы смыть его, торжествующий разум требовал пьянящей влаги! Ему не хватало лёгкой алкогольной дымки, через которую, как призму, раскрылись бы тонко подобранные краски и весь художественный талант написанной «Вампирами» картины Смерти.

Повелитель облизнул пересохшие губы.

Зацикленные на полученном приказе маго-мехи несли смерть всему живому, вторгшемуся в потаённую долину. Они могли бы, пожалуй, обратиться даже против собственного создателя, затерявшегося среди несчастных жертв, но это не могло омрачить накатывающее волнами тёмное наслаждение. Повелителю Тьмы нечего было бояться. Ему не требовался управляющий амулет, чтобы отвести от себя беду. Другое дело, что этого нельзя было сделать, не раскрыв себя. Поэтому он покорно и скромно прятался от нависшей над ним «угрозы» за надёжной спиной виконта.

Могущества Серафу было не занимать: его магия нарастала трубным гулом, и рискнувшие подобраться к магистру «Вампиры» взяли в урагане золотых искр. Они почти не двигались в этом сияющем мареве, едва ворочая ломающимися под чужим колдовским натиском руль-крыльями, но выставленные вперёд клыки всё так же смертоносно сочлились, будто ядом, багровыми молниями. Очередной каскад губительных разрядов угодил под ноги виконта, окатив его искрами и ошмётками расплавленных камней, но Вердлем не отступил, и даже не вздрогнул. Его могучая воля, черпая силу из таинственных сфер, сама вела неодолимую атаку, и не обращала внимания на подобные пустяки. С мгновение казалось, что силы железных тварей и человека равны.

«Вампиры» издали оглушительный, сбивающий с ног вопль ненависти. Солдаты вокруг попадали на дорогу, но высокая фигура в сверкающих белизной одеждой осталась непреклонной. Под давлением виконта спрятанные в бронированной толще маго-мехом мозги вынуждены были отдать своим железным телам одну команду — отступить.

Вердлем Сераф пересилил.

Рукотворные монстры синхронно развернулись, и тяжело, будто выдираясь из тягучей патоки, двинулись прочь из сотворённого виконтом золотистого вихря. Послышался скрежет металла. По крепким пластинам брони пошла рябь, и листы закалённого железа стали сминаться, словно листы бумаги. К снопам посыпавшихся искр добавился жуткий визг машин — крик слепой ярости, и рёв вырвавшегося из лап-двигателей пламени, свист газа и бурление алхимических эссенций, перегоняющих по внутренним трубкам-сосудам новые порции яда агрессии. Руль-крылья, подчиняясь управляющим механизмам, начали преодолевать магическое сопротивление, и хотя стальные мембраны истончались под градом ударяющихся в них золотых искр, им всё же удалось повернуться в нужное положение, и покорёженные «Вампиры» один за другим выскользнули из золотой ловушки... Чтобы, пролетев по широкой дуге, зайти на новую атаку.

Облачённые в сталь пилоты «Вампиров» были отданы во власть ненависти не для того, чтобы убегать от врага. Они умели только атаковать, и обращали весь свой талант на уничтожение.

Новые всполохи молний ударил рядом, оплавив древние камни, которыми была вымощенная ведущая к «Копью Тьмы» дорога.

— Кажется, наша прогулка получилась чуть веселее, чем планировалось, — Сераф всё же нашёл время, чтобы перекинуться словечком со своим очаровательным спутником. — Но так даже интереснее, вы не находите?

Моментально родившийся в голове Повелителя убийственно-язвительный ответ, увы, остался не озвученным. Остроумие пропало даром, когда между владыкой и магистром с гулом вспыхнул столб чистой энергии, а в следующий миг они и вовсе оказались в эпицентре настоящего багрового шторма, от которого закипели камни под ногами. Стало жарко, а воздух наполнился резким запахом озона. И теперь уже виконт, немало сил потративший на противостояние с не знающими усталости врагами, вынужден был спешно отступать и искать укрытие. Но весьма условное в окружении умирающих, но всё ещё бессмысленно сопротивляющихся солдат одиночество Повелителя продлилось не долго...

Чьи-то пальцы сомкнулись на его ладони, и решительная сила потянула в сторону — прочь поля битвы, к спасительным зарослям. Через мгновение взгляд льдисто-серых глаз упёрся в затянутую алым мундиром грудь.

— Это Вы... — лицо Истрима выражало сложную смесь радости, смятения и

удивления, и немного — грозного собственнического упрёка пополам с ревнивым недовольством. Всё это очень выразительно искрилось и блистало в глазах обычно бесстрастного имперского лорда, словно отражение звёзд на зеркале пруда. Но длилось это не долго. Удивление вдруг резко пошло в рост, и решительно взяло верх над прочими обуявшими апофикара чувствами. И в это же время Повелитель понял, что и другую его ладонь, ещё недавно свободную, кто-то крепко сжимает. Особыми красками этот факт заиграл, когда за спиной раздался хорошо знакомый насмешливо-самоуверенный голос:

— Извините, но мой симпатичный друг уже занят, а мы спешим...

Внезапное появление Дэша Райдера сбило обуявший Истрима эмоциональный накал, взамен наполнив взгляд апофикара холодным желанием убивать:

— Уверен?

Истрим с такой силой дёрнул Повелителя за руку, что следом за его хрупкой фигуркой в объятия апофикара едва не влетел и Райдер. И всё же, мятежник устоял на ногах, но вынужден был разжать ладонь — тонкие пальцы тут же выскользнули из неё, не сделав и попытки задержаться. По лицу Дэша скользнула тень болезненного разочарования. А Повелитель, решительно прижатый к груди своего офицера и советника, внезапно ощутил крайнюю неловкость. Главным образом — из-за смотрящего на него Райдера, чей пристальный взгляд жёг ему спину ревнивым огнём. Избегая этого пламени, избранник льдистого мрака предпочёл уткнуться лицом в алый мундир.

— Видишь?

Голос Истрима переполняло ликование, а ладони уверенно чувствовали себя на теле Повелителя: одна — сжимала плечо, другая лежала на талии, позволяя себе больше давящей силы, чем допускали любые приличия. Из-за этого расстояние между апофикаром и его господином, как таковое, отсутствовало. Но Райдер, видя это, всё же не думал отступать. Только новый шквал молний, обрушившихся с небес, прервал затянувшуюся сцену, разделив соперников искрами огня и каплями шлака.

Воспользовавшись шансом, Истрим увлёк Повелителя в сторону. Миг, и они оказались наедине, посреди источающих сине-зелёное сияние густых лиан, ветвей и корней. Бой теперь кипел где-то в стороне, на ставшей невидимой из-за растительности и тумана дороге.

Руки апофикара оставались всё там же, где были, но сам он опустился на одно колено перед своим Повелителем:

— Вы живы... — ладонь, лежавшая на по-юношески тонком плече, скользнула выше, на шею. Другая, с неохотой оставив талию Повелителя, завладела изящной белоснежной ладонью, которая мгновенно, словно величайшая драгоценность и награда, была прижата к губам Истрима.

— Слушай, почему бы нам... — вдруг громыхнул и также внезапно затих чужой бас.

Сложно поверить, но при всей грандиозности фигуры Браксару каким-то невообразимым образом удалось подкрасться сквозь заросли совершенно бесшумно... И застать напарника в неожиданной и весьма недвусмысленной позе — на коленях перед смутно-знакомым пареньком. Да ещё и ладонью этого самого паренька, крепко прижатой к губам.

Одно бледное лицо немедленно начало наливаться алой краской, то ли — гнева, то ли — смущения, другое осталось бесстрастно-холодным.

Две пары глаз уставились на оборвавшего фразу на середине отважного имперского генерала, в посвящённом одним только битвам мозгу которого со скрипом ворочались

шестерёнки мыслительного процесса. Сперва Браксар, конечно, хотел сделать Истриму скабрезное замечание, что для дел любовных время и место подходит не лучшим образом, но затем... Затем отдельные детали стали складываться ясную для каждого картину. С одной стороны — совершенно не вписывающийся в свой привычный бесстрастно-надменный образ апофикар. С другой — раскрасневшийся юноша, которого генерал смутно припоминал... Которого, вероятно, видел раньше.

Видел не где-нибудь, а в самой Железной Цитадели!

Без привычной чёрной формы и фона из серых стен имперского оплота узнать его было сложно, но это точно был личный паж Императора.

Императора...

Громкий щелчок закончившего мыслительную операцию генеральского мозга слышали, вероятно, не только Повелитель Тьмы и Истрим, но и сражающиеся в паре десятков метров от них солдаты. Даже сквозь шум продолжающегося сражения. Теперь уже и лицо Браксара начало резко краснеть. Он поспешил скрыть это, бухнувшись на одно колено и склонив голову в поклоне, но из-за роста всё равно возвышался над Повелителем, и картина смущения оставалась хорошо видна.

— Мой Император! — голос генерала выдал охватившее его волнение.

Два высших имперских офицера стояли бок о бок, воплощая единение преданности, и толкаясь плечами, словно соперничающие за внимание школьники. Чьё внимание? Об этом Повелитель предпочёл бы не задумываться, но хотел верить, что слуги видели в нём непререкаемого Повелителя, архитектора и властителя Вечной Империи. Вот только при его внешних данных, когда он сам казался школьником на фоне Истрима и Браксара, это было маловероятно. Подтверждением догадок были глаза верных, их жадный блеск и жар тяжелых взглядов. Словно пытаясь сбросить их с себя, и прогнать лезущие в голову липкие мысли, Повелитель мотнул головой, но добился лишь того, что отросшие непокорные волосы разлохматились ещё сильнее, чем было.

Последовал глубокий вдох, и медленный, со вкусом, выдох.

Он мирился с тем, что с тайной его облика знаком апофикар, но не спешил, и не желал посвящать в неё других. То, что генерал обнаружил истину, было крайне неудачно, но не фатально. В конце концов, Повелитель не сомневался в Браксаре, и сейчас, размышляя, понимал, что верит в способность генерала сохранить глубоко в сердце полученное знание. А значит, тяготиться новой реальностью было глупо. Её следовало принять, и действовать в её свете.

Настала пора решительных действий.

Повелитель взглянул на замерших перед ним мужчин — офицеров, советников, верных. Тех, кто оставался предан своему государю несмотря ни на что. Тех, кто готов был следовать даже за тенью Повелителя.

На миг во взгляде льдисто-серых глаз родилось мерцание, которое можно было назвать почти нежным. Но порыв схлынул, обнажая железную решимость

— Пора вернуть своё, не находите? — мрачная тяжесть сказанных слов кроваво-пурпурным дымом легла среди лиан и ветвей, подавляя и подменяя собой их природное сияние. В этом колдовском мареве необоримой решимости тонкая, юношеская красота проступила с особым контрастом, и за ней, словно дух перевозданного мрака, встал образ

закованного в чёрные латы гиганта, и его окованные Тьмой длани легли на хрупкие плечи Повелителя, сжимая их когтистыми пальцами.

Если Браксар где-то в глубине души ещё сомневался, что перед ним — его Император, допускал, что верит, потому что хочет верить, то вид восставшей в льдисто-серых глазах непроглядной тени заставил его отбросить последние сомнения. Им, как и Истримом, овладело желание немедленно опуститься на колени, и повторить торжественную клятву верности своему единственному властелину, могущественному и прекрасному, совершенному, как увенчанное солнечной короной божество старинного храма.

Шок внезапного воссоединения с Императором прошёл на удивление быстро. Быть может, потому что в глубине души Браксар так и не смог поверить, что его господин, живое божество войны, величия и славы, может умереть. Но на смену одному чувству пришли другие. Мрачные и тяжкие. Тут было и удивление тем, кто скрывался за грозным Доспехом, и смятение от несоответствия реальности воображаемому. Хотя, честно говоря, генерал никогда не был до конца уверен в образах Повелителя, которые приходили к нему в мечтах. Они всегда разнились между собой, изменяясь в соответствии со словами и делами владыки, свидетелем которых становился Браксар. И, кроме того, был ещё болезненный укол ревности, разочарования и гнева, что Император одного Истрима счёл достойным посвящения в тайну...

В погоне за дымной надеждой, преследуя спешащих к «Копью Тьмы» Гроуввейера и Серафа, Браксар не жалел сил. Выжимал последнее из мчащих на парах магического заряда «Гаргулий», рубил брошенных на перехват солдат наместника и обезумевших сектантов, ломал кости зомби-воинов. Наконец, в высоком соборе Последнего Бастиона, где алые тени кружили в ритуале над трупом своего Епископа, одним точным ударом рассёк наследника фанатичной власти — Викария, и открыл путь за крепостные укрепления «Стены». Но рвущая грудь обида заставила генерала показать, что все эти кровопролитные деяния — разминкой перед настоящей бойней. С особой яростью орудуя клеймором, он прорубал путь вперёд.

К катафалку, где покоился Доспех Императора.

Имперские солдаты были либо слишком заняты, пытаясь противостоять «Вампирам», чтобы обращать на него внимание, либо, узнавая генерала, сбегали с его пути, но гвардейцы наместника, и особенно белая стража виконта, охраняющая ценный груз, были настроены решительно. Только все их жалкие потуги не способны были помешать Чёрному Клеймору Императора на пути к его цели. Браксар намеревался показать Повелителю, что не хуже Истрима может служить Его великой воле.

Воронённый клинок рассекал тёмно-фиолетовые доспехи и серебряную броню, кромсал плоть и переламывал кости. Возвышаясь над полем боя, Браксар каждым ударом отправлял в небытие нового врага. Больше всего он походил на разгневанного бога войны, собирающего кровавую дань. За его могучей спиной Повелитель Тьмы и Истрим шли буквально по трупам. Казалось, даже «Вампиры» не рисковали подлетать к разбушевавшемуся тёмному войну.

Магия виконта Вердлема Серафа в конце концов оттеснила «Вампиров», заставив их держать дистанцию, но атаки не прекратились. Просто маго-мехи стали действовать

аккуратнее, выбирая наименее защищённые цели, прибегая к уловкам и отвлекающим манёврам. Смерть всё так же неотступно наседала на пятки имперских солдат, гвардейцев и белых стражей.

Но это уже не имело настоящего значения.

Далеко впереди, над слабеющим туманом, среди горных зубьев, уже виднелось «Копьё Тьмы». Тёмный силуэт крепости и вправду напоминал наконечник огромного копья — вырываясь из толщи багровых скал, он был направлен ввысь, словно угроза царствующим на небесах божествам. И хотя кое-где ещё отсутствовала броня, и виднелись обнажённые «кости» твердыни — массивные опоры и балки, и ветер свистел в этих прорехах, — вся конструкция производила подавляющее впечатление грандиозностью задумки.

Это было подходящее воплощение воинственного духа Вечной Империи.

Взглянув на порождение своего гения, Повелитель Тьмы ощутил на языке трепещущую сладость мгновения. Его руки легли на металл. С мгновение ничего не происходило, только холод ожёг ладони. Затем, осязаемая плотность исчезла, твердь превратилась в обволакивающий мрак, который поглотил сначала тонкие пальцы, затем — кисти. Через мгновение беспросветно-чёрный льдистый мрак пожрал локти и плечи своего возлюбленного избранника, перекинулся на грудь, шею, и, наконец, затмил собой всё тело. Красивое, по-юношески свежее лицо с тонкими чертами скрылось под безжалостной, бесчувственной маской, в чертах которой смешивались облики древних демонов демонов, жутких зверей и человеческого черепа.

Сплетённый из таящейся за границами этого мира Тьмы гигант поднялся с ложа катафалка. За его спиной, будто крылья, реял пурпурный плащ, а по ребристым латам скользили тусклые, будто поглощённые самим металлом отблески света. Они были цвета свежей крови. И туман вокруг уже не мерцал сине-зелёным светом растений тайной долины. Он загустел, стал болезненно-жёлтым, затем — багровым, и начал оседать к земле, заструился по ней выющимися змеями-протуберанцами, и, наконец, исчез. А вместе с ними исчез рвавший небеса вой «Вампиров». Жуткие маго-мехи, спрятав клыки, больше не изрыгали молнии, вместо этого они кружили в небе, выстроившись в отточено-верные боевые порядки, как на дворцовом параде.

Больше никто не сражался. Даже белая стража виконта опустила оружие. Через миг из-за спин серебряных воинов показался сам Вердлем Сераф. Окинув заинтригованный взглядом фигуру великана в чёрном Доспехе, он отступил на шаг назад, и изящно согнул спину в верноподданническом поклоне:

— Мой Император...

Часть 28. Копьё Тьмы II

Вдоль наполненных эхом коридоров, по тёмным галереям и в монументальных купольных залах выстроилась стража. Неподвижные воины — настоящие истуканы жестоких божеств-разрушителей, выкованные в имперском горниле войны и страха. Подобно летучим собратьям, они родились в соединении воронёного железа и одухотворённой плоти. В недрах бронированных тел, за блестящими грудными пластинами, жутковато-грубыми сочленениями и тугими узлами импульсы искусственных кристалльных сердец гнали потоки бальзамических растворов и жгучие яды агрессии. Они несли неестественное подобие жизни в исколотые заклинаниями, измученные фантомной болью по утерянным телам мозги, обречённые на новое бытие в мутных склянках с алхимической эссенцией.

Погибшие на бесконечной завоевательной войне во имя Вечной Империи вечные солдаты вечного Императора...

В отличие от подвижных и вёртких «Вампиров», эти усовершенствованные человеческими «детальями» маго-мехи полагались на непробиваемую и грубую, сметающую всё на своём пути мощь. Заняв позиции, они превращались в непреодолимый бастион на пути любого потенциального захватчика. Укутанные кольчужными плащами тела выдерживали прямые удары невероятной силы, а бронированные лапы крепко сжимали жуткого вида клейморы, способные вскрывать вражеские доспехи, разрезать плоть и переламывать кости.

Замогильные очертания «Умертвий» — такое имя выбрал своим детищам Император — холодно веяли тенью своего создателя. Это его руки и воля придали их облику сходство с Доспехом из льдистого мрака: такие же агрессивные изгибы рогов на чёрных шлемах, скалящиеся демоническими пастями маски-черепа и многослойные ребристые наплечники, когтистые перчатки и похожие на крылья летучих мышей латные воротники. Не знающие сна искусственные глаза взирали на мир тусклым мерцанием зачарованного янтаря.

Достойная стража для самого жуткого в мире оружия...

Оглядываясь на двух безмолвных стражей, замерших у дверей контрольного зала, Унн Фэкс не мог отделаться от странного ощущения... словно что-то недоброе подкрадывалось к нему со спины. Следило.

Будто через пылающий янтарь из-за Грани взирал на своего непокорного слугу сам Император.

Странная тревога назойливо жалила затылок мастера имперских вооружений, заставляла раз за разом обглядываться, тревожно дёргая шей и нервозно моргая болезненно выпученными глазами.

Нет... — Фэкс упрямо мотнул головой — ему не следовало сомневаться: Император, этот железный деспот, обещавший объединить мир, был мёртв. Он обратился в ничто, и дух его оказался навеки обречён скитаться в том ледяном безумии мрака, к которому так стремился, и из которого черпал силы... Виновниками странной тревоги — экс-магистр пытался убедить себя в этом — были всего лишь маго-мехи, слишком похожие на своего сгинувшего в пустоте господина.

Возможно, здесь таилась очередная коварная хитрость Императора... Даже из-за гроба он не желал оставлять свою жертву, протягивал хищные руки, слал угрозы...

Бессильные угрозы.

Мастер-оружейник ощутил похожее на докучливую изжогу сожаление: ему следовало отнять контролирующий амулет у Беветта. Хотя Фэкку не хотелось даже касаться этой штуки — он опасался ловушек, которые мог расставить Император, — но держать её под своим контролем было бы вернее. Безопаснее. С другой стороны, бывший магистр не сомневался, что даже с этой властью на ладони у несчастного имперского капитана не хватило бы духу выступить против чародейской мощи того, кто был однажды одной из первых фигур Оккультного Синода...

А уж с тайнами, которые открыл Фэкку Император — идеальными прообразами и образцами величайшей идеи Разрушения, спрятанными, как в недоступной сокровищнице, в лежащей поверх физического мира реальности предвечного льдистого мрака, — Унн вовсе давно перерос своих старых сотоварищей! Из-за приподнятого занавеса непроглядной Тьмы он почерпнул идеи, соединяя которые с материей можно было породить нечто поистине грандиозное!

И абсолютно губительное...

Но и здесь Император — снова — не оставил его в покое! Вопреки знанию, навыкам, умениям, Фэкк оказался неспособен воплотить величайшие из открывшихся образов. Они раздражали его, измучили своими видениями, но оставались недоступными. Создать нечто столь же бесконечно могущественное, как «Копьё Тьмы», он... не мог. Без Императора, без его взгляда и мысли, чувства и действия, все грандиозные замыслы бывшего магистра расщеплялись на множество бесполезных мелочей, словно что-то в корне неверное закралось в его подход к почерпнутой из мрака Идеи — оскверняло её, превращая в жалкую пародию, копию истаивающего никчемностью абсолютного видения.

Но кое-что Фэкку было доступно. Нечто вроде «Умертвий». Или — «Вампиров». Не слишком впечатляюще, но вполне полезно. При верном применении.

К слову...

— Всё, должно быть, кончено... — проворчал себе под нос оружейник, — никто не справится с «Вампирами».

Речь шла о летучих стражах, посланных против неизвестных сил, посмевших вторгнуться в долину. По мнению экс-магистра, это мог быть один из полумятежных имперских военачальников, самоуверенно возомнивших себя новыми владыками мира. Среди этих ничтожеств не было никого, достойного внимания Унн Фэкка, и любой рискнувший посягнуть на его «Копьё Тьмы» уже наверняка кормил червей, но... Следовало удостовериться. Фэкк стал искать глазами командующего.

— Беветт? Беветт!

Хотя Фэкк мог поклясться, что капитан ещё недавно присутствовал в контрольном зале, сейчас под огромным куполом находился только сам оружейник и пара неподвижных, похожих на железные колоссы «Умертвий»

— Где это ничтожество? — недовольно проворчал Фэкк, но быстро забыл о капитане, вернувшись к своим мыслям о воплощённом в массиве металла и камня могуществе.

Могуществе, сконцентрированном отныне в одном руках...

Его руках!

С ним он мог чувствовать свою принадлежность к лучшим. Наслаждаться превосходством. Своей абсолютной властью. Со временем — Фэкк был убежден в этом — найдется способ и без Императора воплотить спрятанные во мраке секреты. Открытые, они лягут к его ногам, словно покорные цепные псы, которых он спустит на этот мир...

Если пожелает.

А пока, он мог решить, что же делать с «Копьём Тьмы»:

— Куда же мне обратиться... моё оружие?

Вопрос, слетевший с мокрых, нервно искусанных губ оружейника никому не предназначался — он был тих, едва неслышен в колоссальном зале управления, и почти растворился в наполняющем его тихом сумраке.

Тем удивительнее был прозвучавший ответ.

Протест:

— Моё оружие.

Голос железным громом рассёк командный зал, и в мгновение заполнил его своей властной силой, от которой колени Унн Фэкка подкосились, и он едва не упал на решётчатый пол.

— Мой Император! — в голосе оружейника было всё: удивление, страх, отсутствие веры и признание собственной вины.

— Именно, Унн Фэкк. Вижу, вы вошли в число тех моих нерадивых слуг, которые позабыли о верности...

Оружейник побледнел. В его голове мысли о собственной исключительности, о могуществе и тайнах оккультного Синода, вознёсших его на недостижимое для смертных положение, рассыпались прахом, стоило ему увидеть силуэт Императора, возникший между двух «Умертвий». Громадные стражи казались ничтожными рядом со своим создателем законным повелителем.

— Я? Что? Нет, нет... — попытался оправдаться Фэкк, но вдруг замолк.

Следом за Императором в зал управления вошла его свита: лорд Истрим и генерал Браксар — этих двоих можно было ожидать, но следом плёлся несколько поникший против обычного и утративший лоск лорд Гроуввейер, внезапно обнаруживший себя капитан Беветт, разве что не лопающийся от раздувающего самодовольства, и, что совсем удивительно, виконт Вердлем Сераф. Бывший сотоварищ оружейника по Оккультному Синоду не утратил раздражающей сиятельной ауры. Он казался вполне довольным жизнью и с нарочито нелюбопытствующим любопытством утомлённо-пресыщенного аристократа разглядывал обстановку. На миг взгляды Фэкка и Серафа встретились: испуганно-подавленный и пренебрежительно-снисходительный.

И едва ли кто-то из них подумал о старом «товарище» что-то хорошее...

А, всё же, Фэкк был доволен. За напускным спокойствием виконта он уловил волнение, и от этого его собственное положение на миг перестало казаться таким уж жалким.

Только Императору не было дела до всей этой пустяковой возни и застарелых, стервозно треплющих струны души обид.

— Готовь моё оружие к активации, — прозвучал не терпящий возражений приказ. — Я собираюсь покончить с этой затянувшейся войной.

Несколькими уровнями ниже зала управления находилась малая контрольная капелла. Согласно генеральному плану, прочерченному самим Императором, находившиеся здесь офицеры должны были зорко следить за целостностью рунических жил, давлением в трубах с алхимическими эссенциями и напряжением кристалльных сердечников.

Это было жизненно необходимо.

Капитан Беветт хорошо знал, что в ходе строительства рабы постоянно допускали ошибки... Это было следствием подавляющего волю заклятия, которым давили на их мозги сектанты Последнего Бастиона. Даже Унн Фэкк не успевал отслеживать и устранять все неточности и отступления от чертежей суперструктуры. Ограничивались тем, что пытались удержать все в рамках выведенных Императором допусков.

Дело это было не простое.

Никаких датчиков и индикаторов в капелле не было. Определять неполадки требовалось по звуку. Офицеры из команды Беветта заучивали песнь всех цепей и каналов «Копья Тьмы», чтобы по малейшему отклонению «голосов» в хоре выявлять неполадки, и пытаться устранить их. Чаще всего — перенаправлением потоков по вторичным маршрутам. Для этой цели в капелле имелся алтарь управления: глыба оникса, прорезанная золотыми чеканными схемами и увенчанная короной из зловеще алеющих кристаллов. Именно они служили рычагами, а чтобы оперировать ими, каждый офицер был снабжён колдовским ключ-амулетом — чеканной золотой перчаткой, украшенной магическим рубином. Без этой вещицы попытка взять «Копьё Тьмы» под контроль могла стоить руки, а то и жизни.

Убранство капеллы составляли сложные машины, напоминающие грандиозные духовые органы. Только вместо воздуха по трубам пульсировали ужасающие по своему ядовитому составу и разрушающей силе жидкости. Эти железные жилы гудели, свистели и кипели, создавая особую музыку, а на их поверхности проступали капли сладко пахнущего ядовитого конденсата. Рядом с «органами» чернели огромные ониксовые плиты — будто надгробия, вырастающие из пола и врастающие в сводчатый потолок. Их поверхность сплошь покрывали руны. Колдовские знаки вспыхивали и гасли золотыми и алыми каскадами, издавая при этом отчетливый мелодичный гул.

Одна стена в капелле отсутствовала. Вместо нее за рядом высоких колонн зияла мерцающая зловещим багрянцем шахта. Бездонная главная артерия, трахея и хребет «Копья Тьмы». Далеко наверху она выводила в главный зал управления, внизу, казалось, заканчивалась ничем, сливаясь с беспроглядной бездной в сердце мира.

Беветт не слишком-то любил смотреть в этот концентрированный мрак — что-то в нём заставляло сердце трепетать в предвкушении вечной боли и холодного, безграничного одиночества. К несчастью, пост управления находился у самого края шахты, почти выходя за него, и от падения во мрак находившихся здесь людей предостерегали только хлипкие железные поручни...

Но в этот раз Беветту было не до детских страхов. Уверенным шагом, какого у него не бывало уже очень давно — почти с самого начала работы под командованием Унн Фэка — он направлялся к своим подчинённым. На лице капитана сияла самодовольная кривая ухмылка, а в глазах горел огонь воодушевления.

Беветт упивался тем, ради чего присоединился к армии Вечной Империи.

Его распирала гордость.

Дежурные офицеры капеллы были слишком молоды, чтобы хорошо помнить времена до Империи. Империя дала им все, и стала для них всем, а они, взамен, продемонстрировали выдающиеся способности и таланты, чем заслужили назначение на «Копьё Тьмы». Они могли гордиться этим, а Беветт гордился ими. И тем, что его команде предстояло совершить...

Исполнить императорский приказ.

Офицеры из команды «Копья Тьмы» не привыкли видеть своего капитана таким радостным. Обычно, он ходил мрачнее тучи, особенно — когда спускался с командного уровня, где всецело властвовал Унн Фэкк. Тем удивительнее было слышать приказ, который Беветт озвучил с лучащимся пламенным рвением лицом:

— Остановить все работы.

Тысячи свезённых со всей Вечной Империи рабов денно и нощно трудились над строительством «Копья Тьмы», и поток живой силы не оскудевал, но работы всё равно шли с отставанием от графика, да ещё и с множеством ошибок, погрешностей и неточностей. Из-за этого крики и угрозы Унн Фэкса, багровеющего от злости и брызжущего слюной, эхом метались по всей крепости. Команда делала всё возможное, чтобы минимизировать потери и ускорить ход работ, и вот — такой приказ.

«Копьё Тьмы» всё ещё не было достроено. Главное оружие было завершено, но множество центральных цепей так и не удалось ввести в строй, приходилось пользоваться обходными временными маршрутами энергии, часть каналов регулярно сбоили... Даже внешняя обшивка не была завершена!

— Если сейчас снять рабов с процессов, вернуть их обратно может быть проблематично, — с нескрываемым сомнением отрапортовал один из дежурных офицеров.

— Что-то не так, — подтвердил второй, — мы фиксируем увеличением количества сбоев и отклонений, а также понижение дневных показателей. Выработки нет...

— Значит, со смертью Епископа это сектантское колдовство ослабло, — с досадой ударил кулаком правой руки о раскрытую ладонь левой капитан. Он и сам отлично знал об отставании от графиков, и был раздосадован, что к наставшему долгожданному моменту «Копьё Тьмы» не приведено к идеальному виду. Как опытный солдат, он привык идти в сражение с оружием, полностью приготовленным к бою.

Между тем, слова Беветта изрядно напугали его подчинённых:

— Рабы могут восстать! — вскрикнул один из них.

— Не успеют, — успокоил младшего офицера Беветт. — У меня приказ: направить рабов в залы Потока.

Глаза дежурных офицеров широко раскрылись от удивления: Унн Фэкк не мог отдать такого приказа, а значит...

— Слушаюсь... — всё ещё ошарашенно отсалютовал старший из дежурных, — но..

— Что такое, лейтенант? — в голосе Беветта послышались снисходительные нотки человека, хорошо осведомлённого обо всём происходящем.

— Император... — офицер произнёс это священное имя таинственным шёпотом, с придыханием, — он... действительно жив?

Беветт позволил себе взглянуть на подчинённых, как учитель смотрит на любимых учеников, вдруг ошарашивших его невыразимо глупым вопросом:

— Разумеется! Он же Император! А сейчас, — Беветт приосанился, — исполняйте приказ. Настал час нашего триумфа: мы принесем Вечной Империи победу. Раз и навсегда!

Дежурные офицеры вытянулись, как на плацу Тронного Города во время парада, и тут же бросились к алтарю управления.

— Император выбрал цель... — продолжал Беветт.

Лица лейтенантов просияли — небывалое воодушевление овладело ими. Они предвкушали возможность провести жирную черту под долгой историей войны.

Часть 29. Источники силы

Когда выпущенный из-за Грани хрупким колдовством сектантов Последнего Бастиона гул голосов льдистого мрака стал спадать, и рабы-пленники Вечной Империи наконец-то услышали собственные мысли и почувствовали пусть ослабевшую, но собственную волю, было уже поздно.

Двери Залов Потока были накрепко запечатаны.

Своей грандиозностью эти залитые темнотой чертоги напоминали древние храмы позабытых богов — такие же отгороженные от мира толстыми стенами, такие же подавляющие гигантизмом необъятных колонн, и такие же зловещие в своём мистическом предназначении. И, как в любом настоящем храме, здесь тоже были статуи. Много статуй. Каменные колоссы подпирали спинами расписанные заклинаниями стены, и темнеющие своды громоздились на их плечах.

Это были странные боги. Безликие.

На угловатых, нарочито упрощённых каменных головах не было ни ртов, ни глаз. Безымянные скульпторы лишь едва наметили своими резцами эти утерянные черты. Зато руки колоссов были исполнены со всем тщанием. Статуи протягивали странно кривящиеся персты к центру зала — будто в застывшем магическом знаменнии — и на каменных дланях сверкало тусклое золото колдовских амулетов. Эти ребристые латные перчатки с тонкой чеканкой и крупными рубинами на тыльной стороне ладони соединялись напрямую с жилами «Копья Тьмы». Тяжёлые цепи из колдовского железа тянулись от амулетов, вращаясь в плечи статуй, и на каждом звене был вызолочен тайный символ — чёрточка в грандиозной схеме великого плана. Но вся зловещая красота Залов Потока была создана не для любования ею, а как инструмент и фон давно задуманного действия.

Всё — ради одного момента...

Собравшиеся под высокими сводами рабы, ещё смущённые черным колдовством сектантов Последнего Бастиона, должны были встретить здесь свою судьбу.

Послужить Вечной Империи и ее Императору.

Всё потонуло в нарастающем густом гуле — грандиозное оружие пробуждалось от полусна: в его недрах забились гулкие железные сердца, и тёмная энергия хлынула в искусственные жилы. Подчиняясь гнетущей силе, пришли в движение сложные механизмы машины времён и судеб, и душное рубиновое марево поползло из центральной шахты. Наполненный частицами колдовства воздух нёс горький запах железа и приторно-сладкие ароматы алхимических эссенций. Вся эта гарь от работающих печей «Копья Тьмы» лезла в ноздри, оседала на языках и забивала горло. Лица свиты бледнели, глаза начинали слезиться, а лёгким не хватало воздуха. К неудобствам быстро добавился жар — невыносимым дыханием Преисподней он вырывался сквозь шахту откуда-то из таинственных недр «Копья Тьмы».

Только Император не замечал этого. Сотканный из льдистого мрака металл его Доспеха оставался обжигающе холодным, и где-то в чёрной глубине нагрудника слабые искры света, чудом не потонувшие в железной бездне, колдовским мерцанием отмечали последние мгновения уходящей эпохи раздора.

И приветствовали эпоху Вечной Империи.

— Отсюда — рука в перчатке из чёрного железа обвела зал управления — я позволю вам увидеть, как моя Империя шагнёт в Вечность.

Полный властной силы и божественного могущества голос, без труда перекрывший шумовой вал «Копья Тьмы», звучал ужасающе глухо. Словно эхо иного мира. Будто сокрытый за непреодолимым металлом человек вовсе растворился в объявшей его бронированной черноте.

Расползающаяся от Императора аура холода соперничала с жарким дыханием «Копья Тьмы». Лорд Истрим на себе ощутил касание кровавого пламени и чёрного льда: первое — жгло мозг, превращая мысли и эмоции в вязкий сумбур, в котором так легко потеряться, не разобравшись, что к чему, второе — клыками вгрызалось в шею, мешая сделать вдох, не давая сказать даже слова.

Апофикар шагнул вперёд:

— Мой Повелитель, — его голос не мог тягаться в силе с голосом Императора, и не мог перекрыть гул колоссальных машин, но Истрим почему-то верил, что будет услышан. У него было что сказать... Было... Но он, почему-то, не смог этого сделать.

Холод с новой силой сдавил горло, заморозил связки, сделал язык неповоротливым.

Император взглянул на него: громоздкий латный воротник и увенчанный рогами тяжкий шлем чуть повернулись — достаточно, что пара алых глаз-визоров пронзили взглядом сердце и разум апофикара.

— У вас есть, что сказать мне, лорд Истрим? — голос Императора звучал будто отовсюду, и ниоткуда: он незримиыми миазмами льдистого мрака выползал из-под решётчатого железного пола, и вливался в зал управления через кольцо стрельчатых окон. — Полагаете, что лучше своего Императора знаете, что надлежит исполнить?

Истрим почти утонул в этом голосе, будто в разразившемся внезапной бурей море, но смог всплыть, сделать глоток воздуха, и ответить:

— Нет, Повелитель. Я живу лишь чтобы служить вам.

И снова он сказал совсем не то, что хотел. Вернее, не смог произнести то, о чём думал.

— И всё же, вы против моего решения, — тихая печаль в голосе Императора была, скорее всего, просто фантазией апофикара. Тем, что он желал бы услышать. Но он хотел верить в её реальность.

— Да, — краткое, простое словечко далось Истриму сложнее, чем весь путь до «Копья Тьмы».

— Что же... — увенчанный рогами шлем качнулся — совсем немного, но достаточно, чтобы апофикар уловил в этом движении разочарование. Император обернулся к другому своему верному. — Генерал Браксар.

Генерал, всё ещё переживавший потрясение всех основ своего мировоззрения, вызванное разоблачением истинного облика Императора, встрепенулся, и поспешно шагнул вперёд — к темнеющему гиганту из ледяного железа.

— Повелитель? — в его голосе звенело стремление служить, и каждый шагом и вздохом доказывать безграничную верность.

— Вы нужны мне, мой друг.

Слова Императора задели самые чувствительные струны души Браксара, и его глаза зажглись небывалым воодушевлением, а сам он с трудом подавил желание опуститься на колени, и вручить всего себя и свою судьбу в руки этого тёмного владыки.

— Мой Повелитель! — голос Истрима, заслонённого Браксаром и оттеснённого от Императора, зазвучал сильнее. Апофикар не собирался отступать, и холодность Императора только придавала ему решимости. — «Копьё Тьмы» потребует всех ваших сил, сейчас это может быть опасно! — обернувшись к Браксару, он решил искать помощи у него. — Генерал!

Но Браксар не слышал — его разум наполнял обращённый только к нему одному колдовской шёпот Императора. Зато апофикару ответит другой голос:

— Оставьте это, Истрим. Император повелел.

Лорд Гроуввейер, сокрушённый внезапным поворотом быстро несущихся событий, наконец-то дождался момента, чтобы продемонстрировать Повелителю свою безграничную лояльность. На лице одноглазого наместника Тронного Города даже замелькала тень былой надменной уверенности и превосходства.

Эту тень в миг смели с него слова Императора:

— Как всегда амбициозны, Гроуввейер?

Давящая сила Императорского голоса заставила наместника склонить голову.

— Мой Повелитель, я всегда верно служил Вам...

Но Император только отмахнулся:

— Амбиции уместны и весьма полезны, наместник, — наставительно произнёс он. — Безмятежность — не для нас. Но берегитесь амбиций, уводящих из моей тени.

Угроза была озвучена с предельной ясностью — она заставила Гроуввейера содрогнуться, почувствовать невидимую петлю, затянувшуюся было на шее... и в последний миг соскользнувшую. Он всё ещё оставался наместником Тронного Города, одним из приближённых Императора Вечной Империи, и не мог не радоваться этому факту. Особенно сейчас.

— Моё место только подле ваших сапог, владыка, — Гроуввейер склонился ещё ниже, и предпочёл отступить назад, в тень. Подальше от взгляда владыки.

Вокруг сжимались, словно тиски, ряды безмолвных «Умертвий».

Четыре колдовских Меча, которые Гроуввейер и Сераф вместе с Доспехом Императора вывезли из Железной Цитадели, гудели. Казалось, что тёмный металл вибрировал, и его гладкая поверхность, потеряв твёрдость, шла мелкой, искрящейся магией рябью.

В пробуждающемся вихре чародейства связь четырёх Мечей с Доспехами из льдистого мрака проявила себя с небывалой силой. Они, будто разлучённые родичи, жаждали воссоединения. Но Император даже не коснулся жутких орудий. Вместо этого он предложил их Браксару, а сам — сделал шаг по мосткам над бездной.

К машине времён и судеб.

Кольца и дуги грандиозного механизма ожили, а кристальные сферы и линзы в золотых оправках вышли на свои траектории, и теперь кружили вокруг стрежневого концентрического обелиска. Этот вздымающийся из недр «Копья Тьмы» ониковый шип чернел, словно клык неведомого чудовища, и с него, подобно яду, змеилась магическая багровая дымка.

Сжимающий четыре Меча Браксар замер в нерешительности, наблюдая, как темнота Императора сливается с тьмой обелиска.

— Генерал... — шепнул голос Повелителя, заслоняя собой мысли и сомнения Браксара.

Грозная стража — «Умертвия» — встали позади. Окружив багровеющий провал шахты

и вырастающую из него машину, они оттеснили свиту. Унн Фэкс, Гроуввейер, Сераф и всё ещё сопротивляющийся неумолимому ходу событий Истрим остались позади. Стали незначительны.

В целом мире, вдруг сузившемся до ведущих к машине времён и судеб ступеней, остались только Император и Браксар.

И четыре поющих гимны льдистого мрака Меча.

В памяти Браксара вспыхнул тот далёкий день, когда он нашёл своего Повелителя, распятого этими самыми Мечами на каменной плите в недрах древней гробницы. Гробницы, наглухо сокрытой теперь под толщей металла и камня.

Под громадой «Копья Тьмы».

Браксар никогда не мог даже представить, через что прошёл его господин, находясь в мучительном плену темноты на протяжении десяти долгих лет... И не мог понять сил, уберёгших его тело и душу от неминуемой гибели, хотя и знал, что эти годы стали платой за ту связь, что сковала Императора и его Доспех, открыв путь к непостижимому мрачному могуществу.

Девять лет прошло с того дня, когда Браксар решил спасти из зачарованного плена рыцаря в чёрной броне. Девять лет он служил своему Повелителю. И никогда даже не помышлял о том, чтобы выступить против него — мыслью, жестом, или словом.

А теперь — колебался...

Зная, что должен сделать, слыша в своей голове раздающийся железным эхом приказ, он не мог заставить себя исполнить его с должной невозмутимостью.

Он не мог занести меч над Императором, даже по Его приказу.

— Сделай это.

Голос владыки прорвал завесу сомнений, и Браксар с удивлением ощутил, что рукоять одного из Мечей уже зажата в его ладони. Но прежде, чем он смог вонзить жаждающее единения с тьмой лезвие в Императора, чтобы приковать его к чёрному обелиску, кольцо «Умертвий» колыхнулось.

Сквозь преграду маго-мехов продрался капитан Беветт, воспользовавшийся властью своего контролирующего амулета. На фоне грозной стражи фигурка офицера казалась совсем ничтожной.

— Повелитель, — Беветт был явно обеспокоен, — мы получаем множественные сигналы с нижних уровней — разрывы в цепях!

— Что? — Император, уже раскинувший руки в ожидании распятия — единения с «Копьём Тьмы», взглянул на капитана, и, хотя лик чёрного шлема оставался неизменным, Браксар прочитал в алом сиянии глаз-визоров возгорающийся гнев.

— Это не технический порок, — немедленно пояснил увидевший разбуженную им бурю Беветт. — Похоже... саботаж!

— Мятежники! — Императору не требовалось других доказательств: он знал, что это могли быть только Райвол и Райдер, с недавнего времени — главное несчастье его жизни. — Они проникли в крепость и теперь пытаются испортить моё оружие.

Беветт мог только вытянуться по стойке смирно — он не имел ни малейшего представления о мыслях Повелителя, и обо всех последних событиях, и поэтому не мог даже вообразить, как на вверенном его попечению объекте могли оказаться мятежники-диверсанты. Зато Браксар всё отлично понимал. Словно в сиянии ясного дня, генерал увидел свой шанс.

Шанс доказать Императору... всё.

— Я избавлю вас от них. Раз и навсегда.

Браксар выступил вперёд, готовый к свершениям во имя Повелителя, но его рвение не разделил капитан Беветт.

— Это опасно, там же сейчас пекло! Мятежники сами сгинут в дыхании «Копья Тьмы». Оно испепелит их.

— Нет. — Император не был склонен разделять оптимизм капитана. — Только не этих двоих. Генерал, — чёрный шлем повернулся к Браксару, — вы готовы исполнить мою волю?

— Мой Повелитель, — генерал опустил на колено, — я исполню вашу волю. Чего бы мне это ни стоило.

— Славно... — в голосе Императора проскользнула милосердная тень одобрения, но Браксару было достаточно даже подобной крохи счастья, чтобы с готовностью ринуться в любое пекло, и в зев любой пропасти.

Часть 30. Со мною гори

Пол под ногами вибрировал, и сильно. Но, будто этого мало, порой всё здание — всю необъятную громаду железобетонной твердыни — мощно встряхивало. Словно волна проходила по уровням и этажам: от похороненного глубоко в горной толще основания — к разрезающему небеса шпилю. И тогда из-за трещащих по швам слоёв бронированной обшивки доносились глухие стоны каркасных опор.

«Копьё Тьмы» тяжко дышало, будто сию секунду справится с бешеным ритмом биения собственного сердца — жуткой машины Императора. Могло даже показаться, что это — его предсмертная агония. Что великое оружие победы Вечной Империи вот-вот падёт, погребя под многотонными тушами обломков тех, кто дерзнул накинуть поводок на непостижимую разрушительную силу, что таилась за гранью. Тех людей, что рискнули шагнуть под тяжеловесные своды этого храма человеческого властолюбия...

Но Браксар не боялся. Он не боялся, потому что твёрдо знал: его Повелитель *не мог* ошибиться. Разве может ошибиться идеальное существо?

Нет... Потому что боги, или почти боги, не допускают ошибок. Они им не свойственны. Так что тряска не мешала генералу. В конце концов, в седле «Гаргульи» трясло не меньше, а то и посильнее. Особенно в пылу сражений. На самом деле, Браксар мечтал поскорее вернуться к этому. Снова ощутить под рукой послушную железную махину, почувствовать тяжесть своего чёрного клеймора, и то, как сминается под наточенным лезвием броня и вскрывается плоть врагов...

Но помимо тряски был ещё жар. Нестерпимый жар, идущий с нижних уровней «Копья Тьмы». Капитан Беветт не солгал: чем ниже спускался генерал, тем тяжелее становилось.

Пекло, как в жерле извергающегося вулкана. Но Браксар готов был испытать и перенести эту тяжесть. Пускай пот лился с него рекой, пускай промокла одежда, и влага, казалось, начала клинить сочленения доспеха, а сапоги оставляли на полу быстро испаряющиеся следы, это было не важно, если он мог послужить своему Императору.

Это было то, что делало Браксара счастливым — служение достойному... нет, лучшему господину. Пусть даже выпавшее генералу дело было таким пустяком, что Император мог попросту не заметить его исполнения. В конце концов, у владыки много других забот: на его плечах... хрупких плечах, как теперь знал Браксар... лежало бремя целой Империи. Впрочем, он не сомневался, что его Повелитель справится с этим, как не сомневался и в собственных силах — в том, что во имя господина одолеет любого врага.

В этот раз он намеревался окончательно разобраться с мятежниками. Так же решительно и жёстко, как сам Император планировал разобраться с врагами Вечной Империи.

Браксар глянул вниз: «древко Копья» — шахта концентрации потоков — уходила далеко вниз, растворяясь в багровом сиянии и сплетении труб и шлангов, кабелей и хлипких мостков.

«Падение здесь могло бы длиться вечность», — глупая мысль появилась и исчезла, едва Браксар увидел цель.

Две цели.

Мятежники пробирались через узкую галерею на другой стороне шахты. Всего на пару уровней ниже того места, где находился генерал. Решётчатый пол под их ногами ходил

ходуном, но держался...

Браксар действовал без раздумий.

Оттолкнувшись от ненадёжно-вибрирующего пола, он прыгнул в зияющий провал осевой шахты... Мгновение полёта над багровой бездной, вползающее в сочленения брони душное дыхание преисподней, потоки обжигающего воздуха, и вот — чёрные кованные сапоги коснулись шатких мостков, овивающих каменный сердечник «древка Копья». Не останавливаясь для раздумий, или чтобы перевести дух, Браксар побежал и сделал новый прыжок.

Шума от грохота сапог по железу было достаточно, чтобы его услышали, но мятежники не ожидали от закованного в чёрный доспех гиганта такой отчаянной прыти. Им было невдомёк, что может совершить человек во имя того, в кого *верит*.

Он приземлился прямо перед ними — уже с мечом в руке. Со своим знаменитым оружием, в честь которого получил прозвище.

Чёрный Клеймор Императора.

Пара мечей, выставленных вперёд в бессильной попытке достойно ответить своему противнику, не стала для генерала сюрпризом. Отбив их широким ударом, Браксар перешёл в наступление. Его массивная фигура подавляла, вынуждая отступать.

— Достаточно вы досаждали моему Повелителю, — выдохнул он, перекрикивая завывание ветра в шахте. — Ваш путь закончится здесь!

— Ещё увидим, — с поразительной синхронностью ответили мятежники, проводя собственные серии атак. Не слишком слаженные, а потому — не самые опасные.

Клинок Райдера скрежетнул по закрытому бронёй бедру генерала. Браксар даже не заметил. Вместо этого он замахнулся на Райвола. Верткий бунтовщик, больше привыкший к луку и атакам издалека, чувствовал себя не так уверенно с мечом в руках, и чёрный рыцарь был уверен, что легко одолеет такого противника. План казался отличным, но выющийся под рукой второй мятежник препятствовал его исполнению. Генералу не потребовалось много времени, чтобы понять, что из этих двоих именно Райдер представляет для него настоящую опасность. Взмахнув мечом, он нанес мощный удар сверху вниз. Подобной силы атака могла с лёгкостью раскрыть любому человеку голову надвое, но Дэш вильнул в сторону, не рискнув даже пытаться выставить блок. Против грубой силы Браксара у него не было шансов.

Виконт Вердлем Сераф особым чутьем уловил жуткий шторм, распахнувший свой ненасытный зев несколькими уровнями ниже.

Уловил, и содрогнулся...

Где-то глубоко под его ногами, за толщей раскаляющегося железа и вибрирующего камня, тысячи голосов слились в гремящем агонизирующем хоре.

Рабы-строители закладывали последний камень в мрачную громаду жуткого оружия — отдавали свои жизни, чтобы жило «Копьё Тьмы».

Здесь и сейчас под напором направленных чар тысячи разумных существ умирали. Умирали в муках, смакуя агонизирующими мозгами каждую деталь чудовищной пытки, уготованной для них Императором...

Какое дело Повелителю мира до этих страданий? До жертв женщин и детей, целых семей, до плача вдов и сирот... Лишь клубилось бы знамя Вечной Империи над отнятыми,

захваченными железной дланью землями.

Внутренние органы этих закланых овец лопались, а плоть превращалась в гнойную кашу, которая хлестала из-под разодранной в клочья кожи и комьями слезала со стремительно чернеющих костей. И вся эта зловонная масса растекалась по Залам Потока озером тухлой мертвечины. А жизненная сила... она утекала к Императору, который собирал ее, словно кузнец в огромные мехи, готовящийся разжечь чудовищное, вздымающиеся до небес пламя, в котором можно выковать все, что угодно.

Выковать победу...

Ни у одного живого существа не было могущества, чтобы осуществить подобное. Но Император подготовился. Виконт понял, что это грандиозное жертвоприношение было задумано давно. Император знал, *что* делал.

Понимая это, Вердлем невольно подумал: а смог бы он совершить этот... неэстетичный... шаг? Он не был святым, вовсе нет: и убивал, и лгал, чтобы самому торжествовать, но, все же, предпочитал попирать пятками шеи живых противников, а не оставлять где-то в стороне, как бы незначай, горы трупов.

Запах пролитой крови накрепко осядет на том, кто рискнёт причаститься из подобного источника силы...

Вердлем взглянул на чёрную фигуру, распятую четырьмя Мечами на концентрическом обелиске. Жутких «Умертвий» в зале прибавилось, и увенчанный рогами силуэт Императора чернел за стеной железной стражи. Эта картина напоминала сюжеты древних мифов... Из другого, давно ушедшего и позабытого мира — мира варварства и тьмы.

Будто владыка Смерти восставал во всем своем мрачном могуществе в окружении подвластных ему полубогов загробного мира.

Недостижимый и непостижимый...

Где-то в стороне, оттесненная от своего Повелителя, переминалась неуверенная свита: не находящий себе места Истрим, трясущийся Фэкк, потеющий от своих быстро бегущих изворотливых мыслей Гроуввейер и преисполненный волнений капитан Беветт.

Не было только отосланного Императором Браксара.

Даже те, кто не мог напрямую прикоснуться к незримым потокам силы из-за грани, почувствовали свершившееся жертвоприношение. Отзвуки этого грома разнеслись по всей огромной твердыне. Отбиваясь в дрожащих стен, стелясь по вибрирующему полу и резонируя от грандиозных колонн, они затопили всё, словно неудержимый тёмный прилив.

Браксар знал, что случилось. И видел в глазах мятежников, что и они это знают. Это были дрожащие всполохи отчаяния — предчувствие поражения.

— Вы проиграли! — подтвердил их догадки Браксар. — Теперь уже ничто не остановит моего Императора. Вам остаётся только умереть.

— Ошибаешься, — возразил Райвол. Голос бунтовщика дрожал, но в нём всё ещё кипела решимость. — Твой Император падёт, а вместе с ним — ты, и вся ваша Империя!

Ответом Винду был удар чёрного клеймора. В этот удар Браксар вложил всю ярость, и всё желание заставить неугомонного мятежника замолчать, и не сметь больше порочить замыслы и деяния Императора.

Мечи скрестились. Искры и звон металла. И взрыв... Гулкий, сбивающий своей мощью с ног взрыв... Не из-за Браксара и Райвола.

Из-за Императора.

Высвобожденная энергия билась под десницей владыки, пульсировала, как вырванное из тела сердце, и это биение заставило всё «Копьё Тьмы» содрогнуться. Сформированные из труб и колб стены осевой шахты деформировались, не выдержав мчащей по ним силы. Части огромных железных и медных конструкции теперь падали в бездну, разрывая удерживающие тросы, цепи и кабели. Искры били из повреждённых сетей.

Огромная наполненная мутным варевом колба рухнула совсем рядом, смяв и пробив мостки, на которых стояли Браксар с мятежниками. Им пришлось кинуться в стороны, чтобы уцелеть. Но всё вокруг теперь покрывала зловонная маслянистая эссенция — одно из творений лорда Истрима. Словно яд коррозии, она разъедала металл: шипели и пузырились решётчатые мостки и трубчатые хлипкие перила, даже броня Браксара нагрелась, не выдерживая химического натиска, и генерал чувствовал, как стягивается и горит кожа на его руках.

Но он всё равно бросился вперёд, скользя по разлитой, словно кровь машины, эссенции Истрима. Удар Браксара должен был снести голову Райволу — мятежник не удержался, упав, и попытался стереть с быстро краснеющих ладоней замешанную на самой смерти отраву...

Чёрный клеймор встретил сталь. Это Райдер, вездесущий Райдер снова пришёл на помощь товарищу.

— Я здесь справлюсь, — самонадеянно крикнул вечно улыбчивый мятежник, кивая Винду. — А ты разберись с Императором.

Сказать было проще, чем сделать. Заполнявшие осевую шахту конструкции пострадали от всплеска энергии сильнее всего, и путь наверх стал труден. Но Райвол всё равно бросился по нему.

— Постарайся не умереть, — крикнул он, прежде чем прыгнуть и, ухватившись за обломок трубы, преодолевая боль в руках, на которых кожа уже шла волдырями и кровоточила, подтянулся, чтобы забраться повыше.

Браксар проводил Райвола коротким взглядом, а затем перевёл его на Райдера.

— Ты ведь знаешь, что тебе не выжить?

— Поглядим, — ответил Дэш, снова проводя серию яростных быстрых атак. Полагаясь на собственную ловкость и изворотливость, он надеялся найти брешь в чёрной броне генерала. Это было не просто, особенно когда над головой то и дело свистела сталь огромного клеймора. Даже лёгкого касания столь грозного оружия могло хватить, чтобы убить... Но Райдер не собирался сдаваться. Его меч, самый простой, даже заурядный, нашёл свою цель. Там, где броню разъял алхимический яд, сталь пробила чёрную крепь и вошла под ребро генерала. Не глубоко, но достаточно, чтобы Браксар взревел. И тогда же удар затянутого в броню кулака с яростной силой отбросил мятежника прочь, так, что тот лишь чудом удержался на мостках. А затем — снова грянул взрыв. Находясь уже далеко наверху, Винд Райвол смог лишь разглядеть, как рухнули в багровую бездну шаткие конструкции, на которых сражались Райдер и Браксар.

Эти слова не прозвучали вслух, и не были беззвучно внушены — никакой вульгарной телепатии. Их несла магия. Они были заложены в сам поток энергии. Тысячи и тысячи подобных ему наполняли зал управления, и центром притяжения для всех был Император. Он поглощал их, будто черный разрыв в мироздании. И только единственный ручеек

колдовства устремлялся прочь от закованной в льдистый мрак фигуры...

К Вердлему Серафу.

...Он продирался сквозь невидимый обычному глазу бурный поток, чтобы мягким, почти интимным струящимся движением коснуться виконта, очертить его тело и, мурлыча песнь силы и могущества, свернуться у него на груди... Поступаться в ту часть разума, что измеряет и постигает чародейство.

Маленькая шалость Императора, неподходящая груде черного железа. Виконт оценил этот жест. Чуть склонив не привыкшую к поклонам голову, он обратил взгляд к Повелителю. Вердлем не был так сведущ в тайных знаниях, как он, но надеялся, что будет услышан:

— Что же... — прошептал виконт неслышным колдовством, — начало партии было неплохое, мой Император, *но*...

В зале управления, где Император готовился встретить свой величайший триумф, стоял гул и багровый туман. Посреди всего этого, словно алтарь великого божества, громоздилась машина времён и судеб. В зависшей под куполом огромной сфере, под зыбкой гладью которой непроглядный мрак сражался с отблесками света, отражались картины мира. Они выплывали из танца теней — отражения далёких земель, странно искажённые, но узнаваемые.

Оружие Императора практически закончило искать свою цель: фокусирующие линзы, настроечные кольца и дуги системы наведения уже замерли, фиксируя наводку. Оставалось лишь отдать команду и выпустить на волю собранный тёмным повелителем Хаос.

Могло показаться, что Император ждал только *его*.

— Слишком поздно, Райвол, — пророкотал железный бас. Сейчас, как никогда более казалось, будто он доносится отовсюду, и ниоткуда, или из-за грани бытия, но никак не из-под толщи чёрного Доспеха. — Ты уже не помешаешь мне. Но ещё можешь... присоединиться, — голос льдистого мрака звучал почти ласково. Но Райвол не верил в его искренность. Эти слова сочились ядом, таким же едким, как тот, что оставлял зудящие раны на руках мятежника.

— Никогда, — возразил он. — Вы проиграете, Ваше Величество.

— Это решать не тебе... — слова прозвучали почти устало, и разочарованно.

Райвол поднял меч. Он едва ли мог надеяться пробить этим жалким оружием толщу сотканной из Тьмы брони, но и Император казался беззащитным — распятый на мечах, он не мог даже поднять руки, чтобы отразить удар, и не мог отступить. Но, почему-то, Винд знал, что это ничего не значит. Император совершенно не боялся. Более того, он был уверен в себе, как никогда прежде.

— Быть может, ты рассчитываешь на помощь? — спросил Император. — От кого-то, кто уже помогал тебе и вашему жалкому мятежу прежде?

Райвол упрямо молчал, буравя взглядом гиганта из льдистого мрака. Откуда-то со стороны прилетел призрачный отзвук смешка — Император издевался над ним.

— Виконт Сераф больше не поможет тебе. Он уже *признал* мою победу. Теперь признай и ты.

— Никогда! — Райвол сделал шаг вперёд. Наверное, наблюдающая со стороны свита этого даже не заметила — мятежника едва ли было видно из-за созданной «Умертвиями» железной стены. Тень Императора покрывала собою всё.

— Наивный... Сегодня придёт конец Окультному Синоду, — продолжал великан из Тьмы; его совсем не впечатлил выпад со стороны Райвола. — А затем и всякому мятежу, сопротивлению, недовольству. Следующее утро станет утром *моей* Империи.

Тело из плоти и крови не чувствовало ничего — весь удар, всю разрушительную силу принял на себя скованный из льдистого мрака Доспех. Не просто сросшаяся, сроднившаяся со своим хозяином броня стала ему плотью.

И приняла удар на себя.

Неисчислимой мощи энергия протекала сквозь каждую частицу колдовского Доспеха, испытывая его пределы и возможности... Источая хитроумно сплетенную из бушующей за порогом жизни и смерти материи небытия бессмертную оболочку и гробницу для избранного возлюбленного самой Тьмы.

Спящее в этом нерушимом гробе хрупкое смертное тело не страдало. Физически... Но не ментально.

Как живые ткани передают всю свою боль и блаженство по нервным окончаниям в мозг, так и Доспех старательно, до мельчайших подробностей шептал в разум Повелителя Тьмы все переносимые вместе с потоком абсолютной мощи страдания.

Чтобы Император вкусил агонию.

Что мог значить в это мгновение удар простого меча? Ничего. Винд Райвол, сорвавшийся в последнюю бессмысленную атаку, с изумлением наблюдал, как обратилось в ничто от соприкосновения с Тьмой его никчемное оружие. А в следующий миг разряд багровой молнии, вырвавшийся из затянутой чёрной бронёй груди ударил его и отбросил далеко назад — к ногам неколебимых «Умертвий». Пара жутких чудовищ Императора склонились над мятежником, протянули к нему свои когтистые железные лапы и сжали в могучей, непреодолимой хватке.

Чтобы Райвол мог наблюдать...

Пламя объяло концентрический обелиск и распятого на нём Повелителя Тьмы. Энергия взмывала ввысь, направленная могучей и властной волей, превозмогшей безграничную боль.

Цвет самого темного часа ночи на Доспехе уступил место слабым сумракам. Подобно неверной туманной дымке утреннего часа, он расступился, обнажая своё сердце — хрупкое, слабое тело просто человека, сжавшееся под покровом истончившегося колдовского железа.

Последние капли энергии уходили ввысь, к пирамидиону из электрума на вершине "Копья Тьмы". И дальше, к цели, которой уже не было.

Император победил.

Эпилог. Империя и бой — продолжаются

Первое боевое испытание «Копья Тьмы» можно было считать с успехом завершённым. Да, цитадель получила серьёзные повреждения, многие уровни и секции были повреждены и требовали трудоёмких восстановительных работ, но — впервые за многие годы — вездесущее око Оккультного Синода больше не рыскало над землёй, не пыталось проникнуть в тайны Вечной Империи, не стремилось заглянуть в планы Императора... И, хотя некоторые магистры сумели предугадать угрозу и скрыться, действия этих трусов больше никак не могли повредить Повелителю Тьмы. И даже знай эти беглецы, что жуткое оружие возмездия ещё не скоро сделает новый выстрел, любые их потуги стали бессмысленны: просто возня обветшалых стариков, упустивших стремительно меняющийся мир из своих трясущихся рук.

Что касается «Копья Тьмы» — повреждения действительно были серьёзными.

Удручающими...

Уни Фэкс потерял сон, пытаясь восстановить потоки и наладить работу хотя бы ключевых структур и самых важных узлов. Повелителю Тьмы не пришлось опускаться до угроз, чтобы добиться подобной кипучей деятельности: главный маг-инженер имперских оружейных исследований и без этого был напуган до полусмерти. Страх заставлял его двигаться со скоростью, которую экс-магистр Оккультного Синода не развивал со времён своего далёкого студенчества.

Впрочем, это шло ему только на пользу.

Но имелись и такие повреждения, которые Фэкс, при всех своих талантах, исправить не мог. И дело было не в недоступности материалов: с возрождением Вечной Империи неизбежно было и восстановление ресурсных потоков, направленных на «Копьё Тьмы». Требовалось всего лишь немного подождать...

Неисправимые повреждения нёс на себе *сам* Повелитель Тьмы.

Каким бы настоящим ни казалось сплетённое из льдистого мрака тело — Тёмный Доспех — оно оставалось лишь сосудом. И сосудом не для одного лишь разума Императора, но и слабого тела из живых, уязвимых тканей.

«Жалкое, ничтожное...»

У Повелителя Тьмы было полное право искренне презирать и ненавидеть эту часть себя, настолько уязвимую, что её требовалось оберегать даже от собственных разрушительных сил...

Вопреки надеждам, Доспех — сосуд и проводник для поставленной в услужение колдовской мощи — не смог полностью оградить природное тело своего владельца от платы за могущество: оно страдало. Боль охватывала каждый мускул, невыносимая усталость парализовала ноги, пронзала руки до самых кончиков пальцев. Само сердце, казалось, отказывалось работать должным образом, а лёгкие разрывал удушущий кашель.

Доспех, как всегда, скрывал эту постыдную слабость — энергии, питавшие его из-за Грани, вновь наполнили колдовскую материю беспросветным мраком. Повелитель хорошо научился использовать этот сотканный из льдистых волокон занавес... За то десятилетие, что его тело было в плену — как раз здесь, в глубинах старинной крипты, теперь погребённых под громадой цитадели. В то время его разум бродил из тьмы во тьму, постигая каждую частицу Доспеха, как целый новый мир. Он сроднился с ним. И стал зависим. Броня

стала новым привычным телом, покуда природные кровь и плоть спали в этом саркофаге из холодного железа, недоступные разрушительному времени... Но обращённая против Оккультного Синода мощь напомнила Императору, что Доспех — всего лишь оболочка — шелуха, за которой скрывается ничтожная, смехотворная смертность. И теперь ему предстояло долгое восстановление, и должен был пройти не один год, прежде чем можно было бы помышлять вновь прибегнуть в убийственной мощи «Копья Тьмы».

Всё потому, что без Доспеха он был... *ничто*.

Но он всё равно не собирался отступать. Ещё наверняка оставался шанс, погрузившись глубже в льдистый мрак, подготовится получше, и полнее раскрыть весь разрушительный потенциал своего доступного ему оружия... Несмотря на риски, на опасность навсегда потеряться в тёмном безумии зла, чей океан бушует за Гранью, Повелитель верил, что сможет и это. У него имелись все средства. Но сейчас — невыносимо хотелось спать. Спать, как в детстве, когда он не был ни Повелителем Тьмы, ни Императором Вечной Империи, и когда леди Нейт была просто сестрицей, с которой они вместе пытались выживать на улицах ещё не железного Тронного города, а старой доброй Васки...

«Как давно это было».

И как смехотворно наивен он был.

Тишину тронного зала — того, что назывался малым, и располагался на самой вершине крепости, — нарушило эхо шагов. По переброшенным через бездну решётчатым мосткам промаршировал, парадно чеканя шаг, уже не капитан, а полковник Беветт. Обновляющейся Вечной Империи требовались новые *верные* офицеры в поредевших командных кругах... Вокруг Беветта, поднимаясь из зева технических шахт, тяжелели окутанные алым дымом странные машины со множеством линз и покрытых колдовскими письменами движущихся колец. В их тенях суетились сектанты Последнего Бастиона: что-то подкручивали, наводили на чувствительные узлы и контролирующие кристаллические сердечники замысловатые щупы настроечных ключей, калибровали фокусирующие линзы.

Они направляли рассеянные магические потоки на своего божественного Повелителя...

Остановившись у ведущей к трону железной лестницы, комендант «Копья Тьмы» преклонил колено перед своим господином.

— Мой Император, — голос Беветта терялся в шипении таинственных механизмов, — К нам поступают донесения: хотя «Копьё Тьмы» нанесло всего один удар, не только Ваши военные наместники, но и некоторые из правительств Священного Союза уже клянутся Вам в верности, и желают присягнуть Вашей Вечной Империи, — закончив говорить, полковник слонил голову в ожидании императорского повеления. Ждать ему пришлось дольше, чем он мог ожидать: Повелителю Тьмы потребовалось время, чтобы сознание его вырвалось из объивших его давних воспоминаний, и сконцентрировалось на происходящем, отгоняя от себя постоянно наползающий глубокий, так похожий на смерть сон.

— Неудивительно, — голос Императора как прежде, доносился отовсюду сразу. Он был бесстрастен и могуч, в нём не было ни тени тех страданий, что переживали под покровом Доспеха тело и разум Повелителя. — Но почему я должен принимать их пустые клятвы? Союз долго противился моей власти... Теперь я могу обратить его в ничто, и на руинах возвести *всё*, что пожелаю сам. То же касается моих неверных слуг, возомнивших, будто Император Вечной Империи может проиграть, может... *умереть*.

— Мой Повелитель... — испуганно пролепетал Беветт: полковник был простым солдатом, и не мог постичь всех невообразимых замыслов своего господина, и тем более его

пугала тёмная мощь владыки, и уж совершенно точно он не был готов к тем крайним мерам, на которые мог решиться Император.

— Знаю, — наконец-то откликнулся Повелитель на невысказанные офицером слова. — Я буду... *милостив*.

Победа над Оккультным Синодом была великим достижением — самый грозный враг Вечной Империи пал, сметённый промчавшимся над миром гневом Императора, и больше никто не скрывался за спинами правительств Священного Союза и суверенных князей, не подталкивал их к противостоянию, не манипулировал ими в интригах. Воля, сцеплявшая это бессмысленное противодействие могучей поступи Повелителя Тьмы, истаяла вместе с седобородыми магистрами!

Конечно, оставалось ещё Соппротивление — мятежники, вроде Райдера и Райвола, возглавляемые своей неугомонной и неугомимой принцессой... Они скрывались по подпольям, рыскали по закоулкам, вынюхивали и выискивали возможности побольше уколоть Вечную Империю исподтишка.

Неуловимый и назойливый враг... Но и ему Император нанёс удар.

Винд Райвол — один из лидеров мятежа, тот, кто нанёс так много вреда Вечному Трону, всюду и всегда сеял хаос и вносил разлад в отлаженную военную машину Империи... попал в руки своего злейшего врага!

Теперь его можно было покарать: устроить показательный суд, приговорить, вывести на площадь Тронного города, показать собравшимся толпам и предать мучительной смерти...

— *Не остановят ни ваши суды, ни наша смерть грядущей революции!..*

Как часто Повелитель Тьмы слышал эти слова — разные по форме, более или менее красноречивые, но единые по высокому духу и гордому смыслу, — когда расправлялся с врагами своей Вечной Империи.

Они разносились с плах и гремели громче, чем марши всех имперских армий, и в итоге сделали для сопротивления, восстания, неповиновения больше, чем сама принцесса, или её снующие по чердакам и подвалам агитаторы.

Император более не собирался потворствовать мятежу.

Райвол остался жить.

В каком-то смысле, ему не повезло. По крайней мере, сам он почти наверняка считал именно так. Слишком много в нём было энергии и устремлений, чтобы оказаться в тесной одиночной камере — железном мешке в недрах «Копья Тьмы», где он защит наедине со своими мыслями.

Мыслями о поражении.

Если подумать, это «блюдо» Райвол до этого момента почти не знал, а теперь, с подачи Императора, распробовал сполна. Но для него готовилось и ещё нечто большее.

Изысканное, грандиозное...

Когда Император окреп — а после выстрела «Копья Тьмы» на это ушло немало времени — он уделил вниманию своему «гостю». В конце концов, это было долгом хорошего хозяина.

Назначение части машин в огромной структуре цитадели не знал даже Унн Фэкк — они были возведены по чертежам самого Повелителя Тьмы, на которые его вдохновили плавающие в льдистом мраке совершенные идеи. И теперь настал час привести их в

движение и испытать на деле.

На Райволе.

В глазах бойкого юноши вспыхнуло пламя. Дух сопротивления горел в нём ярко и жарко — он был готов к изматывающим пыткам и бесконечным допросам. Но Императора не интересовали места и пароли мятежников.

Его интересовал только *сам* Райвол.

Когда устрашающие механизмы пришли в движение, на героя восстания обрушилась вся давящая мощь льдистого мрака, и прорывающийся из-за Грани хор голосов, приводящий в смущение мысли, спутывающий воспоминания, размывающий веру и вбивающий клинья в убеждения.

— Ты... ничего от... меня... не получишь, — сквозь зубы прохрипел Винд, пытаясь противостоять пронзающей его тело холодной боли. Привязанный к концентрическому обелиску — тому самому, с которого Император управлял своим оружием, — он не мог двигаться, и только попусту напрягал мышцы. Цепи из колдовского железа ему было не разорвать.

— Как знать, — флегматично откликнулся Император, запуская новый виток машины, и новую волну боли в сознание Райвола. От муки тот судорожно закусил губу, и по подбородку заструилась кровь.

— Я... ничего не скажу!

— Разве я что-то спрашивал у тебя? — удивился Император, в то же время регулируя потоки: подчиняясь его воле, огромное контролирующее кольцо, охватывающее зависшую под потолком сферу льдистого мрака, сдвинулось, а парящие вокруг фокусирующие кристаллы выстроились в новую смысловую структуру. В это же время сектанты Последнего Бастиона привели в движение малые машины: на фоне громадных зубчатых колёс, золотых армиллярных и планарных сфер, и сложносоставных окуляров эти закутанные в алые балахоны безликие фигуры казались особенно зловещими.

— Ты... Ты обманул меня... Нас всех! — бросил обвинение Райвол, пока змеящиеся молнии, поднявшиеся по концентрическому обелиску из недр цитадели, заползали на его тело и вгрызались в мышцы.

— О нет, мой отважный мятежник, — поправил пленника Повелитель Тьмы, — ты сам был рад обманываться. И обманываешься до сих пор.

— Лжец! — слово почти потонуло в крике боли, когда кусающие Райвола молнии достигли самого его мозга.

— И обманываешься очень во многом, — продолжил как ни в чём небывало Император: его голос заполнял зал управления. — Но я помогу тебе преодолеть *это*.

— Нет! — надломленный голос эхом заметался под железным сводом. Настройки машины вновь изменились: интенсивность, смысловая парадигма, направление и угол потоков... Под рукой Императора жуткая машина «Копья Тьмы» направила энергию, пульсирующую по её прописанным заклинаниями жилам, чтобы расколоть защитный кокон убеждений, окружавших мятежный разум Винда Райвола.

— Значит, он не умер, — хотя работы по разбору завалов на нижних уровнях, а особенно в центральной шахте «Копья Тьмы», продолжались, Император не требовал проведения более тщательных поисков. Он уже не сомневался, что тело отыскать не удастся.

Не верил он и в то, что его мог испепелить без остатка жар, царствовавший в технических зонах цитадели во время запуска оружия...

«Как удручающе».

Мало того, что что ему пришлось провести немало времени привязанным к койке, да ещё и под бдительным надзором и, что обиднее, тщательным уходом лорда Истрима, так он, будто этого мало, ещё и не сумел исполнить священную волю своего Императора! Подвёл его, упустив Дэша Райдера!..

Что на этом фоне значила потеря руки, даже правой, и все полученные травмы и раны?

«Ни-че-го».

Браксар был в бешенстве. Он ненавидел и презирал сам себя. Проклинал собственную слабость и ненужность. Таким бессильным он не чувствовал себя... никогда!

«Убожество» — так он называл себя.

Он не заслужил ту новую руку, что подарил ему Император: сплав колдовства и железа заменил генералу утерянную конечность. К её тяжеловесности и некоторой грубости ещё предстояло привыкать...

Долго и тяжело привыкать: кодирующие заклинания из кристаллических сердечников так и норовили залезть Браксару в мозг и запутать мысли, и звуки работающих механизмов порой давили на слух.

Чем-то эта зачарованная рука напоминала конечность «Умертвий» — жутких гвардейцев Повелителя Тьмы, или лапу «Гаргульи». Последнее сравнение генералу было больше по душе: теперь всадник походил на своего железного скакуна.

Сроднился с ним.

— Мой Повелитель, — лорд Истрим, как всегда, был тут же, рядом с Браксаром, и они вместе преклоняли колени перед своим Императором. — Разве единственный бунтовщик может *теперь* угрожать Вам? «Копьё Тьмы» сделало своё дело.

Апофикар, по своему обыкновению, сохранял внешнюю невозмутимость, но Брасар впервые сомневался, так ли спокоен этот платиновый блондин внутри, как снаружи? Мир вокруг них стремительно менялся. Переворачивался. Начавшийся было развал всего и вся, гибель Оккультного Синода, возвращение Императора, возрождение его власти, волнения в Священном Союзе... Сама Вечная Империя менялась, и генерал не был уверен, какое место теперь занимает в ней он сам.

Почему-то Браксару казалось, что Истрим терзается теми же вопросами... И самым главным: кто они для Императора?

Долгое путешествие их Повелителя бок о бок с мятежниками сказалось на нём. Он поменялся, хотя, быть может, и не из-за этого. Быть может — из «Копья Тьмы». Браксар чувствовал давящую атмосферу этой едва не развалившейся железной твердыни... а ведь он не понимал и не знал магии, и не мог прочувствовать её силу сполна!

Что тогда должен был ощущать в этом месте Император?

Здесь, ещё до рождения Вечной Империи, когда не было и следа громады «Копья Тьмы», Браксар, ещё совсем не генерал, а простой бандит и наёмник, впервые встретил *его*... Гиганта в жутких доспехах, распятого четырьмя мечами на старинном алтаре. Он был заперт, как выяснилось, на протяжении десяти долгих лет в темноте позабытой всеми гробницы...

Что случилось бы, не найди его тогда Браксар, не пойдя он против товарищей, не освободи его?

Судьбоносная встреча.

Мало что напоминало теперь о тех временах. Годы, на которые Браксар связал себя со своим Повелителем, пробежали, окрашенные кровью сражений, пропахшие железом и огнём. Даже сама тихая горная долина изменилась — её исказило до неузнаваемости пропитывающее всё в «Копьё Тьмы» чёрное колдовство... Успела возвыситься, едва не пасть и всё же выстоять Вечная Империя! А он только сейчас узнал, кто же скрывался за непроглядной чернотой Доспеха.

Внешность ничего не изменила для Браксара. Он, как и прежде, был верен и полон желаний служить. Но теперь генерал сомневался, что может понимать своего Императора, или даже иметь право пытаться понять его.

Маго-механическая рука, отзываясь на мысленные волны Браксара, сжалась в убийственно-крепкий кулак, внутренние её структуры напряглись до предела и... ужалили генерала в живую плоть небольшим, но ощутимым энергетическим импульсом. Он ослабил хватку, и вернулся мыслями обратно в малый тронный зал.

Громадный чёрный Доспех никак не выдавал скрывающегося за ним человека...

— Даже один человек способен поворачивать колесо истории, — ответил на слова апофикара Император. — Дэш Райдер опасен для нас. Теперь — особенно.

Истрим истолковал это по-своему:

— Так почему бы нам не казнить Райвола? Мятежники наверняка попытаются спасти его, а вместе с этим — повредить «Копьё Тьмы», или даже напасть на Вас.

Браксару показалось, что он услышал смешок.

— Да, так и будет, — в голосе Императора не было ни тени сомнений. — Но на Райвола у меня *свои* планы...

Генерал мог поклясться, что на этот раз уловил на лице «ледяного» апофикара те же чувства, что ощутил в себе — укол ревности: маленький мятежник получал больше внимания Императора, чем его самые верные слуги. Даже поза Истрима изменилась: как воин, Браксар мог читать противника, и видел возникшее в мышцах напряжение.

— ...он отлично послужит делу моей Империи, — продолжил Повелитель Тьмы. — Вы не согласны?

— Он наш враг, — выразил мнение Браксар, даже не пытаясь скрыть мрачного настроения.

— И опасен, и верен своим идеалам, — горячо поддержал товарища Истрим. Такое единодушие двух извечных соперников, должно быть, позабавило Императора.

— Не на долго, — был ответ.

Как и следовало ожидать — мятежники пришли за Райволом. Они просто не могли бросить его.

Дерзкий маленький отряд сумел преодолеть заграждения из солдат, «Умертвий» и рассекающих небеса «Вампиров», и проникнуть в суперструктуру цитадели. Удача, несомненно, потворствовала их глупости.

Они оказались именно там, где желал видеть их Император.

Но когда неутомимый и неугомный Райдер нашёл своего товарища по битвам, тот мало походил на пленника. Мундир имперского образца был подогнан по фигуре, как и элементы матово-чёрной брони. На поясе висел меч — один из четырёх Мечей, скованный,

как и Доспех Императора, из льдистого мрака, и принадлежавший некогда претенденту на титул Повелителя Тьмы.

— Скверно выглядишь, приятель, — оценил внешний вид товарища Райдер. На этот раз на лице рыжеволосого бунтовщика не нашлось места для привычной улыбки.

— Ты зря пришёл сюда, Дэш, — оставив едкий комментарий без реакции откликнулся Райвол.

— А тебе, погляжу, теперь уже нравится в обществе имперцев?

— Ты ничего не понимаешь, — устало покачал головой Винд. — Император... Он.

— Что? Промыл тебе мозги? Бросай-ка ты это всё, и уходим отсюда, пока ещё не поздно, — Дэш протянул другу руку.

— Не поздно? — переспросил Винд. — Для чего?

— Для всего, — Дэш верил в свои слова. Для него гибель Оккультного Синода ничего не значила, как и предательство, раскалывающее Священный Союз изнутри. Он жил Соппротивлением, а оно продолжало борьбу с Вечной Империей и Императором. Несмотря ни на что.

— Мне жаль, — тихо откликнулся Райвол, глядя в лицо друга.

— О чём ты?

— Жаль, что ты так думаешь, — ответил за Винда новый, хорошо знакомый Райдеру голос.

Из темноты, заполняя пространство малого тронного зала своей давящей аурой, шагнул закованный в черноту гигант.

— Для вашего жалкого Соппротивления уже всё потеряно, — провозгласил Император, обращаясь к мятежнику. — Твой друг понял это. То же будет и с тобой.

— Никогда! — Райдер обнажил клинок. — Я буду драться с тобой до конца.

— Разочаровывающе, — откликнулся Император, — но ожидаемо. Да будет так...

Император снова слился с клубящимся по залу мраком — навстречу Дэшу Райдеру, своему другу, с мечом в руках шагнул Винд Райвол.